

№ 7

2009

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

Р. Махатадзе. Охота на «белую ворону». Роман (окончание)..... 3
Н. Туякова. Наблюдения (Автобус; «Я не люблю тебя...»;
Снова автобус) 59

Поэзия

В. Гундарев. «Моя вечерняя заря...». Стихи..... 47
Е. Демидович. «Спасибо за то, что живу я...». Стихи 67

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 74

© «Нива», 2009, Астана

Поэтический венок

- В. Шестериков.** Малая родина Юрия Гусинского 105
Ю. Гусинский. «И сердце разрывает радость...». Стихи 107
-

К 65-летию Великой Победы

- И. Болучевский.** От Ишима до Дуная. О боевом пути
387-й Перекопской стрелковой дивизии 113
-

Культура. Общество. Личность

- В. Коноплёв.** «О, сколько нам открытий чудных...» 131
-

Вре́мён связу́ющая нить

- В. Владимиров.** Досье для Первого, или
По нотах волчьей дружбы. Исторические параллели.
Из цикла «На плахе XX века» 147
-

Искусство

- Д. Бекова.** Весь мир в себя вобрав... 181
-

Дале́кое — бли́зкое

- М. Швецова.** Жили-были..... 183
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Анары Абжановой.

Реваз МАХАТАДЗЕ

Охота на "белую ворону"

Роман

(Окончание. Начало в № № 4-6 за 2009 год)

Настораживающая встреча

Бадри Шецирули уже три дня просит Дуту Херхадзе послать своего сотрудника Малхаза Махатели к нему домой. Никакой реакции! Не передаёт он просьбу, что ли? Или говорит, а тот ни во что не ставит слова директора? Вряд ли! От последнего предположения Шецирули даже отплёвывается — тьфу! Но на кого он плюёт — на Махатели или на Херхадзе?

Нынче в полдень он в третий раз посетил Дуту.

— Бадри! Ты пришёл, чтоб встретиться с Махатели? Да? — не дав рта раскрыть, спросил его Херхадзе и иронически улыбнулся, поднял трубку внутризаводского телефона, поиграл ею в руках, делая вид, что собирается позвонить Махатели.

Шецирули поёжился, но сразу вскочил, перегнулся через директорский стол, схватил Дуту за руку, чтоб не допустить звонка.

— Не надо! Это не телефонный разговор. Пусть придёт ко мне домой.

— Домой к тебе он вроде собирается вечером, — опустил Дуту трубку.

— Вечером? — сверкнули у Бадри глаза. — А не обманет?

— Не думаю.

Дуту Херхадзе хорошо помнит совсем недавнюю беседу с Малхазом Махатели — сына его устроил на работу старый друг, а Шецирули рвётся примазаться к этому делу. Махатели, конечно, есть Махатели, но врать он не врёт, в этом не замечен, ничего не скажешь!

“Может, переспросить у него? Что, если посоветится и не станет настаивать, что устроил?”.

— Бадри, это ты помог Махатели устроить на работу сына?

— Да! — не колеблясь, запальчиво отозвался Бадри.

— И он что-то обещал тебе за это? — задержал взгляд на глазах собеседника Дуту. — Скажи мне правду!

Бадри задумался, будто спрашивая самого себя, нужно ли выкладывать всю правду-матку.

— Ничего он не обещал. Да и к чему эти обещания? Такие дела нынче никто даром не делает.

Дуту провёл мизинцем по пухлым губам. Жест неудовольствия! Ему очень не понравился и ответ, и тон Бадри, но он сдержался.

— Ошибаешься! Есть сколько угодно людей, которые куда больше помогают ближнему в трудную минуту совершенно бескорыстно. А что ты хочешь спросить с него?

Плотный, тяжеловатый Шецирули откинулся на спинку стула и, разведя в стороны руки, спросил, как бы недоумевая:

— Да, но я ведь обещал тому человеку! Что ж теперь делать?

— Бадри! — возмутился Дуту и, не выдержав, даже подскочил в кресле. — Что ты чернишь этого почтенного человека? Я хорошо знаю, он не взяточник, — заложив руки в карманы, прошёлся он по кабинету. — Я вчера случайно встретил начальника этого управления и, представь, хоть я ни о чём не спрашивал, он сам вспомнил и сказал мне, что пару месяцев назад взял к себе на работу

моего соотечественника, молодого человека, и очень им доволен. Парень стал прямо-таки душой коллектива. Тут уж я поинтересовался, как тот на него вышел, и сказал, что отец его с некоторых пор работает у меня на заводе. Он рассказал, что привела парня его заместитель, и я уточнил, вспомнив тебя, уж не причастен ли к этому делу Бадри Шецирули, на что тот рассмеялся и сообщил, что издал приказ о назначении за два дня до разговора с тобой.

Бадри остолбенел. Он не знал, что отвечать, и, ошеломлённый, покинул кабинет. Доселе он был уверен — никто не может усомниться в его пособничестве в устройстве сына Махатели на работу. Но сейчас всё встало с ног на голову. Его замысел развалился, как карточный домик.

Пусть уж лучше Махатели не приходит к нему вечером домой. Допустим даже, он пришёл... но какой в этом смысл? Наверняка Душа рассказал ему о беседе с Сысымбаевым!

Ну его, пусть не приходит! — думал он, уже отдыхая на диване. Отдыхая, он обычно читает новый интересный грузинский роман. Но сейчас ему не читается, он нервничает, не может найти себе места.

Между тем раздаётся звонок в дверь.

“Наверняка он!” — отбрасывает он в раздражении книгу.

Вошедший с удивлением, смешанным с восхищением, рассматривает богато обставленную квартиру. Блестящая гостиная просто ослепляла — бра, зеркала, диван с высокой резной спинкой и двумя креслами, ореховый с резным орнаментом арабский стол с мягкими тоже резными высокими стульями вокруг, огромный, почти совсем плоский телевизор чуть не в полтора метра по диагонали, горка с хрусталём и, видимо, венецианским стеклом. Всё, что нужно для парадной гостиной в хорошем доме, но от взгляда гостя не укрылось, что нет книжного шкафа. Впрочем, зачем Бадри Шецирули книги? Он и без них прекрасно себя чувствует. Будет он на это тратить! Ещё чего! Но вот на диване сиротливо брошенная раскрытая книга, будто хозяин дома только что читал её. Вот это да! Малхаз взял книгу в руки, взглянул на обложку, подумал: “Вот притворщик! Сомнительно, чтоб он читал её”. Но хозяина похвалил искренне:

— Молодец, Бадри! Прекрасно всё подобрал и оформил! — и вспомнил, как бедно выглядело его жилище двадцать лет тому назад.

— Это всё жена! У неё торговые связи с Арабскими Эмиратами. Всё, что ты видишь, привезла оттуда она.

Из-за двери показалась дама, которую Малхаз, в общем-то, помнил со времени встречи двадцать лет тому назад. За прошедшие годы заметно изменилась, располнела, огрубела лицом.

Не прошло и получаса, как гость и хозяйка сидели на кухне у небольшого столика. Хозяин раскупорил бутылку грузинского вина, разлил по бокалам.

Но Малхаз колебался. Можно ли пить и есть в доме такого человека? С какой открытой душой он пошёл к нему тогда, в первый раз! И что вышло? Надо поскорее улётывать. Сказать сразу всё, что нужно, и уйти, здесь ему даже воздуха не хватает, спирает дыхание.

Он с усилием влил-таки в себя стаканчик вина.

Хозяин дома без умолку что-то рассказывает.

Гость вглядывается ему в глаза:

— Бадри! Я очень ошибся, когда пришёл к тебе тогда с просьбой о помощи. И знаешь, почему я допустил эту оплошность? Представить себе не мог, что ты придашь моему посещению такой оборот. Сын мой к тому времени уже был принят на работу.

— Да, но зачем ты тогда явился? — перебил его хозяин.

— Чтоб повидаться после двадцати лет отсутствия здесь. О том, что ты так далеко пошёл, узнал случайно. Искренне обрадовался твоему жизненному успеху,

тому, что ты не пропал, а стал видным человеком. Я радуюсь удачам всех своих соотечественников и горжусь ими, кем бы они ни оказывались — Бадри Шецирули или другими. Попросил тебя лишь замолвить словцо за меня одному не из своих, да и то между прочим. Разве не так было, Бадри?

— Малхаз! Будет нам, брат, толковать об этом. Раз и навсегда. Идёт? — ущипнул он двумя пальцами себя за кадык и подлил в бокалы вина. — Выпьем и забудем обо всём!

Гость опешил: в чём дело? Для чего же его сюда звали? Из тумана набегающих мыслей его вывел хозяин:

— Хватит того, что нынче мне выложил Дуту. Я даже думал, лучше б ты не являлся.

— Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра?

— По этому вопросу нет, а так милости просим.

Слова “милости просим” ледяным комом вкатились в сердце Малхаза.

Два земляка сидят за столом лицом к лицу. Малхаз чувствует, что между ними пропасть. Искренней беседы, уверен, у них не получится. Так чего же задерживаться, ждать?

На столе появилась вторая бутылка вина.

Гость привстал и прикрыл её горлышко рукой:

— Не надо! Одной достаточно, — холодно произнёс он и пошёл к двери.

По лестнице он спускался с тяжёлым сердцем.

Уже темнело, морозило, слегка вьюжило.

Малхаз поднял воротник пальто, плотнее нахлобучил шапку и направился к остановке автобуса. Ох как хочется чем-нибудь залить подступающий гнев, забыть неприятную встречу, снять с души давящую тяжесть.

Но с кем? Не с сыном же дома?

Вспомнилась Ксения Пospelова. Вот кому можно по-настоящему открыться. Всё поймёт. И сумеет помочь! Сколько времени с ней не виделся.

А знакомы они давно, впервые встретились все те же двадцать лет тому назад, когда впервые... Мать Ксении работала завлабораторией на винзаводе. Её дочка, молоденькая, стройная девушка, вместе с младшей сестрой Мариной, тогда ещё подростком, часто приходила на завод, к маме.

Ксении Пospelовой сейчас за сорок. Но прежней красоты, огня она отнюдь не утратила. Многие приобрела — рассудительность, взвешенность, отзывчивость. И это очень привлекает к ней, просто притягивает.

“Надо зайти!” — твёрдо решил Малхаз.

Когда он нажимал на кнопку звонка квартиры Ксении Пospelовой, над Карагандой делал последний круг, снижая высоту и готовясь к посадке сияющий яркими огнями самолёт из Минвод.

Следователь Гигла Хеладзе и его новая знакомая Марина Пospelова спускались по трапу самолёта. Взлётно-посадочную полосу и площадь перед аэропортом заметал сильный студёный ветер мелким снежком, время от времени завиваясь в кудрявую метелицу.

Пришлось ждать на морозе появления внутриаэропортового автобуса.

Ветер чувствительно проникал сквозь тонкий плащ Гиглы.

Марина расстегнула тёплое пальто и полой слегка прикрыла его. Прикосновение разожгло и погнало по жилам кровь. Становилось теплее.

Пока сидели в салоне самолёта, это не чувствовалось, но сейчас оба осознали, что им не хочется расставаться.

Пробежали взглядом расписание движения поездов, и предположение Марины оправдалось: “Караганда — Балхаш” ушёл около полудня, следующий рейс завтра в это же, конечно, время. Гигла даже вздохнул, будто и впрямь расстроившись. В голове его уже крутился совсем другой вопрос. Если бы он успел на тот поезд, что же, Марина проводила бы Гиглу на него? Да нет, что-нибудь бы придумал, в душе улыбнулся он, отговорился бы тем, что хочет побыть до утра здесь, в Караганде, чтоб повидаться с другом. Если не выкрутиться из такой простой ситуации, что он тогда за работник милиции?

Гигла сделал вид, что огорчён отсутствием поезда.

Марина уловила это, взглянула ему в глаза:

— Гигла! Что же вы, до утра пробудете в аэропорту?

— Ну почему? Разве в городе нет гостиниц?

— Но зачем они вам? — зарделась Марина. — Не беспокойтесь, поедем к нам, места хватит. Утром я пойду на работу, непременно должна явиться, а в полдень провожу вас на вокзал.

“О-ох! Опять этот поезд. Да ещё хочет проводить. Если не придумать какую-нибудь хитрость, завтра не удастся приступить к своему делу”.

— К вам неудобно... неловко... — принялся он отнекиваться.

— Ничего подобного! Мы ведь договорились лететь отсюда вместе.

— Это да! — прозвучала в его голосе твёрдость. — Раз условились — всё! Отступать нельзя.

Оба рассмеялись.

— Так за чем дело стало?!

— Ну!

— Так поехали! — взяла она его под руку. — Пойдём к стоянке такси. Доедем до нашего дома за какие-то пятнадцать-двадцать минут.

— Ну что ж! Раз приглашаете... — подхватил Гигла чемодан Марины.

За тяжёлую стеклянную дверь вышли с сияющими лицами.

Малхазу пришлось немного подождать у дверей Ксении Поспеловой, пока отзовутся на его звонок и откроют двери.

Он даже засомневался, есть ли кто-нибудь дома. А то, может быть, у неё гости? Или...

Да нет, вряд ли она променяет его на кого-нибудь другого.

Пару минут спустя он во второй раз нажал на кнопку.

— Кто там? — послышалось издали. — Иду!

— Ксюша, это я! — заметный акцент помогал Малхазу не называть себя.

Дверь разом распахнулась, и перед ним предстала разгорячённая от только что принятой ванны, в накинутом лёгком халате подруга. Он не остался равнодушен к её свежей прелести и, приобняв за плечи, прошёл вместе с ней в комнату.

— Ты появился в удачное время, зайди прими душ, там всё готово, — предложила она, отойдя к зеркалу в передней расчесать влажные волосы. — Но очень быстро.

— Почему? — удивился он. — Ты торопишься?

— Так нужно!

Малхаз не стал допытываться. Быстро так быстро! Поднялся с длинной кушетки, поцеловав и получив ответный поцелуй, направился к ванной, с трудом отрывая взгляд от едва прикрытой халатом фигурки. Халат тут же соскользнул, и дверь в ванную раскрылась.

Только что вышедший из ванной, полуодетый Малхаз лежит на кушетке, заложив за голову на подушку руки, и отдаётся думам.

Да и как не задуматься?

Есть, как говорится, над чем.

Что касается давнишнего неприятного разговора с Бадри Шецирули у того в доме, то он уже начинает теряться в кладовых памяти. Его заслоняют воспоминания о первых встречах с тоненькой тогда, как стебелёк, пленительной девушкой Ксюшей. Затем редкие свидания. Девушка была не прочь пойти за него замуж. Да и мать соглашалась, даже иногда называла его в шутку своим зятем. Но то ли судьба, то ли жизнь вмешались в их отношения. Малхаз женился. Вскоре и Ксения вышла замуж. Однако через десять лет её брак распался. Она решилась попытать счастья ещё раз. И опять не судьба — новый муж погиб в автокатастрофе. Детей у неё не было, о чём она очень жалеет. Жизнь шла бесцветно и однообразно.

Но вот удача свела давних знакомых вновь.

Ксения вышла из кухни, подошла к Малхазу, ласково поворошила его негустую уже шевелюру:

— О чём задумался? Нечего скучать, скоро у нас будет гость.

— Что за гость? — подскочил Малхаз на кушетке. — Я ведь собираюсь через полчаса ухода!

— Марина вылетела рейсом из Минвод. Звонила по телефону из аэропорта, — взглянула она на часы. — Вот-вот приземлятся.

Зазвонил телефон. Ксения радостно подбежала к аппарату, коротко, весело с кем-то поговорила.

— Марина? Уже прилетела? — догадался Малхаз.

— Точно! С ней едет сюда ещё какой-то гость, вроде, грузин.

— Грузин? — поразился неожиданности Малхаз и почему-то улыбнулся. — Ксюша! Я давно тебе говорю, что такую красавицу грузинские парни в покое не оставят.

— Ну, в этом ты ошибся! Сестра привезла сюда грузина, а не наоборот.

Сёстры обнимались с такой радостью, будто не видели друг дружку сто лет. Марина, даже не сняв пальто, первым делом позаботилась о госте, приняла и повесила его порядком промокшие плащ и кепку.

Ксении с первого взгляда понравился рослый, спортивного типа, слегка смуглолицый молодой красавец. Она даже украдкой одобрительно моргнула Марине.

— У тебя что, гость? — в ответ вполголоса осведомилась у неё сестра.

Ксения оглянулась и тоже негромко объяснила:

— Да Малхаз! Пришёл час тому назад.

Марина заглянула из передней в комнату и восторженно воскликнула:

— О-о! Какое замечательное совпадение! — подхватила за руку и потянула за собой Гиглу, подвела к сидевшему на кушетке Малхазу: — Вот, пожалуйста! Познакомьтесь. Два грузина... И где? В такой дали, на земле Казахстана!

Малхаз привстал, протянул прищельцу руку:

— Махатели!

Ошеломлённый Гигла Хеладзе заметно изменился в лице. Даже, кажется, едва удержался на ногах от неожиданности. Но, собравшись с силами, немного, правда, задержавшись с ответом, представился:

— Гигла Хеладзе!

— Вы чуть помедлили назваться. Уж не знакома ли вам моя фамилия?

— Да, что-то вспоминается, — понемногу приходил в себя Гигла.

— И в связи с чем?

— У нас в Зестафонском районе встречается эта фамилия.

— Ну да! Мой дед оттуда и переселился на жительство в Багинети.

Сели в кресла, друг напротив друга.

Пока сёстры возятся на кухне, можно от души поговорить по-грузински, за столом это будет неловко, да и нетактично.

— Каким же вас сюда ветром занесло? — первым, как уже почти местный, осведомился Малхаз.

— Я здесь проездом, еду в командировку в Балхаш.

— А я думал, приехали сюда, на кондитерскую фабрику.

— Это почему же?

— Две недели тому назад я познакомился с приезжавшим из Тбилиси инженером-технологом. На здешней кондитерской фабрике забраковали присланные оттуда красители. Перед отъездом он сказал мне, что скоро вместо него придёт другой специалист для окончательного выяснения вопроса. Вот за этого специалиста я вас и принял.

Следователь Хеладзе в лицо Малхаза Махатели, конечно, не знал. Он перевёлся в Багинетское отделение милиции из соседнего района всего год тому назад. Но слышал очень много хорошего: что Малхаз образованный, подготовленный, знающий специалист, добрый и отзывчивый человек. Так о нём отзывались все знакомые и коллеги. Сейчас, во время этой краткой беседы, он убеждается, что отзывы точны и верны. Он не мог даже представить себе, что встретится с таким интеллигентным и культурным человеком. Большинство виноделов, из тех, кого он знает, приземистые, пузатые от частых выпивок, с хриплыми голосами.

— Но как вы, уважаемый Малхаз, оказались в этих краях? Интересно! — и он принял выражение и впрямь по-настоящему заинтересованного лица.

— Я здесь работал ещё двадцать лет тому назад, когда советская страна была едина. Работал по профессии, виноделом. Был распределён после окончания института сюда, на завод “Самтреста”. Прожил пять лет и вернулся в Грузию. Когда у нас начались несогласия в обществе и производства принялись одно за другим сворачиваться, решил вернуться сюда.

— А где вы до того работали в Грузии?

— На Орбетском винзаводе, завпроизводством.

Следователь понемногу подбирался к интересующим его вопросам. Осторожничал, правда, чтоб не проявить особого любопытства к чему-нибудь, чтоб живая и содержательная беседа искусственно не прервалась.

Слава Богу, и Махатели не скуп на слова, говорит с незнакомым собеседником охотно, видимо, рад излить накопившийся гнев.

— Вы допустили немалую ошибку, не надо было оставлять завод в поисках лучшей жизни.

Малхаз рассмеялся.

— Что мне от вас скрывать, уважаемый Гигла! Завод я оставил не по своей воле, меня коварно вытеснили отсюда, уволили. Грубо говоря, вышвырнули. Устроили ловушку, и я по добросердечию угодил в неё.

— О-о! — вырвалось у Гиглы. — Нас так мало. Но мы нередко привечаем пройдох и негодяев, заживо грызём друг друга.

— Согласен. Те, кто задумал сожрать заживо меня, сами пошли на корм рыбам в реке Риони. А я, как видите, жив, — звенело в голосе Махатели явное волнение и раздражение, и он налил из графина и выпил стакан воды. — К слову пришлось, а так-то терпеть не могу вспоминать тот случай.

— Что за такой случай? — вскинул брови Гигла.

— Ну раз вы уж так заинтересовались, расскажу, — щелчком придвинул к себе Малхаз пустой стакан. Щелчок, безусловно, что-то значит, на что-то намекает. Но на что именно, Гигла, видимо, не догадался. — Наш районный инспектор ОБХС Гвелесиани и его наушник со многими поступали так же злобно и

коварно, как и со мной. Один мхедрионец не выдержал и отомстил обоим, повесил им на шею груз и утопил в Рионском водовороте. Захлебнулись, как котятка.

Хеладзе тоже налил себе и отпил воды. Пить ему не хотелось, но нужно было сделать паузу для обдумывания.

— Слышал об этом... Слышал! — наигранно небрежно отозвался Гигла, ставя стакан на стол. — Нынче все преступления сваливают на мхедрионовцев.

— Мне про это рассказал сам участник дела. Перед моим отъездом сюда заезжал ко мне купить вина. Соседский мальчишка привёл. В машине их было четверо. Так вот, когда я наливал им в погребке вино, пришлось к слову, и он рассказал мне то, что я сейчас пересказал вам.

Гигла взглянул в лицо собеседнику. Прочёл на нём — беседа на эту тему окончена.

Впрочем, он узнал многое из того, что его интересовало, легко и элегантно. Но будет!

Следствие началось столь незаметно, как трудно было бы добиться даже после тщательной подготовки.

В комнату голубкой впорхнула, хлопнула в ладоши Марина:

— Ну что, наговорились? А мы уже почти накрыли стол, — бросила она взгляд сияющих и переливающихся глаз сначала на Малхаза, потом на Гиглу, рассмеялась: — Уж не плетёте ли вы заговор против нас с сестрой?

Шутку оценили, расхохотались, разом поднялись с кресел.

Гигла достал из кармана пиджака, подкинул на ладони пачку сигарет:

— Где здесь, уважаемый Малхаз, можно покурить?

— Вы у меня спрашиваете? — рассмеялся Малхаз. — Но я здесь не хозяин. Выйдем на балкон!

Гигла надорвал пачку, средним пальцем вытолкнул до половины и предложил Малхазу первую сигарету, щёлкнул зажигалкой.

— Не скрывайте от меня, Гигла, — всё улыбался Малхаз, — подбираетесь мне в свояки или дело уже на мази?

— Ну что вы! — в знак полной откровенности приложил руку к груди Гигла. — Мы только сегодня познакомились в самолёте!

С лица его тоже не сходила улыбка, но он думал совсем о другом, о своём, о том, как классически сложилось всё нынче, как без малейших усилий удалось ему раздобыть первоначальные сведения для дальнейшего расследования. И какой смысл завтра отправляться на завод пластмасс, чтобы провести допрос? Утром он запишет то, что сейчас услышал, и даст ему на подпись. К чему доводить до сведения других свой приезд? “Впрочем, как это к чему? Необходимо, — перебила намерение новая мысль, — придать делу официальный характер”.

Да, оригинального подхода не миновать, он и не собирается обходить формальности.

Вёл застолье Малхаз. Провозглашал тосты, шутил, сыпал анекдотами. Незаметно поглядывал на часы и наконец заявил:

— Пора и честь знать! Соберёмся через полчаса восвояси, — обвёл он взглядом сестёр и обратился к новому знакомцу: — А как вы, Гигла? Останетесь здесь или пойдёте ко мне? Я могу вас принять.

Гигла зарделся, заколебался. Как поступить? — словно рассчитывая на поддержку, вопросительно взглянул на сестёр.

— Раз уж он здесь, то, пожалуй, лучше остаться! — в свою очередь покосилась на сестру и прижала к себе её руку Ксения.

— Ну лучше, так лучше! — согласился Малхаз, переглянувшись с соотечественником.

— Утром мне на работу. А часа за два до отхода поезда зайду за вами, провою на вокзал.

— Ну, конечно! Все вместе и проводим, — воскликнули сёстры.

Пигла заёрзал на стуле, как лиса, угодившая в ловушку. Куда заведёт его обман? Повлечёт за собой новый вымысел? Нет! Нужно как-то выкручиваться.

Он напрягся, перебрал в уме варианты, но не смог остановиться ни на чём, кроме как на новой выдумке:

— Я не уверен, что поеду в Балхаш именно завтра. Со мной письма для передачи местным специалистам. Постараюсь, раз уж я задержался здесь, повидаться с ними. А там посмотрим, когда решу выехать. Может быть, договоримся с ними.

Сидевшие за столом переглянулись. Нельзя было не подумать, что Пигла хочет что-то затянуть. Но куда он клонит? Не хочет сразу расставаться с Мариной? Пусть не смущается, а признаётся прямо. Если дело терпит, зачем торопиться?

Пиглу между тем волновали совсем иные заботы — признаться Малхазу или нет, что он завтра явится на завод, чтобы произвести допрос? Сомнения терзали его. Как поступить? В корне противоположные мысли сменяли одна другую.

Нет! Ставить в известность, предупреждать не следует. Ведь он пережил стресс от поразительного совпадения пару часов тому назад. Что ж, не одному ему должно это выпасть на долю.

Отвечать тем же — хобби Пиглы. Не в его характере оставаться в долгу.

Раскрытые и нераскрытые тайны

Мхедрионец Гоча Немсадзе кутил в доме у Саралидзе, в деревне Бути Зестафонского района. Играли свадьбу его двоюродной сестры, и его пригласили в дружки жениха. Пиршество завершилось за полночь. Как здесь издавна повелось, соседи разобрали дружек и наиболее близких семье гостей ночевать к себе, чтобы дать им возможность как следует отдохнуть, выспаться и наутро, свежими, продолжить празднество.

Пировали два дня. Да и съесть ли за один день такую пропасть снеди, что столы прямо ломаются?

Гоча, вместе с остальными тремя дружками, попал в дом близкого соседа жениха, Пармена Хеладзе.

Никто из всех четверых не помнил, как они попали в эту семью, совершенно им не знакомую, настолько захмелели и отключились, и, пробудившись только часов в десять утра, спрашивали один другого, где они находятся?

Они бы, наверно, поспали и больше, если бы на балконе не застучал сапогами и три раза громко не кашлянул хозяин дома.

Гоча с трудом раскрыл глаза и поднял с подушки голову. У стола, посреди комнаты, стоял длинноусый, крепкого телосложения мужчина и всматривался в диваны с разоспавшимися гостями.

Хозяин дома подошёл к тому, что проснулся раньше других, коротко спросил его:

— Как вас?

— Гоча.

— Знаете с дружками, в чьём доме находитесь?

— По правде говоря, нет! — громко рассмеялся Гоча. — Не помним.

— Да не потому я спрашиваю! Как, думаю, в хорошем настроении после вчерашнего или нет? Вот что хотел узнать. Голова не болит? Ну и ладно! И чего бы вы сейчас отведали, чтоб в себя прийти? Я ведь и сам был молодым, как вы сейчас.

— Пива бы холодного! — осторожно попросил Гоча у гостеприимного хозяина.

— Боржоми! — поднялась с подушки лохматая голова.

— Коньяку! — пропищал тонкий голос.

Четвёртый отвечал только отрывистым храпом.

— Ну а этот, — показал на него пальцем хозяин, — проспит, наверно, до завтрашнего утра, — и хлопнул в широкие, как лопаты, ладони. — Всё, чего вам хочется, уже на столе. Есть даже хаши. А ну-ка вставайте, умывайтесь и за дела! А через два часа снова пирком да за свадебку... “Безумец, кто с нами не пьёт”, — даже пропел он хриплым голосом и вышел.

Не прошло и получаса, как тесным кружком уже сидели за застольем. Возглавлял его Пармен Хеладзе.

Начали с хаши и коньяка.

После трёх рюмок переключились на вино. В ногах Пармена высился пятилитровый кувшин, который он представил собравшимся как:

— ... полный натуральной “Цицка” из двойной амфоры, только что открытой. Да и можно ли угощать столь дорогих гостей чем другим, а не этим благословенным, божественным соком. Выпьём по три чайных стакана и вернёмся на торжество нашего дорогого женишка. Если бы мой сын был сейчас дома, нынешнее застолье вёл бы, конечно, он. Но он сейчас очень далеко.

— Где же это далеко, дядя Пармен? — с неподдельным интересом спросил Гоча. — Нельзя ли сказать? Что же он так поторопился, не дождался свадьбы?

— Он в Казахстане. В том-то и дело, что откладывать было нельзя. У него очень принципиальный начальник. Потребовал, чтоб он слетал как можно быстрее. Пострадавший не давал ему покоя.

— И кто же этот пострадавший? — оторвался от хаши сидевший рядом с Гочей лохмач и направил в ожидании ответа взгляд на Пармена.

Упомянутый им пострадавший вызвал живой интерес у всего застолья. Это не прошло мимо внимания Пармена.

— Кто, спрашиваете, пострадавший? Отец исчезнувшего! В соседнем с нами Багинети несколько месяцев тому назад среди бела дня бесследно исчез работник милиции. И Гигла командирован в Казахстан допросить там одного человека. Этот человек грузинский винодел Махатели. Он находится под подозрением.

— Да, но где Казахстан, а где Багинети? — удивился лохмач.

— Я сначала тоже было подумал так, — развёл руками Пармен. — Дело в том, что этот Махатели тогда работал завпроизводством Орбетского винзавода.

Наибольший интерес к информации проявил лохмач Бесо.

— То есть он совершил здесь преступление, устранил нежелательную личность и был таков! Так, что ли? — как бы сделал он вывод.

Задумавшийся Гоча окинул Бесо невидящим взглядом, что побудило того повторить свой вопрос:

— Разве не так, Гоча? Ничего другого не предположишь!

“Нет, не так! И к чему болтать о том, чего совсем не знаешь?” — хотелось Гоче бросить в лицо этому пустомеле. В его сознании пронеслась картина происшедшего на берегу Риони. Как умоляли оба: не убивай нас! Тогда Гоча впервые осознал, как трудно человеку прощаться с жизнью. “Отец тоже так хотел жить! А вы учинили над ним расправу!” — бросил он им, как выстрелил. Да и как можно было смилостивиться над обречёнными под занесённым ножом? Слыханное ли дело отпустить уже возведённого на виселицу? А ведь утопить их они задумали давно.

Проходит время, и эта жуткая картина понемногу стирается из памяти Гочи. Но сейчас впервые после долгого времени она всплыла с новой силой.

— Дядя Пармен! Вам не страшно от того, что ваш сын работает в милиции? Такое ведь может выпасть на долю каждого, — включился в беседу сидевший рядом с Гочей рыжий вертлявый парень.

— А чего мне, сынок, бояться? Он никогда ничего недоброго себе не позволит. Таким воспитал его я. И вообще всем следует знать: зло не остаётся неотомщённым, возмездием. У потерпевшего рано или поздно появится защитник, и тогда от возмездия не уйти. Не оплатит человек, так накажет Бог.

— Стало быть, родители того милиционера дурно воспитали своего отпрыска?

— Этого я сказать не могу. Бывают такие выродки, что никакое воспитание им не поможет. Мне, как отцу, его родителей, конечно, жалко, я им сочувствую, — наполнил он вином стаканы, — но сейчас не время об этом. Сегодня день радости и пиршества.

За радость и выпили с большой радостью. Последним осушил бокал Гоча. Но сознание настойчиво возвращало его к прерванной беседе. Перед взором рисовалась картина — следователь в далёком Казахстане, и перед ним сидит и в смятении даёт показания Махатели. И отсюда выжили, и там не дают покоя!

Картина мучила его и после возвращения со свадьбы. Вроде протрезвился, поспал, но этот разговор за столом у Хеладзе не выходил из головы. Он долго не вставал, ворочался в постели, старался мыслить последовательно, но всё распалось. Наконец решился, встал, подсел к столу, принялся за письмо.

“Платону Гвелесиани.

Я решил написать это письмо не из благорасположения к вам, а побуждаемый речами мудрого и опытного человека. Я случайно оказался за столом в его доме и узнал там, что по вашей настоятельной просьбе раймилиция командировала в Казахстан следователя Хеладзе допросить там бывшего завпроизводством Орбетского винзавода Махатели. Этого человека здесь допекал и преследовал ваш сын, довёл до того, что тот бежал отсюда в такую даль, в Казахстан. Но и там вы ему не даёте покоя. Пытаетесь обвинить в исчезновении вашего сына. Глупое подозрение! И знаете, почему? Во-первых, за то, как ваш сын поступил с Махатели, никто бы с ним так жестоко не обошёлся. Если бы за такое мстили, ваш сын исчез бы куда раньше. Во-вторых, можете ли вы поверить, что Махатели, такой добрый, отзывчивый, сознательный человек, мог сделать такое? Он даже не отважился сказать вам, когда, как и кем был наказан ваш сын. (Здесь Гоче Немсадзе не вспомнилось, что несколько месяцев тому назад он сам рассказал о своём деянии во время выпивки в винном погребе у Махатели).

Ваш сын Бека, по прозвищу Гадюка, за содеянное наказан моей рукой. И не только он, но и его подельник — кутаисец Дзуку Соселиа. Оба они ныне покоятся на дне Риони, под его мутными волнами. Не подумайте, что их могло унести течение, — к шее обоих привязаны пудовые грузы. Они вместе творили зло и вместе расстались с жизнью.

Я вынес им такой жестокий приговор вот почему: из-за злобности этих двух разбойников погиб мой отец. Они убили его, когда я только вступал на жизненный путь и он был позарез мне нужен, необходим. Дотоле счастливую семью сделали несчастной. Столкнули меня с открывшейся было дороги. Шли годы, а жажда отмщения не давала мне покоя. Однако, хоть поздно, но я всё-таки воздал по заслугам за смерть отца. Уверен, что и ваш сын поступил бы точно так же, если бы вас кто-то погубил, как моего отца.

Сейчас о том, что должно вас интересовать. От трассы, ведущей из Кутаиси, не доезжая села Гегути, отходит влево и ведёт через обширное жнивье усыпанная гравием неширокая автодорога. Она тянется до самого берега Риони. Не более чем в десяти метрах от него высится старая ветвистая осина. Под её мощными ветвями стоит дощатая сторожка. Прямо напротив неё широкий омут, почти стоячий и неподвижный рукав, оторвавшийся от быстротекущей реки.

Мы бросили обоих в этот омут.

Для точности вычерчиваю вам карту.

С глубоким уважением мхедриновец Андрей Андреевич Андриадзе”.

Гоча со всем старанием вычертил план местоположения с указателями, внимательно перечитал письмо и хлопнул по нему рукой.

Никаких поправок! Всё к месту и ничего лишнего.

— Да этого дурня просто заносит! — в раздражении директор завода пластмасс Дуту Херхадзе бросил телефонную трубку на аппарат и взял, почти вырвал из рук завцехом хрустала Тенгиза Гьцадзе какой-то документ, размашисто поставил подпись и так же резко сунул обратно.

Уловив на лице директора явное огорчение чем-то, Тенгиз с предельной осторожностью осведомился:

— С кем вы, уважаемый Дуту, говорили и почему так расстроились?

— С Бадри Шецирули. Заморочил мне голову. Когда-то помог, а теперь вот допекает, — провёл указательным пальцем по горлу. — Очень въедливый тип. Вечно требует с кого-то денег, вечно кто-то ему должен. Сделает на копейку, а хочет содрать всю шкуру. И не делает ни малейшей разницы между своим и чужим. Ты его знаешь?

— Да, немножко. Издали! Три-четыре раза встречался на грузинских застольях, и более ничего. А слышал о нём от местных грузин немало. Да и не только от грузин...

— Ну так я не советую тебе знакомиться с ним ближе. Сейчас сообщил мне, послал, говорит, к тебе на своей машине следователя, прибывшего из Грузии. Тоже мне, радость!

Тенгиз вздрогнул, изменился в лице. Долгие годы он почти чужд делачества. Неужели в Кутаиси вернулись к давно забытому делу и снова попытаются привлечь его?

Директор уловил его волнение, но, улыбнувшись, постарался подбодрить:

— Тенгиз! Да ты что, парень?! Он вовсе не к тебе, а хочет допросить Махатели. Интересно, в связи с чем? Зайди, пожалуй, когда будешь идти к себе, на склад и предупреди его. Он ведь приехал недавно. Если за ним числится что-нибудь, пусть сматывается. Скажем, что отправили в командировку. А там посмотрим, что выяснится и как всё обернётся.

Сообщение всё же обеспокоило Тенгиза Гьцадзе, не очень понравилось. В жизни ему пришлось испытать немало неприятностей, потому и чужие он принимает близко к сердцу. Знает, что Махатели не дали там поработать. Приехал сюда, и здесь нашли и хотят вернуться к не столь уж и старому. Насколько серьёзными могут быть подозрения на него?

“Да, надо идти поскорее”, — поднялся Тенгиз.

— Ладно, пойду! Если пригласите следователя в ресторан, дайте знать по телефону. В такой момент человека нужно поддержать. Особенно такого, как Махатели.

Он повертел документ в руке и быстрым шагом покинул кабинет.

Малхаз находился на рабочем месте и вместе с бухгалтером регистрировал поступившую продукцию.

— Малхаз! — немного срывающимся от волнения голосом позвал его Тенгиз, взял под руку и отвёл в сторону. — Приехал следователь из Тбилиси. Собирается тебя допросить. Через двадцать минут будет здесь. Что ему может быть нужно? — взглянул он в лицо Малхазу. Ни малейшего смущения или волнения. Принял сведение спокойно и уравновешенно.

— Кто его знает? Понятия не имею. Завод там сдал без малейшей недостачи, вплоть до литра вина.

— Подумай-ка, вспомни. Недаром же он проделал такой длинный путь?

Малхаз попытался собраться с мыслями. Пробежал внутренним взором родные места. Уверенно произнёс:

— Нет, ничего не вспоминается.

— Если есть какая-нибудь опасность, — перестраховывался всё же Тенгиз, — показываться ему не советую. И Дуту думает так же. И я, и моя машина к твоим услугам, спрячу так, что и гракальская гадалка не прознает.

Малхаз от души расхохотался, в знак благодарности дружески опустил руку на плечо искреннего доброжелателя. Да, плечо друга многого стоит!

Пока они переговаривались и ждали звонка директора, из-за двери показалась личный секретарь Дуту Херхадзе, костлявая, веснушчатая Настя, и быстрыми шажками направилась прямо к ним.

— Наверно, приехал, — негромко проговорил Тенгиз и взглянул на Малхаза.

Малхаз Махатели спокойным движением открыл дверь в кабинет директора.

Но, перешагнув порог, отшатнулся и замер. Что это? Кто? Тот, с кем он вчера ужинал и кто собирался сегодня ехать в Балхаш? Гигла Хеладзе! Уж не обманывает ли его зрение?

Усилием воли он собрался, не подал виду, что поражён, справился с внутренним состоянием.

Беседовавший с директором Хеладзе, увидев его, резко поднялся, моргнув ещё издали, украдкой, чтоб не заметил Дуту, улыбнулся и протянул руку для пожатия.

Директор из-за спины его громко рассмеялся:

— Может быть, это не Махатели? Вы ведь сказали, что совсем его не знаете?!

— Думаю, это он! — не растерялся следователь. — Разве у вас здесь работают ещё и другие грузины?

— Сколько угодно! — подтвердил Дуту.

— Такое мне в голову не пришло.

Гигла, конечно, готовился к этой встрече. Задуманное пока что шло как нельзя лучше.

Вошедшего пригласили сесть за длинный стол, приставку к директорскому, прямо напротив Гиглы.

Дуту встал, снял с вешалки в углу своё пальто, шапку и взглянул на наручные часы:

— Не обессудьте, но я на часок вас покину. Встреча в горуправлении. Мне кажется, — обратился он к следователю, — сейчас я вам не нужен, даже могу оказаться лишним.

— Что вы, уважаемый Дуту! Конечно же, нет! Спасибо вам за внимание, — поспешил следователь до ухода директора слышным щелчком раскрыть свою папку, извлечь бумаги и приступить к делу.

За директором мягко захлопнулась обитая кожей дверь, и оставшиеся за ней дружно расхохотались.

Гигла прошёлся по кабинету, направился к окну и в щёлку между шторами взглянул, как директор садится в машину.

— Как вы спали прошедшую ночь? — спросил Малхаз, когда тот отошёл от окна.

— Прекрасно, уважаемый Малхаз!

— И вы ещё будете утверждать, что мы не свояки?

— Да что вы! — как бы запротестовал Гигла. — Увидите ещё, каким я себя покажу свояком! — хлопнул он по протянутой Малхазом руке и сел за приставку напротив Малхаза. Достал из папки несколько листов бумаги, подвинул их к Малхазу, подал ему авторучку.

Лицо Малхаза выразило недоумение.

— А сейчас не будем терять времени даром, возьмёмся за дело. Нужно округлиться до возвращения директора. Изложите-ка на этих листах то, что рассказывали мне вечером, — ещё ближе подтолкнул он листы и хлопнул по ним ладонью.

У Малхаза глаза полезли на лоб:

— Гигла, будет вам обманывать меня. Скажите прямо, чего вы от меня хотите? С чем вы приехали из такой дали?

— Скажу! Возобновилось рассмотрение дела о бесследном исчезновении работника милиции Беки Гвелесиани. Уже допрошены все, кроме вас. Вам, должно быть, известно, что профессора Чиковани уже нет в живых, он бросился головой вниз со второго этажа и насмерть разбился об асфальт.

— Да я его... — закусил нижнюю губу Малхаз. — Всё пошло от него. И по какой причине? По той, что я стал доверенным лицом его соперника.

— Да, это не тайна, все об этом знают. И родители пропавшего. Но они упрямятся, настаивают, чтоб допросили и вас. Подали жалобу в министерство на то, что, мол, раймилиция не доводит расследование до конца. Вот я и приехал, чтоб завершить его, допросить и вас. Уж не думаете ли вы, что я очень сюда рвался?!

— Но почему? Уж не подозревают ли они меня? — удивлённо взглянул на Гиглу Малхаз. — Что и на мне лежит вина за исчезновение Беки?

— Нет! Совсем нет! Слышали, наверное, что утопающий хватается за соломинку?.. Вот старики-родители и настаивают на поисках сына, просят найти его живым или даже мёртвым, чтоб по-человечески хотя бы похоронить и оплакивать на могиле. Так вот, изложите мне на бумаге то, что рассказывали у Ксении, ни больше ни меньше. Достаточно того, чем хвастался мхедрионовец у вас в погребке.

— Гигла! Хотите натравить на меня мхедрионовцев?

— Да нет, уверяю вас, никого натравливать на вас мы не собираемся. Да и мхедрионовца, видимо, искать не будем. Да и как его отыщешь в стотысячной армии, не располагая никакими приметками и опознавательными знаками. Да и зачем милиции вступать с ней в противостояние? Некоторые из них даже попали в состав правительства.

Махатели задумался.

— Всё равно то, что я напишу, ничем не поможет. Мхедрионовец ведь неговорил мне, где его утопили. А Риони река длинная.

— Это уж забота его близких. Мне важно допросить вас и уехать отсюда не с пустыми руками. Там меня ждёт руководство. Нужно понять, уважаемый Малхаз, что мне требуется для дела ваша помощь.

Это уже вроде просьба.

И кто просит? Поклонник Марины, которого он в шутку называет свояком.

— Я понял! — согласился Малхаз и улыбнулся.

Склонившись над бумагой, принялся писать.

Секретарь директора Настя внесла на подносике две чашки кофе и две плитки шоколада и поставила на стол директора.

Гигла подвинул чашку к Малхазу, свою взял в руки и, чтоб не мешать ему, отошёл к окну.

Малхаз исписал одну страницу, поставил подпись, негромко кашлянул, давая Гигле понять, что закончил.

Тот сразу обернулся, подошёл, взял листок, принялся читать.

— Прекрасно! — пробежав до конца, поощрительно коснулся плеча Малхаза и спрятал листок в папку. — Ну а теперь поговорим о других делах.

— Но почему вы вчера вечером не признались, кто такой и зачем приехали? Зачем вам это было нужно? — с лёгкой обидой в голосе осведомился Малхаз.

— Не хотел портить удовольствия от ужина, от общения, душевного тепла и домашнего уюта. Но ведь всё получилось как нельзя лучше?

— Ну! Комар носа не подточит! Нечасто встретишь такого гибкого и обходительного работника милиции. А как вы вышли на Бадри Шецирули? — тут уже в голос его прокралась ирония.

— Совершенно случайно, Малхаз! В такси разговорился с водителем. Увлёкшись беседой, он проехал мимо, и вместо горуправления милиции привёз меня в райуправление. Спыхватившись, попросил прощения и добавил:

— Вы знаете, здесь начальником грузин, по фамилии Шецирули. Я подумал, что вы к нему.

Мне только того и было надо, уж лучше обратиться к своему, к соотечественнику.

— А что за человек этот Шецирули? — спросил он с некоторым подозрением.

— Да как сказать! — воздержался Малхаз от характеристики. — Уж не заметили ли вы чего-нибудь такого?..

— Откровенно говоря, он мне не понравился. Когда я сообщил ему о цели своего приезда и назвал ваши имя и фамилию, он прямо весь просиял. Какими-то намёками дал мне почувствовать, что окажет всяческую помощь, если я задумаю “подцепить” вас. Нет ли у него какого-нибудь интереса?

— Гигла! Бросим о нём! Ну его к чёрту! Нам есть ещё о чём поговорить, — с улыбкой переключился Малхаз на другую тему. — Марина знает, что вы сейчас находитесь здесь?

— Нет! — рассмеялся Гигла. — Она готовится провожать меня в Балхаш.

— Ну и что будет, когда она узнает правду? Перестанет доверять и мне, и вам?!

— Да-а... Надо обдумать, как выкрутиться!

— Ну так подумаем вместе! — подошёл Малхаз к двери и попросил ещё по чашке кофе.

Оба, наморщив лбы, заложив руки в карманы, прохаживались из угла в угол по кабинету.

Малхаз первым предложил вариант выхода из тупика:

— Попробуем-ка так... Марина проводит вас на поезд. А я на машине встречу на первой же станции Карабас, в двадцати километрах отсюда. И пробудете полтора дня у меня.

— Замечательно! — в восторге хлопнул Гигла в ладоши.

Но восторг его тут же погас, и он нахмурился:

— Вроде неплохо. Проводить она меня проводит. Но как быть с встречей отсюда? Она вчера так на ней настаивала. И отказаться было невозможно, — прижал Гигла виски ладонями. — Это называется попался. И чего я придумал это враньё? И вас, в общем-то, тоже обманул. Ух! — то ли вздохнул, то ли попенял себе он.

Малхазу стало жалко невольную жертву собственной благородной лжи, тем более что тот даже хлопнул себя рукой по лбу.

— Не унывайте понапрасну. Не бывает проблемы без хоть какого-то выхода. Придумаем что-нибудь другое...

— Но что?

— Как что? Послезавтра днём я снова отвезу вас в Карабас и посажу в поезд, идущий отсюда. Всё получится так ловко, что Марине и в голову не придут никакие подозрения.

Гигла вздохнул с облегчением и бросил на Малхаза благодарный взгляд.

— Следствие вы провели на отлично. А когда намерены возвращаться? Я, конечно, не тороплю вас, но знать всё же хочу.

— Не могу сказать! Хочу дождаться Марину. Отсюда мы вылетаем вместе.

Тут уж не на шутку забеспокоился Малхаз:

— Что вы, Гигла! Хотите разрушить семью?

— Нет-нет, уважаемый Малхаз! — расхохотался Гигла. — Не приведи Господь!

— Но что же, в таком случае, происходит? Объясните, пожалуйста!

— Первая командировка Марины в Рустави прошла безрезультатно. Требуется дополнительные сведения и документация. Им здесь придётся поработать. Я, разумеется, подожду. А вы бы как поступили на моём месте?

— Ну, это другое дело. Вы, как я погляжу, везучий! И дело мгновенно сделали, и развлекаетесь недурно. Вот это командировка так командировка!

Отворилась дверь. Из-за неё показался директор. Он сразу взглянул на часы: подчеркнуть, что пришёл в точно обговорённое время.

Лабиринт

Миновало уже пять месяцев с тех пор, как исчез Бека Гвелесиани. Поиски не приносили ни малейшего результата. Казалось, слетевший с неба орёл подхватил и унёс ввысь цыплёнка. Некогда весёлая и беззаботная семья притихла, предаваясь горю.

Родители, да и супруга Беки, таяли на глазах. Мальчик десяти лет, уже начавший многое понимать, ходил задумавшись и замкнувшись. Шестилетняя девчушка скучала и не отрывала взгляда от ворот, что прежде каждый вечер скрипели и выпускали возвращавшегося с работы отца, а сама она, сорвавшись с места, летела, как на крылышках, ему навстречу и повисала на шее.

— Где же папа так долго? — спрашивала она поочерёдно у матери, бабки, деда и брата. И все одинаково отвечали:

— Его отправили со службы по делу далеко-далеко.

Ей не понять, что это за дело, и она разводит ручки:

— Но почему так долго? Куда это так далеко, что он едет, едет и никак не доедет, — а из глаз её катятся слёзы, как бусинки, и она оттирает их пухлыми кулачками.

Тёплый пасмурный полдень. Остановившийся у ворот почтальон позвал по имени девочку, бегавшую по двору за мячиком. Девочка помчалась к воротам.

Платон дремал, привалившись к спинке стоявшей под яблоней длинной скамьи. Его одолевают ужасные сновидения. Так было и вчера, и позавчера, все пять пробежавших месяцев. Как и его старуха, он мечтает поскорей умереть, но...

Охваченный дремотой после бессонной ночи, он даже не услышал зова почтальона. Внучка растормошила его:

— Дедушка! Нам пришло письмо! — взмахнула она конвертом.

Платону конверт не понравился, на нём не было обратного адреса, и старика даже передёрнуло. Прежде, бывало, тоже приходили такие безымянные послания с угрозами. Но кому могут угрожать сейчас? Может быть, требуют выкуп за освобождение сына? Может быть, его держат где-нибудь в заточении? Прячут от всех? Нынче такие приёмы стали привычными.

Вот бы и впрямь было так! Он без сожаления продаст и дом, и участок, и машину, и мебель. Если и этого не хватит, займёт у родни или у соседей, но сына выкупит.

“Хотя бы! Хотя бы...” — мечтает Платон и дрожащими руками надрыгает конверт.

От страха напряглись не только руки, но и всё тело.

Он просит внучку принести ему из дому очки, и теперь они уже оба стоят в немом трепетном ожидании. Что там, в письме? Он торопится дыхнуть на очки, почему-то долго и тщательно протирает их носовым платком и как-то неохотно прилаживает. Читает про себя, вслух не решается. После первых строк останавливается отдышаться. Перед взором рисуются жуткие картины. Что должно значить это странное слово “наказанный”? Он чувствует себя стоящим у самого края пропасти, и уже следующий шаг грозит ему гибелью. Обливается зловещим холодным потом. Что происходит?! Не может заставить себя продолжить чтение. Отирает платком лоб. Собирается с силами и начинает с новой строки. “Твоего сына Беку, по прозвищу Гадюка, я отправил на тот свет. И не одного, а вместе с подельником, Дзуку Соселиа из Кутаиси. Оба лежат на илистом дне Риони. Не подумай, что их унесла вода, к шее обоих привязаны пудовые грузы. Вместе творили зло, и вместе погибли”.

Глаза старика вспыхнули недобрым блеском. Он долго не мог даже шевельнуться. Но усилием воли собрался с силами и вернулся к письму. Пробежал ещё две строки, третью уже не мог, в ужасе ударил себя кулаком по груди и из самой её глубины исторг чуть не звериный вой. Всё закружилось перед глазами — дом, двор, деревья. Не успев даже вскрикнуть, повалился со скамьи на землю.

Шестилетняя девочка с визгом сорвалась с места и в слезах бросилась к кухне:

— Мама! Мамочка! Дедушка упал! Дедушка умер!

Невестка Заира давно работает медсестрой в райбольнице. Но вот уже два дня как их отправили в долгосрочный отпуск без содержания. К тому же то свёкру, то свекрови то и дело становится плохо с сердцем. У неё всегда наготове шприц, чтобы сразу помочь им. Но вот свёкру уже не сможешь. Тело его понемногу теряет тепло. Ещё немного, и... похолодело совсем.

На вопли женщины сбежались соседи, и в мгновение ока двор наполнился суетящимися женщинами и мужчинами.

— Что с беднягой случилось сразу, вдруг? И часа нет, как стоял за воротами. Я даже поздоровался с ним, спросил, нет ли чего нового о Беке. Он сказал, что нет, что ездил в Тбилиси, просил в министерстве возобновить следствие. Ничего особенного я в нём не заметил, — удивлялся ближайший сосед Платона, его ровесник Серго.

Из толпы вынырнула маленькая внучка усопшего, подскочила к Серго и объяснила ему:

— Дедушка прочёл письмо и упал со скамейки...

— Что за письмо?

— Где оно, детка, это письмо? — посыпались со всех сторон вопросы.

Девочка юркнула под скамью, вытянула конверт и письмо:

— Вот! — помахала в воздухе листком бумаги.

Письмо пошло по кругу, переходило из рук в руки.

Завеса недоумения спала.

Весть о смерти Платона Гвелесиани быстро облетела деревню. Узнали и о содержании полученного им письма. Жалели больше страдальца отца, чем погибшего Беку. Повсюду слышалось: “Что посеял, то и пожал”.

Начальнику райотделения милиции Цитадзе о случившемся стало известно к полудню, когда он вернулся из поездки в столицу и собирался открыть экстренное совещание по вопросам, рассмотренным коллегией министерства, что и было причиной его поездки. Сообщение повергло его в неподдельную печаль:

— Жаль, жаль! Третьего дня я виделся с ним, ничего такого в нём не замечалось, он благодарил меня за то, что я уважил и выполнил его просьбу, послал следователя в Казахстан, ждал возвращения посланца, рассчитывал на хорошие вести, а там и благоприятный исход дела. Не дождался, бедняга! Ай-яй-ай! Жил человек, и нет его! — в возбуждении он подхватил со стола, сжал в кулаке, смял и отправил в плетёную корзину какую-то бумагу.

— Насколько я знаю следователя Хеладзе, уважаемый Ваню, он с возвращением торопиться не будет, без шашней там не обойдётся, будьте уверены, — усмехнулся стоявший неподалёку автоинспектор Хведелидзе.

— Брось свои неуместные шуточки! — оглянулся на него нахмурившийся Цитадзе. — Пригляди лучше за своими делами! Разобрался с автокатастрофой недельной давности на дороге к Саирме?

— Разобрался! И заключение подготовил. Собираюсь ознакомить вас после совещания.

— Ну, что ж! Хорошо! — углубился начальник в извлечённые из портфеля бумаги.

Участники совещания заполнили весь кабинет, рассеялись по стульям вдоль стен.

Начальник открыл совещание и принялся читать постановление коллегии.

Вечером, только смерклось, начальник милиции Ваню Цитадзе с двумя сотрудниками отправился на панихиду по Платону Гвелесиани. С ним шли его заместитель и старшина милиции, видный собой, представительный Джуба Гегишидзе. Он был ближайшим соседом покойного, а на работу в милицию попал с помощью Беки.

При входе в ярко освещённый прожектором двор к ним бросилась откуда ни возьмись собачонка, попыталась преградить путь идущим к дому людям в милицеской форме. Увязалась за ними, повизгивая, путалась в ногах Джубы.

По лестнице поднялись спокойно, обнажили у дверей головы. Назойливая собака снова опередила их и бежала укрытого чёрным траурным покровом покойника. С десятков сидевших у стены скорбных женщин, завидев возглавляющую тройку милицеских озорниц, торопливо прикрыли лица руками, чтоб скрыть не к месту подступающий смешок. Это не осталось не замеченным наблюдательным Цитадзе. Уже выйдя во двор, он полюбопытствовал у старшины:

— Джуба! Чья эта собака всё время вертелась под ногами? И выбрала именно нас, людей в такой форме?

— Моя, уважаемый Ваню! Такая неуправляемая! И это не первый случай. Даже привязывать приходится. Я и подумать не мог, что сегодня она за нами увяжется. Ну, ей и влетит, как вернусь домой. Получит у меня! — смущённо грозился Джуба.

— Теперь уж хоть голову ей снеси, хоть хвост, дело сделано! — натужно усмехнулся начальник.

Джуба подвёл своих начальников к длинной скамье под яблоней:

— Вот тут и испустил дух бедный дядя Платон. Прочёл письмо и свалился со скамейки.

— Что за письмо? — удивился Ваню.

— Письмо от преступника, который прикончил Беку. Едва успел дочитать, как сердце не выдержало, разорвалось. Хотите, принесу, — бросился было за письмом Джуба.

Но Цитадзе, подхватив того за локоть, остановил:

— Не время и не место читать сейчас это письмо. Принесёшь мне его завтра на работу! Чувствую, его нельзя оставлять без внимания.

Пробрались через толпу к воротам.
За воротами снова откуда-то выскочила и увязалась за ними проклятая собачонка.

Вернулись в милицию.

У входа дежурный сообщил:

— Полчаса тому назад звонил из Казахстана Хеладзе.

— В связи с чем? Не сказал?

— Просил передать вам, что всё в порядке. Попозже позвонит вам домой и всё расскажет подробно.

— Э-эх! — недовольно пробурчал Ваню, махнул рукой, взбежал по лестнице на второй этаж, в раздражении распахнул дверь в кабинет.

Домой Ваню Цитадзе вернулся почти в полночь.

Жена его ещё не ложилась, ждала его прихода, неохотно смотрела какую-то передачу по телевизору.

— Что нового? Звонил кто-нибудь? — спрашивал Ваню, скидывая китель и снимая галстук.

— Особенного ничего, — отвечала жена, — но уже три раза звонил твой сотрудник Хеладзе. Из Казахстана звонил.

— Передал что-нибудь?

— Нет, мне не сказал ничего. Вон на столе листок с его номером телефона. Просил, чтобы ты, когда бы ни вернулся, позвонил.

Ваню взял листок, взглянул на часы:

— Там сейчас три часа ночи. Он скорей всего спит, — но всё-таки придвинул к телефонному столику стул и набрал номер.

В трубке послышался нежный голос молодой женщины:

— Слушаю! Кто говорит? — спросила она по-русски.

Ваню растерялся.

— Я, видимо, не туда попал! — на ломаном русском языке пролепетал он. — А с кем я говорю? — добавил, немного опамятавшись.

На том конце провода раздался смешок:

— Нет, вы попали именно туда, куда позвонили. Я Марина Поспелова...

Ваню замешкался. Такая смелость со стороны женщины была ему непривычна. К своему стыду, он никогда не пересекал границы Грузии, не бывал не только в Казахстане, но и в России.

— Госпожа Марина...

— Я не замужем, — перебили его. — Зовите меня просто Марина. Вы хотите поговорить с Гиглочкой? Да?

Ваню едва сдержал смех. Так ласково Гиглу не называет, наверное, даже жена Ламара.

— Да! Пусть к телефону подойдёт Гиглочка! — пробилась в голос Ваню ирония, хоть на том конце провода её могли и не уловить.

— Сейчас я его разбужу!

Раздались отдалённые отрывочные фразы:

— Гиглочка! Хватит спать! Тебе звонят... Кажется, твой начальник. Слышишь? — голос женщины был полон нежности.

Ваню в этот момент даже слегка позавидовал Гигле. Вот бы оказаться на его месте. Хоть ненадолго отключиться от этой адской работы и беззаботно поблаженствовать. "А ему работа до лампочки! Лежит себе в постели у этой Мариночки и..." — проговорил про себя, правда, очень негромко.

Жена у телевизора, однако, расслышала и в недоумении оглянулась:

— А ты что же, на его месте не воспользовался бы такой командировкой? И не забывай, что Хеладзе лет на десять, если не больше, моложе тебя.

Вано не отозвался, будто не разобрал её слов.

— Алло! — раздался наконец в трубке голос Гиглы. — Ну что у вас там нового?

Никакого вопроса, кроме этого, нелепого, спросонья ему в голову не пришло.

— Ты спрашиваешь у меня? Ничего себе! Это я должен спросить у тебя! — расхохотался-таки Вано.

— Здесь всё в порядке. Встретился с Махатели, допросил его. Показания привезу.

— Хорошо... молодец! Ну и что допрос выявил?

— Это как уравнение с тремя неизвестными. Два уже известны, одно неизвестно.

— Расшифруй! — потребовал Вано.

— Преступник — мхедрионец! — не замедлил пояснить следователь. — Он утопил Беку Гвелесиани в Риони, но в каком месте, допрошенный не знает.

Вано Цитадзе в алгебре куда твёрже Гиглы Хеладзе. В школе получал по предмету одни пятёрки. Так что нечего испытывать его подготовку. Тоже ещё, нашёлся!

— Гигла! — повысил он в раздражении голос. — Чтобы твоему преподавателю математики... Понял? Это вовсе не то уравнение, о котором ты говоришь, а бессмысленная формула с тремя неизвестными, не поддающаяся решению. Такую путаницу не распутать не только нам, но и самому Эйнштейну. Где искать и как выйти на преступника в этой массе мхедрионцев, когда у нас нет никаких зацепок, никаких, не то что особых, примет? Не знаем самого нужного и важного: где было совершено преступление? Выловить бы хоть скелет, утихомирить скорбящих...

На обоих концах провода повисла тишина.

— Слушаю! — подал наконец голос Гигла.

— Здесь дело может пойти так, что потребуетя твоё присутствие. Письмо какое-то появилось, я ещё не видел его. Так что не задерживайся!

Гигла умолк. Видно, задумался.

— Это что же, Марина тебя так накрепко привязала? Скоро неделя, как ты там находишься!

— Если б я не встретил эту женщину, замёрз бы здесь на тридцатиградусном морозе, — приbedнулся Гигла.

— Это почему же? Лови на эту удочку кого другого. Понял? Что это за город, что не найти ни одного места в гостинице?

— Я пошутил.

— Если всё урегулировано, чего ты там ждёшь?

— Жду Марину, она легит вместе со мной.

— Но зачем? — изумился Вано. — Уж не послать ли твою жену встречать вас с букетом?!

— Она едет в командировку в Рустави, — расхохотался Гигла. — Собирает документы.

— Нашёл оправдание! Чем ты там занят, делом или подготовкой к романтическому путешествию?

— Да выходит, что к путешествию, — всё смеялся Гигла. — В своё время не получилось, так что сейчас навёрстываю упущенное.

Весёлость Гиглы передалась и Вано, и вместо того чтобы выговорить подчинённому, как собирался поначалу, он смягчился. Весёлость и вообще-то заразительна, а уж Гигла мастер разрядить любую обстановку.

— Ну — ладно, ладно!.. Повторяю: не задерживайся! Больше того — потопись. Кончим с делом Гвелесиани и, обещаю, дам тебе отпуск, езжай, куда хочешь, принимай гостей. Марину-то надо принять по-нашему, достойно, — сказал Ваню и положил трубку.

“Дам тебе отпуск”, — эти слова засели в мозгу у Гиглы и, ложась, он хлопнул от удовольствия в ладоши.

Поезд “Караганда — Балхаш” остановился на станции Карабас в три часа пополудни. На перроне народу немного. В вагоны поднялись человек десять. Примерно столько же вышло. Последним в дверях показался следователь Хеладзе.

Малхаз ещё издали, заметив его в тамбуре, взмахнул в приветственном жесте рукой и заметно прибавил шагу.

— А это мой здешний друг, недавно здесь обретённый, Тенгиз Гоцадзе, — познакомил он уже спрыгнувшего на перрон Гиглу со своим спутником. — Вместе работаем на заводе, он завцехом хрусталя.

Вдвоём устроились на заднем сиденье “Жигулей”.

Отъехав от станции и выбравшись на широкое шоссе, переглянулись и расхохотались.

— Ну, как план? Получилось?!

— Да, но...

— Что “но”? Сейчас едем прямо ко мне на квартиру. Пробудешь полтора дня “под домашним арестом”. А послезавтра перед Мариной предстанет вернувшийся из Балхаша путешественник.

— Ну а как же? Забыл, что ли? Послезавтра прямым ходом сюда, а обратно на поезде.

— Интересно! Он мне напоминает! — хлопнул Малхаз по плечу Гиглу. — Ты слышал, Тенгиз?! — склонился он к ведущему машину Тенгизу. — Сегодня туда, послезавтра оттуда! И Марина желает его встретить!

— Ну, раз желает, — не оборачиваясь, отозвался Тенгиз, — не лишим её этого удовольствия. Главное, чтоб она ни о чём не догадалась.

— Не думаю, — беззаботно воскликнул Малхаз, — чтоб Марина разобралась в таком лабиринте.

— Ну а вообще, — гнул своё Тенгиз, обращая взгляд и ударяя ладонью о ладонь Гиглы, — лучше было бы, конечно, с самого начала сказать ей всю правду. И вы не попали бы в силки и не морочились с этими переездами.

— Нет, вовсе было бы не лучше. Дело-то оперативное! — перевёл разговор на шуточный лад Малхаз.

— Ну! Речь идёт о поимке особо опасного преступника! — в знак согласия многозначительно поднял указательный палец Гигла.

“Жигули” мчались по гладкой ленте шоссе на предельной скорости.

Оказавшееся в распоряжении время Гигла употребил на осмотр города и его достопримечательностей.

День пролетел незаметно.

Малхаз вернулся с работы вовремя. Через час подъехал Тенгиз с прихваченными по дороге продуктами и напитками.

Мужчины не ударили лицом в грязь, прекрасно справились и накрыли обильный стол. Прежде чем садиться за него, Гигла попросил хозяина:

— Позвони Марине, а?

— Как? Зачем? — оторопел Малхаз. — Ты ведь в Балхаше?!

— Затем, что, — принялся объяснять Гигла, — надо сказать ей, что я позвонил из Балхаша, сказал, что... урегулировал там все дела и завтра буду поездом “Балхаш — Караганда”...

— Здравая мысль! Она и в самом деле ждёт этого звонка, — бросился Малхаз к телефону, слово в слово передал всё, что наказал ему Гигла.

Тамадой в застолье был, естественно, хозяин.

Спустя два тоста Тенгиз воскликнул:

— Гигла! Вы сказали, что Марина летит в командировку вместе с вами?

— Да, мы так договорились, и так и сделаем, если не помешает что-то очень уж непредвиденное.

— Да ну! Этого ещё не хватало! Но как вы планируете принимать её там, у себя?!

— Право, не знаю. Дайте сначала добраться. А что бы на моём месте спланировали вы?

Тенгиз улыбнулся, но всё же призадумался. Вспомнил свой собственный опыт.

— Я бы взял на это время отпуск, положенный или без содержания. Съездил бы с Мариной в пансионат в Кобулети, показал бы ей наше чудное побережье. Поплавали бы...

— Я и сам думаю... Но здесь может возникнуть проблема.

— Какая проблема?

— Мне-то отпуск начальник даст, а вот Марине...

— Думаю, что и у её директора сердце не камень, — переглянулся и перемигнулся Тенгиз с Малхазом, — молодая женщина просит отпуска, отдохнуть после нелёгкой командировки две-три недели. Если директор упрётся, мы привлечём Дуту, а уж для него невыполнимых дел не бывает.

Признание в любви в небесной выси

Начальник райотделения милиции Ваню Цитадзе ждёт письма от некоего мхедрионовца к семье Гвелесиани с любопытством и нетерпением. Какие чувства подвигли разбойника и убийцу отправить скорбящей родне своей жертвы саморазоблачительное послание? Не такой же он непробиваемый дурень, чтобы не знать — письмо непременно попадёт и в милицию, и кто его знает, какой за ним потянется хвост. Для чего оно ему понадобилось? Какую оно преследует цель? Неужели этот поступок — покаяние убийцы?

Тысячи вариантов и предположений вертятся в голове Ваню Цитадзе. Старшина не сумел выполнить его задание принести наутро после панихиды по Платону Гвелесиани это проклятое письмо, которое известно всем, кроме него, начальника, и которое сразило безутешного отца. Мать и жена Беки выпроводили старшину со словами:

— Вот похороним Платона, а потом сами придём с письмом.

Со скорбящими при таких обстоятельствах не поспоришь: не домогаться же письма, когда в доме покойник.

Содержание письма начальнику, конечно же, передали. Но для принятия мер этого недостаточно. Пересказ в таких случаях значит не много, нужно прочесть текст собственными глазами. Письму, рассказали ему, сопутствует карта местности, где было совершено преступление, и она представляет наибольший интерес для следствия. Если это свидетельство соответствует действительности, то действия преступника можно объяснить следующим образом — ступайте искать утопленных и поднимите со дна трупы. Неужели убийца может проявить гуманность?

Эх, Бека, Бека! Какое зло совершил ты, что тебе так жестоко отомстили?

Платона Гвелесиани похоронили позавчера. Начальник милиции ждал письма вчера. Но скорбящих не видно. Если не придут сегодня, завтра он непременно снова пойдёт к ним старшину, чтобы он привёл их с письмом и картой.

Осторожно приоткрыла дверь и вошла секретарша:

— Пришли и просят принять их Гвелесиани.

— Сейчас же проводите их сюда! — распорядился начальник. В голосе его сквозило нетерпение.

В кабинет вошли две женщины в глубоком трауре. Впереди шла, опираясь на палку, сторбленная старуха лет семидесяти. За ней, потупясь, поспешала та, что помоложе.

При виде двух убитых горем женщин он содрогнулся — как несчастья согнули и сломали недавно ещё полных жизни и энергии людей. Полных жизни и радости! Такими он помнит обеих с тех пор, как впервые семь месяцев тому назад переступил порог их дома. Тогда его только-только назначили на нынешнюю должность. Бека, видимо, используя момент, пригласил его к себе на золотую свадьбу родителей. Но если две, одна за другой свалившиеся утраты не сломят человека, значит он не живой, а железный.

Он перевёл взгляд со старухи на молодую. У которой из них письмо? У неё?

Взгляд его был понят безошибочно. Вытянутый из чёрной кожаной сумочки конверт перешёл в его руки. Он бережно извлёк из него сложенный вдвое листок из ученической тетради, оглядел с обеих сторон. Карта была вычерчена на второй странице. Читал эту единственную страничку про себя, долго, будто подкидывая и взвешивая каждое слово. Оторвавшись, положил на стол, накрыл тяжело опустившейся ладонью, как бы давая себе возможность несколько времени подумать о прочитанном. Думал долго в не нарушаемой ни малейшим звуком тишине.

Всё сообщение — чистая правда, решил про себя, что-то сквозит в письме искреннее и неотвратимо убедительное.

— Как вы думаете, — спросил всё же у скорбящих, — написавший в самом деле преступник? Верите, что именно он... — опустил он голову.

— Верим, сынок, — отёрла чёрным лоскутом слёзы старуха. — Чего ему врать, брать на душу такой грех? Как пишет сам, бедняга, злом отозвался на зло.

Цитадзе понурился, глубоко вздохнул:

— Что греха таить, до того, как я прочёл это письмо, ни за что не поверил бы, и никто бы меня не убедил, что сам преступник так откровенно во всём признается и так подробно опишет. Но письмо меня взволновало и вызвало доверие. Что же касается злом ответить на зло, то что удивительного? Разве в душе сына убитого не мелькнёт когда-нибудь мысль о мщении за гибель отца?

Женщины опустили головы и не отозвались.

Сложенные на столе руки старухи вздрогнули.

— Язык не поворачивается, сынок, возложить вину на моего несчастного мужа, да уже и поздно...

— Но при чём тут дядя Платон? — взлетели от удивления брови у Ваню.

— Да при том, что... Незачем было ему отправлять парня учиться в институт. Не тянул он на это. Кое-как задабривали учителей, чтоб перетаскивали его из класса в класс. Но ты знаешь, у нас любят похорохориться: раз, мол, с дипломом, выдадут за него хорошую девушку. Ну, Платон и поддался. Потом забрал его из школы, когда он там начал преподавать: на такую, мол, зарплату семью не прокормишь. Устроили его в милицию, доходное, подумали, дело. Сам Платон всю жизнь проработал в торговле. Частенько, когда возвращался с работы подвыпивший, давал считать "левые" деньги Беке, ещё когда тому было лет

четыренадцать-пятнадцать. Что уж говорить, парень привык к деньгам, стал до них жаден, как и давший пример отец.

Вано прямо раскрыл рот от проявившегося против его воли удивления. Сорвавшееся с уст старой женщины слово “левые” поразило его, как пуля. Вот оказывается, как привычны в этой семье к понятию “левые деньги”.

— Вы лучше меня, сынок, знаете, — продолжала тем временем старуха, видя, что собеседник не возражает ей, — а тогда было время пройдох и обманщиков. Да человек и всегда-то зарится на чужое. Если бы сынок мой работал честно, его на такой работе, конечно же, не держали бы.

Цитадзе проявил немалую силу воли и терпение, воздержался от спора, неловко было вступать в него при сложившихся обстоятельствах. В другое время он бы непременно выразил своё несогласие: “Кое в чём вы, тётя Мариа, ошибаетесь. Ваш сын использовал должность в своих корыстных целях. На многое шёл, чтобы разжиться деньгами. Закрывал глаза на человечность, честь, признавал только силу и право. Для него ничего не значили честность и порядочность. И, скажу вам, он думать не думал ни об отце с матерью, ни о собственной семье. Перед взором его всегда стояли деньги, одни только деньги. С целью вымогательства он охотился на людей, ловил их в силки, устраивал западни. И вот финал... В формировании и действиях Беки виноват далеко не один только Платон. Все вы, вся семья виновата. Если бы семья вовремя осадила его, заставила притормозить, предостерегла: “Довольно! Подумай, чем всё это может кончиться”, он бы, может быть, и опомнился, а трагедии бы не произошло”.

Вано потянулся за письмом, взял его и сосредоточился на карте-плане.

— Что было — было, ничего уже не вернуть! Подумаем сейчас вместе над этим письмом, — обвёл он взглядом сначала свекровь, потом невестку. — Что будем делать? Как вы думаете? Здесь, на карте, всё показано понятно и точно.

— Для того мы и пришли сюда, сынок. На одного вас и надеемся. Что мы, женщины, можем одни, без вас?

— В чём, вы полагаете, должна выразиться моя помощь?

— Если вы найдёте его, мёртвого, хоть похороним достойно, по-человечески. Оставаться так, неприкаянным, значит умереть дважды.

Многое Цитадзе уже обдумал. Два дня это дело не выходит из его головы, он мучительно перебирает варианты, которые могут помочь этой ставшей в одночасье несчастной семье. Мать и жена утопленного цепляются за соломинку, умоляют найти и выловить останки. Но есть ли они, осталось ли что за столько времени? Сомнительно! Вряд ли! Написать бы этому мхедрионовцу несколько раньше, не пришлось бы тогда посылать следователя Гиглу Хеладзе в такую дальнюю командировку допрашивать Малхаза Махатели. Ничего себе! Выгнали человека с работы, можно сказать, вытеснили из родного края, а теперь не дают покоя и там. Теперь уж яснее ясного, что пытаются оклеветать безвинного человека. А мы пошли на поводу у Платона Гвелесиани!

Цитадзе прошёлся по кабинету, подошёл к посетительницам:

— Вам известно, что мы послали следователя допросить винодела Махатели на месте, где он сейчас находится?

— Да, известно, — первой отозвалась невестка, — спасибо вам! Бог, надеюсь, простит нас за наши подозрения.

— Дело не в благодарности. Нужно дождаться возвращения Хеладзе. Это дело поведёт он.

— А в чём он может нам помочь? — полюбопытствовала свекровь. — Расследовать уже вроде нечего?

— Поглядите на этот чертёж, — поднял Цитадзе карту, — это место нужно осмотреть, изучить, позвать профессионалов-экспертов. Понадобятся водолазы.

— А где их нам взять? — всполошилась свекровь.

— При чём тут вы! Это наши заботы, — вернулся Цитадзе на место за столом, нервно сцепил пальцы. — Отряд водолазов имеется в Поты. Вот я и пошлю туда Хеладзе, когда он вернётся. Но... — немного помедлил он, — вам придётся эту работу оплатить. Во сколько это обойдётся, пока не знаю.

— Да-да, мы заплатим, — немного растерянно, но разом отозвались свекровь и невестка.

— Ничего не поделаешь! Нынче милиции на это денег не выделяют. Вы внесёте сумму, — поднял он палец, как бы на что-то указывая, — куда полагается, и вам выдадут квитанцию.

По печальным лицам женщин пробежало выражение благодарности.

— Ну и когда же этот Хеладзе приедет? — поднялась уходить старуха.

— Думаю, дня через три, — сочувственным тоном уточнил Вано Цитадзе и проводил посетительниц до дверей.

Узнав о замысле своего нового друга, Марина пришла в восторг. Целый месяц в Грузии, на отдыхе, что может с этим сравниться? Мечта! У многих ли эта мечта воплощается в действительность? А ей широко улыбнулась удача. Ей ещё не приходилось бывать на черноморском побережье. Гигла твёрдо обещает: что касается организации отдыха на курорте, то он позаботится и организует его сам. Главное, урегулировать вопрос с её отпуском. Если потребуется, он поможет через своих здешних друзей и в этом.

Она летала на крыльях мечты и рисовала в воображении чудесные картины — она и Гигла на пляже, на тёплом золотистом песке, под живительными лучами гостеприимного южного солнца.

В душе поднимается тёплое чувство почти любви к этому молодому ещё человеку, но уже отцу семейства, трёх маленьких дочек. Почти любви, мысль же о любви она отбрасывает, отмахивается.

— Не дури, сестричка, не привыкай к нему, — матерински наставляет её старшая сестра Ксения, — нужны тебе новые сложности? Человек он семейный, а такие, как ты, нужны ему для времяпрепровождения и развлечения. К тому же, не забывай, он грузин. А их характеризует верность семейному очагу, и ни из-за какой интрижки они его не разрушат. Жена женой, шашни шашнями.

Господи, да сама Марина никогда не пойдёт на такой неверный шаг. Её честная натура этого не допустит! Ни за что! — убеждает себя в душе она. А если что-то задумал и потому строит радужные планы сам Гигла? Легко ли разобраться в намерениях мужчин? Надо о многом подумать, и очень серьёзно. Если он и в самом деле на что-то рассчитывает, то сама она из этого города ни за что не уедет. Нет! Она здесь родилась, здесь росла. Здесь все её близкие и широкий круг друзей и подруг. Так что... её движет чувство не одно, а многие. Как разнообразна жизнь! Никто не знает, куда и как заведёт его судьба. Зачем ей искать примеры на стороне? Достаточно задуматься о себе, Ксении и Малхазе. Они питают чувство друг к другу ещё со времён двадцатилетней давности. Малхаз, когда впервые работал здесь, был молодым, тридцатилетним человеком. Ксения двадцатилетней девушкой. Судьба столкнула их, когда они и думать об этом не думали. Потом Малхаз женился в Грузии на грузинке. А Ксения сейчас с душевной болью признаётся — жаль, что не родила тогда ребёнка от Малхаза. Какой бы она была сейчас счастливой. Но кто бы мог тогда подумать, что, достигнув среднего возраста, она останется одинокой.

Отправляющихся в Грузию Гиглу и Марину в аэропорт поехали провожать Ксения и Тенгиз.

— Гигла! Как покончишь со своими делами, — прощаясь, просил Малхаз, — навести мою семью, расскажи, как я тут устроился, как работаю.

— И от меня передай привет, — добавила Ксения со всей серьёзностью, хотя все и улыбнулись, приняв её слова за шутку. — Пусть приедут сюда. А до того я уж о нём позабочусь.

Уже в аэропорту, поднимаясь по трапу в самолёт, Марина думала радостно, но и с некоторой тревогой: “Что дурного и неприемлемого в такой их дружбе?”. Ведь сама она сейчас на таком подъёме, будто едет в свадебное путешествие.

Самолёт набрал высоту. Тишина в салоне понемногу начала перебиваться беседами, скоро слившимися в общий негромкий гул.

Марина сначала сама скинула стесняющие ремни, потом помогла Гигле.

— Значит, так! — бросила она на него сияющий взор. — Сначала мы... в общем, ты сам обрисуй мне весь задуманный план. Мне хочется послушать. И, может быть, внесём в него какие-нибудь поправки и дополнения?! Правда, дорогой?

Последнее слово бальзамом легло на душу Гиглы. Жена не очень-то балует его такими ласковыми словами. Не та натура, но что тут поделаешь! Не порицать же её за это. Главное, что она безгранично предана ему и любит глубокой, доказательной любовью. И слова тут нужны не всегда.

— Ну что ж! — не в первый раз и не без удовольствия принялся Гигла за описание выработанного им плана. — Первым делом я устрою тебя в гостиницу. И в этот день останусь с тобой в городе, — в голос его пробилась теплота. — В Рустави ты будешь ездить на автобусе. Рейсы каждые двадцать минут. Ехать менее полчаса.

— Ну это я знаю по прошлой поездке! — воскликнула Марина.

— Дня за три, мне кажется, ты справишься со служебными делами...

— Думаю, да! Свободно. И ты все три эти дня пробудешь в Тбилиси?

— Ну что ты! — от души рассмеялся Гигла. — Как это можно? У меня ведь тоже работа. Да ещё какая напряжённая! За это время скопилось столько вопросов, требующих спешного разрешения. Начальник считает часы до моего приезда. Есть дела, которых без меня не урегулировать. Поняла?

— Ну, конечно же, поняла!

По сиявшему до того лицу Марины скользнула лёгкая печаль.

— Значит, пока ты не решишь эту массу дел, тебе будет не до меня?

— Да что ты! — ласково коснулся Гигла её руки. — Мы будем то и дело перезваниваться. К тому же я приеду за тобой на машине в Тбилиси, чтоб отвезти в Кобулет.

— И куда я буду тебе звонить? Домой? — забеспокоилась Марина. — А как же жена?

— Ну зачем же домой? На работу! Зачем раскрывать нашу тайну? Да если даже что-то случайно раскроется, не страшно. Пошумит-пошумит и успокоится.

Марина расхохоталась:

— Гигла! Ты, видно, порядочный бабник и хитрец, хотя сразу этого и не заметишь! На вид прямо овечка! Такие, как ты, и должны служить на твоей работе. А к металлургическому заводу ты не подойдёшь.

— Марина, — залился Гигла смехом, будто от щекотки, — ты хочешь, чтобы я получил отпуск, или нет?

— Ты ещё спрашиваешь? Ну, конечно, хочу!

— Так вот, для этого нужно потрудиться. А подготовить твою поездку в пансионат в Кобулет, как ты думаешь, необходимо или нет? Ну и какие поправки ты хочешь внести в мой план?

— Да никаких, милый, поправок! Главное, выполнить всё задуманное, — погладила его по плечу Марина.

Взглянула в иллюминатор. Самолет летел над облаками. Они плавали внизу, как беспорядочно раскинутые лёгкие клочья ваты. Вверху же расстиралось и переливалось беспредельное синее небо. Красота его потрясла обоих, и они сжали друг другу руки.

— О-о! — вырвался у Гиглы вздох восхищения. — Нечасто выпадает видеть такое величественное зрелище.

— Да! Не всегда даже в полёте.

Долго молчали, в глубине души переживая увиденное.

Марина снова припала к иллюминатору. Самолёт прорезал огромное облако и вылетел из него. И снова безбрежное голубое переливающееся пространство и белые колеблющиеся вереницы облаков под ним.

— Гигла! Эти облака словно мои раздумья, и мы оба несёмся над ними.

— Всё это поэзия, Марина! — улыбнулся Гигла. — Но я чувствую, что ты хочешь сказать и о деле, а не решаешься. Говори! Ведь мы уже достаточно хорошо знаем друг друга.

— Догадайся сам! — улыбнулась и Марина.

— Нет уж, скажи! — подбодрил её Гигла.

— Ладно. Ты сказал, что у тебя дочки...

— Точно. Так и есть.

— Ты очень любишь свою жену и дочек?

— Очень, Марина! — пристально взглянул ей в лицо Гигла. На нём вспыхнул и погас огонёк смущения.

— Ну, конечно... так и должно быть.

Что за вопросы она ему задаёт, поёжился Гигла.

— А ты не хотел бы сына? Я слышала, что в Грузии мужчины предпочитают, чтобы у них рождались сыновья, продолжатели рода, фамилии. Отцы дочек переживают, что их род пресекается.

— Это верно! — с некоторой грустью подтвердил Гигла. — И мы с женой хотели и ждали сына. Но вот видишь!

— Ответь мне, пожалуйста, Гигла, искренне и откровенно. Как грузинский мужчина, а не как кто-нибудь. Ты не хотел, чтоб... — Марина запнулась. Уста отказывались говорить дальнейшее. Их сковала стальная нить женской сдержанности и стыдливости. А ей так хотелось сказать всё до конца. Все последние дни готовилась...

Но трезвый и ясный рассудок Гиглы Хеладзе тотчас уловил, что может последовать за такой преамбулой, но догадок высказывать не хотелось, тем более что они могли не подтвердиться.

— Марина! Марина! Говори!

Он нетерпеливо ждал ответа.

Она огляделась — рядом кресло пустое, позади похрапывает, опершись об откинутую спинку кресла, старик, до которого и при желании докричаться не так-то просто.

Всё-таки перейдя на шёпот, едва слышный даже Гигле, она пролепетала:

— А ты не хотел бы, чтобы сын родился у нас с тобой?

Как бы там ни было, но Гигла опешил. Не всегда услышишь подобные откровения! Но женщина в ожидании ответа смотрела прямо ему в лицо.

— Что с тобой? Ты испугался?

Гигла постарался как-нибудь скрыть растерянность. Но что может стереть с лица румянец смущения?

— Да нет! Но ты же знаешь, что я человек семейный.

— Ну и что же? Я же не собираюсь разбивать твою семью, — растерялась, но не подала виду в свою очередь Марина.

— Но как же? Как ты себе это представляешь? Ты такая прекрасная, привлекательная женщина. Наверняка на твоём пути появится достойный тебя мужчина. Нужно будет создать семью, а...

Марина вздохнула так глубоко, что, казалось, исторгла всю истосковавшуюся душу:

— Эх, Пигла! Тебе всё представляется, видимо, простым. И ты поучаешь меня, как маленькую, ничего в жизни не видевшую девочку. В своё время счастье не улыбнулось мне. А сейчас трудно решиться на важный жизненный шаг. Ну, допустим, шанс появился. А что будет дальше? Кто и за что может поручиться?

У Пиглы сжалось сердце. Такая женщина, ангел! И вот... При такой красоте, конечно же, нужно оставить потомство, и немалое, — сочувственно оглядел он её:

— И когда же, Марина, у тебя появилась такая мысль?

— После нашей встречи у меня.

— А как на это посмотрит твоя сестричка Ксюша?

— Она и сама мне советует, — откровенно призналась Марина.

— Как?! Советует сама?! — оторопел Пигла.

— Да! Исходит из своего собственного опыта. Жалеет, что от их с Малхазом любви не осталось потомства. Два раза была замужем, пыталась создать крепкую семью, но не получилось. Двадцать лет пролетели незаметно, а сейчас, как я говорила, жалеет. Что ещё остаётся? Сейчас уже поздно. Много воды утекло. Боже, как бы и со мной не повторилось такое. В жар бросает, как подумаешь, что на старости лет некому будет подать воды.

Марина продолжала делиться своими сомнениями и переживаниями, а у Пиглы всё больше сжималось сердце и всё тяжелее становилось на душе. Отозваться он не торопился. Легко ли подобрать слова, чтоб не ранить летящую, как птица, Бог знает куда, молодую женщину.

Помолчали.

Первой всё же заговорила Марина:

— Не допускай даже мысли, что я буду добиваться алиментов или чего подобного. Мне не потребуется никакой помощи, чтобы вырастить ребёнка. Я сама в состоянии поставить его на ноги и направить на жизненный путь. Ты только дашь ему своё имя, и всё!

Она незаметно покосилась на задумавшегося спутника. Взгляд его, правда, потупленный, выдавал многое.

— Пойми меня, Пигла, правильно. Я ни к кому, кроме тебя, не обратилась бы с таким предложением, — приникла она к его плечу.

— Но почему ты так уверена, что у нас непременно будет сын? — совершенно неожиданно, даже для себя, воскликнул Пигла, но тут же устыдился своего неуместного вопроса. Что поделаешь, вырвалось! Слово не воробей, вылетит — не поймаешь!

— Но какое это для тебя имеет значение? Да и мне всё равно, — с предельной степенью откровенности призналась Марина.

Пигла обнял её, прижал к себе, долго, растроганный, не отпускал.

Скелеты возвращаются домой

Пигла устроил Марину в гостиницу “Иверия”. Это двадцатипятиэтажное здание близ центрального проспекта, главной улицы Грузии — Руставели. Переночевал в ней и сам. Утром, после завтрака в буфете, проводил Марину на автостанцию, посадил в автобус-экспресс Тбилиси — Рустави. Прощаясь, напутствовал:

— Марина! Глаз не поднимай на здешних молодых парней, не то, если пристанут, не отвязнутся.

Расцеловавшись с ним, Марина твёрдо обещала:

— И думать об этом не думай!

Прощались тепло и долго.

Марина Поспелова никуда не торопится, но у всего есть своя мера.

Гигла Хеладзе, напротив, рвётся попасть на работу поскорее. И начальник ждёт его там с нетерпением, и сложное дело призывает к оперативности. Так что душа тянется к привычному, повседневному. Душа? Но где она, душа? Она сейчас у Марины. Он непререкаемо убедился в этом, оставшись один и помахивая вслед автобусу рукой. Убедился не без некоторого опасения — неужели он настолько привязался за несколько дней к этой женщине, что... Нет! Нет... ради Бога! Но факты...

Второй раз в жизни Гиглу Хеладзе посетила любовь. Причём сейчас она проникла в него не с шумом, как тогда, когда ему было двадцать лет, а вползла как-то вкрадчиво, но всё более цепко захватывает его, сорокапятилетнего уже мужчину, в свои мощные когти. Несколько минут тому назад он не помнил ни о жене, ни о подросших уже дочках. Господи! Неужели Марина Поспелова вот-вот заслонит от него эти любимейшие существа, как сияющее встающее солнце — облака. Почему у него в ушах непрерывно звучит: “А тебе не хотелось бы сына?”. Сейчас он жалеет, что не дал поистине мужского ответа. Прямого, как ему всегда было свойственно. Ещё бы! Конечно, хотелось бы. За такое много можно отдать.

Гигла Хеладзе сидит у окна в комфортабельном автобусе рейса “Тбилиси — Багинети” и с нетерпением поглядывает на часы: время в пути тянется так медленно.

В сознании снова всплывают слова Марины, волнуют, беспокоят, заботят. Соблазн немалый! Сын давно был его мечтой и мечтой остался. А уж его родители! В глубине души переживают, конечно, да ещё как, что продолжатель рода так и не появился. Особенно отец, труженик, всю жизнь поливавший потом землю, истый крестьянин Пармен Хеладзе. И Гигла, и жена его знают, чувствуют это. Да что уж говорить! Глава семьи Пармен всегда желал им, совсем тогда ещё молодым, только что поженившимся, первенца-сына. Правда, когда дело уже дошло до ожидания, примирительно добавлял: кого Бог пошлёт, тому и рады будем. И впрямь, первой дочке Гиглы рады были безмерно. И второй не меньше. Да и третьей. Всё, казалось, впереди. И наследник появится. Но случилась операция, и о детях больше думать не приходилось. Нет так нет! Пармен Хеладзе души не чает в трёх внученьках, писанных красавицах.

Гигла откинулся на спинку кресла, смежил веки...

Проснулся он, когда автобус уже проехал туннель и подъезжал к селению Ципа.

В окно лились жаркие лучи южного полуденного солнца.

Вот-вот, по пути в Багинети, автобус проедет раскинувшуюся налево от трассы его родную деревню. Не заглянуть ли сначала домой? Повидаться со своими?! Он так по ним соскучился. Да и они ждут, конечно, не дождутся. Сердце тянется к ним. Но — нет! Нужно дотерпеть до вечера. Сейчас важно скорее попасть на работу. Начальник нетерпелив, горяч, если что — можно и с отпуском распрощаться. А это разрушит так тщательно составленный план.

Уже перед вечером Гигла открыл дверь в приёмную начальника.

— О-о! Уважаемый Гигла! — приветствовала его сидевшая за машинкой секретарша. — Наконец-то! С приездом! Все уже заждались.

— Кто это все? — порядком удивился Гигла.

— Как кто? В первую очередь ваша супруга, Ламара. Заходила утром к начальнику, справлялась, когда вы приедете...

Гиглу как громом поразило.

— Заходила к начальнику?!

Вот это номер. Тот, несомненно, доложил ей о Марине. Скорее всего, шутя. Любопытно, как к этой новости отнеслась Ламара.

— Что вы так испугались? — улыбнулась секретарша. — Ничего странного. Вы задержались, родители беспокоятся, дети скучают. Я же слышала их разговор!

— Да что тут такого! — сел, сложив руки на своей кожаной папке, Гигла. — Прошла всего неделя, как я уехал. И в какую даль, вы себе представляете? На столько времени в гости неподалёку отлучаются, — недовольно хлопнул он ладонью по папке. — Но я-то был по делу, а не на прогулке!

Секретарша в знак сочувствия пожала плечами.

— А интересно, что ей ответил начальник?

— Будто не знаете! — рассмеялась секретарша. — По привычке всё обратил в шутку!

— Но в какую?

— Там, сказал, подцепил себе дамочку, — не отрываясь от печатанья, объяснила секретарша, — и везёт её сюда.

— И это ты называешь шуткой? — остолбенел Гигла.

— Ну а что же, как не шутка? — удивилась секретарша. — Так это восприняла и ваша супруга. Да и все мы посмеялись.

“Нашёл, чем шутить!” — негодовал в душе Гигла.

— На месте? — взглядом показал он секретарше на обитую чёрным дерматином дверь.

— Да. Только что пришёл. Идите же! Что вы медлите? Он давно вас ждёт.

Гигла подхватил папку, рывком поднялся с места и слегка нервозно, резко распахнул дверь кабинета. У него есть на то основания, он ведь вернулся не с пустыми руками, а с материалами допроса Малхаза Махатели. Правда, они немножко туманны и неопределённы, но свидетельствуют о проведённой им работе. А ведь их могло бы и не быть.

— О-о! Гигла приехал. Слава Богу! — завидев подчинённого в дверях, воскликнул начальник. — Поехал искать убийцу Гвелесиани, а пропал сам! Ну входи, входи! — указал он на место напротив себя.

Приветствовав начальника рукопожатием, Гигла опустился на стул.

— Ну как съездил?

— Спасибо! Неплохо. Далёкая, однако, далёкая страна! Что от нас до Испании, то и до неё.

— О-ой, бедняга! Уж не пешком ли её обошёл?

Гигла улыбнулся.

— И страна обширная, в пять с лишним раз больше Франции, и полёт утомительный.

— Гигла! Брось! Географию я знаю не хуже тебя. Скажи лучше, какой у тебя результат? Семья Гвелесиани с нетерпением ждёт его.

— Платон часто беспокоил?

— Платона унесла скорбь о сыне. Три дня тому назад похоронили. Теперь имеем дело с его вдовой и вдовой Беки.

— О-о-о! — с сожалением и удивлением вырвалось у Гиглы, и он заметно помрачнел. Вспомнилась его последняя встреча с Платоном Гвелесиани перед отъездом. Как он, бедняга, молил его: ты многое можешь для меня сделать! Не

дай мне унести с собой в могилу тоску о сыне. Отыщи его живого или пусть мёртвого. У тебя у самого есть отец, да и сам ты тоже отец.

Сердце сжалось, комок подкатил к горлу, с трудом проглотил слюну.

— Какое впечатление произвёл на тебя Махатели? — прервал молчание Цитадзе. — Как отвечал на вопросы? Искренне? Откровенно? Исчерпывающе? Или юлил?

— Махатели человек прекрасный! Жаль, что такие знающие, умелые специалисты и честные люди выброшены за пределы родины, расходуют свой дар и энергию в других странах! — Гигла раскрыл кожаную папку, перебрал в ней бумаги, достал лист и протянул начальнику. — Вот, познакомьтесь с его показаниями!

Ему казалось, что тот ухватится за документ с большим интересом и сразу примется читать его, но не тут-то было. Ваню Цитадзе лист принял, но положил перед собой на стол и просматривать явно не торопился. Спросил только:

— В правдивости показаний не сомневаешься?

— Ничуть не сомневаюсь. Видно сразу, такой врать не будет.

Начальник поднял-таки лист, пробежал взглядом.

Гигла внимательно следил за его выражением. Интересно, как он будет реагировать?

Никаких эмоций! Наверняка ему полученный материал не нравится, — подумал с недоумением.

Прочитав, Ваню вернул ему лист порядком равнодушным движением, и на губах его заиграла-таки улыбка. Он выдвинул обеими руками ящик стола, осторожно вытянул из него довольно уже потрёпанный тетрадный листок и передал Гигле:

— А теперь познакомься с этим письмом!

Гигла впился в текст, — на лице его всё усиливалось выражение крайнего удивления, — и когда дочитал до конца, поднёс ко рту кулак и легонько стукнул:

— Ну что стоило этому бедняге-мхедрионцу написать всё это пораньше, не пришлось бы ездить в такую даль!

Сказано было тоном неудовольствия и как бы сожаления.

Но Ваню Цитадзе так легко не проведёшь.

— И сейчас не поздно, — отозвался тоже с напускной беззаботностью. — Потому что, — сразу посерьёзnel, — без него, без этого письма, милиция оказалась бы в затруднительном положении. Это дело нужно завершать. Пора ставить точку! Дальнейшее бездействие нам не простится. Сам убийца приводит нас на место преступления.

— Ну и как вы намерены действовать? — в упор посмотрел на него Гигла.

— Интересный вопрос! Тут что, могут быть два мнения? Нужно поднять утопленных со дна Риони, прочесать указанное место.

— Но какой смысл? От них теперь остались одни скелеты.

— Скелеты-то и нужно извлечь из реки. Скорбящие просто умоляют. Ты никогда не сталкивался с подобным случаем? Я, например, нет.

— И я никогда! — задумался Гигла. — В кино разве только видел, как вытягивали из воды трупы.

— Ну что ж! И то хорошо! — взялся начальник обеими руками за край своего стола. — К виденному в кино добавь и свою смекалку. Вот тебе ксерокопия письма с планом. Ознакомься, продумай и наметь, как нужно и как будем действовать.

Гигла поднялся уходить из кабинета. Но Ваню что-то вдруг вспомнил и остановил его:

— Гигла! Отправляйся домой пораньше. Твои просто извелись от того, что ты там задержался. Утром ко мне приходила Ламара, говорила прямо сквозь слёзы.

— Моя жена? — принял Гигла выражение столь удивлённое, будто только что узнал об этом.

— Твоя, конечно! Я отшутился: познакомился, сказал, там с красивой женщиной и придет, когда... родят сыночка!

— Ну а что она? — от удивления раскрыл рот Гигла.

— Вот, говорит, и хорошо. Ради этого можно подождать и целый год. И так спокойно, что я даже удивился. Понятливая и вежливая у тебя супруга, цены такой нет!

Гигла тяжёлым кивком вроде бы согласился с ним.

Вано подошёл к нему поближе и осторожно, чуть слышно спросил:

— Ты правда привёз сюда Марину? — и лукаво блеснул глазами.

Гигла воздержался от прямого ответа, только расхохотался.

Проницательный Цитадзе не замедлил принять этот смех за подтверждение.

Пройдя к себе, Гигла сел за рабочий стол, перечитал письмо мхедрионовца, взгляделся в начерченный план. Действовать, наказал начальник.

План наводит на множество мыслей. Нужно их упорядочить и в толковом виде представить исполнителям. Перво-наперво осмотреть местоположение. И завтра же. Осмотр подскажет детали, необходимые для действия. Во-вторых, нужно будет съездить в Поты, договориться там с водолазами. А там недолго смотаться и в Кобулету. Тут он поставил на записи целую строку многозначительных точек. Эта тайна касается его одного. Что подразумевается под точками? Разумеется, какой-нибудь дом отдыха, пансионат, встреча с его директором, бронирование двухместной комнаты. В-третьих, потребуется сплести из прутьев двое больших, чтоб поместились скелеты, подставок, что ли, или носилок. Этим займутся сами скорбящие. Многие удивятся: для чего вторая плетёнка? Но не оставлять же на дне скелет Дзуку Соселиа? Ответ логичен. Живущей в городе одинокой вдове это не под силу. В-четвёртых, нужно будет вызвать карету “скорой помощи” с медперсоналом. И, в-пятых, съездить к вдове Соселиа и сообщить ей о готовящейся операции.

Довольный своим наброском, Гигла расслабился и отдался набежавшей дремоте.

Вскоре его разбудил громкий стук в дверь.

Он быстро вскочил.

Взглянул на часы. Открыл дверь.

Вошла старая, опирающаяся на палку женщина в чёрном с головы до ног одеянии, мать Беки Гвелесиани. Да, подкосили её гибель сына и смерть мужа.

Гигла выразил ей искреннее сочувствие, бережно поддержав за плечи, подвёл и усадил на стул. Странно, всего час-полтора, как он приехал, а об этом уже узнали многие. Объяснение поступило от самой посетительницы.

— Не удивляйтесь, сынок! Мне сказал, что вы приехали, мой сосед Джуба, ваш сослуживец. Я его раньше просила: как, говорю, придет, сразу сообщи мне. Он так и сделал. Зря мы посылали вас в такую даль. Я, правда, сомневалась и тогда, даже говорила Платону: что это ты вбил себе в голову, а вдруг это не так?! Но бедняга не послушал меня.

— Ну, конечно! Что было — то было... Теперь нам надо подумать о том, как убедиться в подлинности написанного в письме, — повертел Гигла в руках листок мхедрионовца.

— В этом на вас, сынок, полагаемся. Без вас нам не сделать и шагу. Что мы, женщины, можем? — отёрла набежавшие слёзы чёрным платком. — Поднатужимся, но денег дадим, сколько потребуется. Ваш начальник сказал мне, что нужно будет нанять водолазов. Вы с ним уже виделись?

— Ну, конечно! Сразу же. Он поручил мне составить рабочий план действий. А сам уже отправился по другим делам, — взглянул Гигла на наручные часы. — Скоро уже вернётся, и я покажу ему этот план.

— Сынок, а можно мне на него взглянуть?

— Можно. Я и сам хотел вам его показать. Вот, глядите! Завтра утром мы отправимся на осмотр местности, показанной на карте в письме. А потом мне придётся поехать в Поты, чтобы договориться с водолазами. Как вы думаете, — поднял он взгляд на посетительницу, — не найдётся ли среди ваших соседей кто-нибудь, кто бы сплёл из прутьев двое больших носилок. Нарезать прутьев ивы или вербы и сплести носилки в два метра длиной и метр шириной.

— Думаю, что найдётся. Вроде это не так уж трудно. Поблизости от нас живут такие — корзины плетут, — не сразу отозвалась старуха. “Интересно, для чего они им?” — подумала, но не спросила, воздержалась. Разве что только взглянула недоуменным взглядом на Гиглу.

— Если верить письму, на дне реки лежат двое. Поднимать их нужно осторожно, соблюдая все правила, чтоб не нанести повреждений. Тем более, что в воде их не отличишь друг от друга.

Представив себе на мгновение страшную картину, старуха разрыдалась:

— Ну, конечно, сынок! Если б даже не так, всё равно...

— Нет ли на теле вашего сына каких-либо индивидуальных особенностей?

— Да, есть! — с готовностью отозвалась старуха. — Ещё в детстве ему отняли травмированный мизинец на правой ноге. На правой руке он всегда носил, не снимая, золотой браслет, хотя вряд ли эти проходимцы оставили его на нём. А на двух нижних зубах золотые коронки.

— О-о, вполне достаточно!

Зазвонил телефон.

Гигла потянулся к трубке.

— Начальник вернулся, — сообщила секретарша.

— Начальник вернулся, — повторил он, торопливо собрал разбросанные по столу бумаги, положил в папку, быстро поднялся. — Отправляюсь к нему по этому делу.

— Я подожду вас. И вообще, может, понадобится, — встала и посетительница.

— Не стоит! Ступайте домой, а если понадобится, заеду к вам сам.

Он пропустил вперёд тяжело опирающуюся на палку старушку, проводил её по длинному коридору к выходу из здания и прошёл к приёмной начальника. Тот, видно, уже ждал его, стоя у окна и наблюдая, что происходит во дворе.

— План готов. Вот он!

— Садись! — бросил ему начальник и принял лист с детально разработанным планом, пробежал его взглядом.

— Неплохо! — заключил, дочитав до конца. — Стало быть, утром мы туда едем. Это неизбежно! Как там у тебя дальше? Послезавтра — в Поты договариваться с водолазами. Оттуда в Кобулет. Не понимаю, при чём тут Кобулет? И что означают эти многоточия? — поднял голову от плана начальник.

— Многоточия означают, — не растерялся Гигла, — что если я не застану или не договорюсь с водолазами в Поты, то направлюсь на курорт Кобулет, там у меня есть друзья, они помогут!

— Логично! — опустил начальник лист на стол и прижал рукой. — Ну что ж?! За дело?!

Весна уже властно вступила в свои права. Скинувшая немалый в этом году снежный покров земля понемногу высыхала и покрывалась мягкой, ещё несмелой травой.

Солнце набирало силу и ощутимо всё прогревало. К полудню поднималось совсем высоко. И закатываться не торопилось. Воздух пронизывало ещё совсем лёгким ароматом не вполне распустившихся соцветий яблонь, вишен и мирабели.

С обширных кукурузных полей слышался ритмичный гул выехавших на пахоту тракторов.

С распаханых борозд то и дело взлетали пустившиеся на охоту за червями стаи грачей и с карканьем перелетали Риони.

В то прекрасное весеннее утро участок берега Риони, указанный на карте мхедрионовца, был набит массой народа. Далеко вокруг тоже всё усеяно любопытными. Но совсем близко к берегу милиция не пропускает.

— Не мешайте работать! — едва сдерживают оперативники напирющую толпу.

Руководит всем начальник райотдела Ваню Цитадзе. С уточнённой картой в руках даёт указания по обмеру площади действий водолазов в полном спецобмундировании, с кислородными баллонами за спинами. Рядом с ним следователь Пигла Хеладзе. Неподальку стоят две машины “скорой помощи”. В одной сидят мать Беки с невесткой и медсестрой, в другой — вдова Дзуку Соселиа. Из машин женщины не выходят. Легко ли видеть подобное зрелище. Сидят поникшие, укрытые чёрными покрывалами, отдавшие мрачным мыслям.

Шагах в сорока от них, во второй машине, вдова Дзуку Соселиа клянет день и час, когда инспектор ОБХС Бека Гвелесиани подловил её мужа на завышении цен, обратил в раба или собаку-ищейку.

Здесь, на берегу Риони, собрались родня и свойственники Беки и его жены, их соседи. Любопытство привело сюда и многих посторонних. Все жители Багинети, у кого только была автомашина, съехались сюда с самого утра. Прибыли и человек десять близких Дзуку Соселиа. Они стояли отдельной группой.

Три водолаза находились на дне почти час. Надежды на обнаружение утопленных оставалось всё меньше.

Следователь Хеладзе призывал не опускать рук, продолжать поиски, переговаривался с появляющимися время от времени на поверхности воды водолазами. Те, немного передохнув, снова устремлялись на поиски. Спустя ещё полчаса один из водолазов высунул из воды голову и помахал рукой.

— Нашли! Наверняка нашли! — послышалось с разных сторон. Народ зашевелился и двинулся к берегу.

— Плетёнки! — распорядился руководитель группы водолазов. — Подтащите сначала одну. Со второй подождите!

Плетёнку с необходимым грузом спустили в привязанную к берегу лодку и отплыли с ней к месту, указанному водолазами.

— Ну, ребята! Тащите с тщательностью и осторожностью археологов, чтоб не повредить и не потерять ни одной частички, — подбадривал Ваню Цитадзе идущую на помощь ещё одну группу водолазов.

Спустя полчаса один из скелетов лежал в плетёнке на прибрежном галечнике.

Подвели родных для опознания.

Скелет был целым, без малейшего повреждения. На костях не было видно ни малейшего признака мышц, так их объели хищные рыбы.

Только взглянув на левую руку скелета, вдова Дзуку Соселиа припала к нему и зарыдала в голос:

— Бедный, бедный, несчастный мой Дзуку! Что за злая судьба выпала тебе, бедняжке! — ухватила она за его кисть, над которой под солнцем сверкнул металл.

— У утопленного был, — пояснила, взглянув на скелет, медсестра, — перелом локтевой кости, и хирург вставил ему пластину.

— А моего сына не нашли? — собралась с последними силами и спросила несчастная мать Беки.

— Нашли! — “утешил” её кто-то из стоявших неподалёку. — Он лежал в пята метрах от этого, и сейчас его поднимают.

— О мой бедный, бедный сыночек! — исторгла из себя стон и забила себя кулаками по голове мать.

Её отвели в сторону и посадили на валун. Возвращаться в машину она не захотела, предпочла ждать у самой воды.

Руководитель группы водолазов отозвал в сторону Вану Цитадзе и шепнул ему на ухо:

— Должен предупредить вас: поднять второй скелет будет чрезвычайно трудно.

На лоб Вану сбежались и напряглись глубокие борозды:

— Но почему? Мы ведь именно из-за него всё и затеяли.

— Его придавило и оплело огромными корнями обрушившегося в реку со склона берега дерева. Возможно, что какие-то части тела отнесло течением.

Огорчению Вану не было предела. К нему подбежал Гигла Хеладзе и осведомился о причине задержки.

— Ну что ж! — принял трудное решение Вану Цитадзе. — Сделаем всё возможное, чтобы поднять скелет из воды.

Водолазы снова скользнули в воду предпринять очередную попытку.

Менее чем через час на берег вытащили плетёнку с верхней половиной скелета: нижнюю унесло течением реки.

— Скелет, и тот не полный! — не удержался кто-то из толпы.

— Не только люди, но и природа отторгает Беку, — поддержали его.

Бедную мать подвели, почти поднесли к плетёнке. Она упала на кости, не в силах даже причитать и рыдать.

На солнце посверкивали две золотые коронки на нижней челюсти.

Невредим был и золотой браслет на правой руке.

На левой темнели японские наручные часы “Сейко”.

В грудной части рёбер запуталась массивная золотая цепь с золотым же крестом, которые подарила Беке накануне дня его рождения тёща. На самый день рождения Беке, однако, попасть не довелось, его похитили за три часа до назначенного гостям времени.

Первый скелет уже погрузили в машину. Взялись за второй. Плетёнки со скелетами накрыли чёрными покрывалами.

С каменистого берега Риони двинулась длинная колонна легковых машин.

Подъезжали к широкой развилке у села Гегути. Там колонна разделилась. Часть машин вырулила на шоссе, ведущее к Кутаиси, часть свернула направо и взяла курс на Багинети.

Со стороны города Самтредиа время от времени доносились глухие раскаты выстрелов из тяжёлых орудий, отзвуки вновь разгоревшейся в стране гражданской войны. Никто не знает, когда придёт конец этой войне, нелепой, братоубийственной, которой сопутствуют беспорядочность жизни, неурядицы, страх и нужда.

Из придорожных лавок выходят сельчане кто с тощими, а кто и с полными мешками муки и других продуктов. Запасаются кто и как может.

У пивного бара стоят две бронированные машины. Они принадлежат воинскому формированию “Мхедриони”. Боевой состав их стоит вокруг круглых столиков на высоких ножках, уплетает люля-кебаб и пьёт пиво.

Одна из групп, наевшись и напившись, отвалила от столика и вышла из бара в тот момент, когда мимо проезжали две машины “скорой помощи” и за ними гуськом несколько легковушек. Колонна шла на невысокой скорости и долго

не скрывалась из глаз. Близ провожавших её взглядом бойцов затормозил велосипед мальчишка лет двенадцати. Он с любопытством всмотрелся в плечистого красивого мхедрионовца с автоматом наперевес.

— Нравится? — постучал по автомату владелец, улыбнулся мальчишке. — Скажи-ка, парень, с чего это собралось столько машин?

— Как с чего, дядя! Со дна Риони вытащили скелеты двух утопленных, — резво объяснил паренёк.

— Двух утопленных? — удивился мхедрионовец.

Спутники его уже сидели в своей боевой машине и ждали его.

— Гоча! Поторопись! Не задерживайся. Мы же опаздываем. Нашёл время! Вон, слышишь, началась орудийная пальба!

Мхедрионовец Гоча Немсадзе думал о письме, посланном недавно Платону Гвелесиани, и не отрывал взгляда от растворяющейся в дали колонны.

Машины скрылись, и он почувствовал, как с души его свалился тяжкий груз, — хоть останки он вернул скорбящим по утопленным.

Колонна медленным ходом проехала начинающий зеленеть Аджаметский дубняк. На подходе к деревне Саимедо головная машина остановилась.

— Где мы? — чуть слышным голосом спросила склонившаяся над плетённой матерью. Ей показалось было, что подъезжают к их дому. Зачем ей теперь дом? Дом на этом свете?! Она чувствует, что сердце уже не выдерживает тяжести, что вот-вот перестанет биться. “Ну и ладно! Зачем тебе ещё биться? Отдохни и дай отдохнуть и мне... Но не оставляй нас с сыном здесь, при дороге...”

— Здесь нашли машину Беки. Вот почему остановились, — рыдая, объяснила ей невестка.

Минут десять спустя колонна продолжила путь. Ещё полчаса, и машины пересекли центральную площадь села и поехали вверх по крутому подъёму.

До ворот останки Беки проводили с десяток машин с самыми близкими. Остальные с площади разъехались в разные стороны.

“Скорая помощь” въехала во двор.

На рыдания и протяжный плач отозвалась воем привязанная к конуре собака. Нюх и чутьё не изменили преданному животному.

К машине с душераздирающим криком бросился кудрявый мальчишка лет десяти.

Заливалась горькими слезами шестилетняя девчушка.

Невестка и медсестра буквально вынесли из машины на руках изнемогавшую старуху. При виде внуков у неё потемнело в глазах, и, видно, навсегда:

— Вот он, приехал... ваш отец... да не увидит больше света ваша несчастная бабка... — прорыдала она, и голова её тяжело упала на грудь.

Более она не издала ни звука. И не дышала. Понемногу холодела и каменела.

Снова во дворе засуетились.

Снова крик и рыдания...

Рыдали над сыном...

Рыдали над матерью...

Эпилог

Умеренно тёплый весенний день, столь характерный для Центрального Казахстана...

На площади перед воротами Карагандинского мусульманского кладбища множество машин. Сюда съехались почтить память бывшего депутата парламента,

широко известного в стране юриста Булата Смагулова, когда-то начинавшего свой трудовой путь в цехе Малхаза Махатели. К могиле потоком идут с венками и траурными букетами в руках родные, близкие, друзья, сослуживцы... Склоняют головы и на мгновение останавливаются над прахом так много потрудившегося на пользу родины и так безвременно ушедшего человека.

Малхаз подошёл одним из последних. Долго стоял, отдавшись глубокой скорби. В памяти его всплывал Булат совсем молодой, в синей спецодежде, склоняющийся над аппаратами поточной линии цеха.

Отойдя от могилы, остановил взгляд на стоявшей неподалёку небольшой группе не знакомых ему мужчин. Один из них в упор смотрел на него.

“Спутал меня с кем-то, что ли?”.

Поминальный обед намечался в большом ресторане в центре Караганды. Приглашённые подходили, останавливались в обширном палисаднике перед входом, грелись под несильными лучами солнца, и нестройный гул голосов становился всё слышней.

Малхаз стоял один, в некотором отдалении от всех. Неожиданно к нему подошёл младший брат Булата — Равиль:

— Дядя Малхаз! Вас просит подойти Ашляев.

— Какой Ашляев? — удивился Малхаз.

Фамилия знакомая, её носят многие широко известные люди, но Малхаз ни с кем из них не знаком.

— Рахат Ашляев, министр экономики нашей республики, давний близкий друг Булата, одноклассник и неизменный спутник по дорогам жизни и местам работы.

— А откуда он знает меня?

— Да, видно, знает. Он заметил вас, когда вы подходили к могиле, и узнал, хоть лицо ваше почти заслонял венок. Подозвал меня и спросил: кто это? Напомни, пожалуйста! В лицо узнал, но не помню, как его. Если не ошибаюсь, грузин. И расспросил меня о вас. Ну, пошли! — подхватил Равиль Малхаза за локоть. — Потом я посажу вас рядом. Это нужный человек, он вам ещё пригодится.

Равиль подвёл Малхаза к группе, в которой стоял Ашляев, представил. Они пожали друг другу руки и обменялись тёплыми улыбками, как старые добрые знакомые. Ашляев даже приветствовал Малхаза парой чётко произнесённых грузинских слов:

— Гамарджоба, батоно Малхаз!

Малхаз опешил. Слово “гамарджоба” здесь знают многие, но кто его произносит? Это, в общем-то, неожиданность.

Ашляев, уловив удивление на лице Малхаза, поспешил объяснить:

— Не знаю, как вы, а я вас неплохо помню как винодела с карагандинского разливочного завода “Самтрест”, — с улыбкой оглянулся он на своих спутников: — В те годы он всех угощал превосходными натуральными винами со своего завода.

Малхазу доставила удовольствие память о его далёком уже карагандинском прошлом.

— Этот человек, — продолжал между тем Ашляев, — очень многое сделал, чтобы наш Булат стал тем, кем он стал. Настоял, чтоб тот поступил в институт, получил специальность, рекомендовал его. Насколько знаю от Булата, в период учёбы, как мог, поддерживал материально. Булат всегда вспоминал его с чувством благодарности.

Ашляева слушали, а Махатели оглядывали с явным интересом.

— Мне самому как-то довелось испытать на себе его сердечность и доброту, — вспомнил Ашляев.

— Вам? — воскликнул Малхаз. — Когда же и как?

— А вот так! Мы с Булатом крепко дружили со школьных лет. Помню, тогда у нас в Караганде гастролировал грузинский ансамбль песни и пляски “Орэра”. Билеты достать было очень трудно. Булат обратился к вам, а я увязался за ним. Вы отдали нам свои два билета, и мы получили огромное удовольствие и радость от концерта. Вообще я часто бывал на заводе и помню вас в белом халате в лаборатории.

— И, наверно, отвеживал там грузинское вино.

— Ну, — уклончиво улыбнулся Ашляев, — всякое бывало...

Понемногу входили в вестибюль ресторана и проходили к столам. За столом беседа продолжилась и вылилась в вопросы со стороны Ашляева и ответы со стороны Махатели. Ответы эти навели Ашляева на интересный замысел — по возможности помочь этому человеку, поспособствовать в том, в чём у него возникнет надобность. Прощаясь, он дал ему свою визитную карточку:

— Можете заходить! Поговорим, подумаем, решим!

Миновало семь лет.

Малхаз Махатели стал известным карагандинским бизнесменом. Его успешной работе способствовала первая же встреча с Ашляевым, когда он предложил ему принять участие в начальном этапе в дальнейшем тщательно разработанного плана. Малхаз был поставлен во главе многоотраслевого акционерного общества, став со временем его директором. Нередко бывал в связи со всё расширяющимся кругом работ за рубежом. Перевёл в Караганду всю семью и вместе с ней активно участвовал в общественной жизни.

Но родина — это родина. Она притягивает. И отпускное время Малхаз всегда проводит в своей деревне. С любовью ухаживает за приусадебным участком, следит за домом. Да и как не беречь очаг своих предков. Над его кровлей всегда должен виться дымок. Так что погасшим родной очаг не назовёшь.

Он — неизменная частичка земли, над которой впервые качнулась его колыбель. Не всё ли равно, здесь он постоянно живёт или не здесь? Такая уж выпала на его долю судьба. И где бы он ни был, сколько бы времени ни жил и ни трудился с огромной радостью на благо другой страны, всё равно дни на закате жизни он проведёт здесь. Здесь, на родной земле, сложит свои кости.

Думается и верится, что на этой земле след его пота и крови всё же остался.

Память нередко приводит его к Орбетскому винзаводу. Правда, здесь ему пришлось испытать много неприятного и несправедливого, что вынудило его покинуть родные пределы, но всё же, всё же... Как здесь работалось! Шутка ли, поднять предприятие из разрухи. Не скажешь, что его туда не тянет. Тянет!

Любопытно, как там сейчас дела? Со слов других ему известно, что, как многие винзаводы края разорены, ограблены, развалены, так и Орбетский не миновала чаша сия. Но нужно увидеть всё собственными глазами!

На подходе к воротам завода у него сжалось сердце. И от того, что всё кругом такое близкое, такое родное, и от того, что... Не повернуть ли назад? Всё ясно и так... Сторожевая будка осела и скособочилась. Створка ворот как висела на одной петле, когда он уезжал, так и висит. Прощадка с весами, к которым грузовики подвозили виноград, замусорена и завалена копами кукурузной соломой. А где же весы? Можно ли сомневаться, что радетели завода их давно уже продали? Видно, после распада Советского Союза приём и переработка винограда не производятся.

Территория вокруг завода, когда-то с десятью гектарами плодоносных виноградников, обращена в пастбище для свиней. Вот и сейчас они блаженствуют на чахлой, правда, траве.

Он прошёл во двор. Сердце щемило всё больше. Всё явно видно. Вернее, не видно. Где огромные металлические резервуары для хранения вина, обильно уставлявшие когда-то задворки? Где сто- и двухсотпудовые глиняные амфоры? Их было не перечесть на заднем дворе. Крыша основного корпуса провалилась, будто от бомбёжки.

Железные резервуары распилили и продали как металлолом. И сейчас во дворе, даже при всём желании, не найдёшь ни кусочка металла.

Выходил он с завода, охваченный глубоким разочарованием. Он-то уж знает нынешний уровень производства в мире. И на этом фоне...

Тишина, запустение, безлюдность...

Но вот вдаль показался человек, подгонявший к территории завода корову с перевязанными верёвкой рогами. Пошёл навстречу, узнал — это вахтёр Ушанги. Один он и остался здесь, и пасёт на обширном лугу свою коровёнку.

Единственный оставшийся, когда-то верный страж завода!

Появление его обрадовало Малхаза. В этом заброшенном, запущенном месте повстречать хоть кого, с кем побеседуешь от души и кто откровенно расскажет, что здесь происходило.

Интересно, узнает его Ушанги? Примет ли за своего пришельца в дорогой городской одежде? С той поры, когда он работал здесь, утекло немало воды.

— О-о! Малхаз Махатели! — приблизившись, удивлённо, радостно, приветливо воскликнул Ушанги. — Никак вы?! Клянусь детьми, неделю назад видел вас во сне. Дай Бог, чтобы всё доброе оказывалось, как этот сон, доброй явью!

Отошли к въездным воротам. Ушанги приволок откуда-то кривоногий стул.

Вспомнили времена, вместе проведённые на заводе, тогдашнюю работу, тогдашних рабочих.

Беседа вышла тяжёлой, невесёлой.

— Ох-ох! — вздыхал сторож Ушанги. — Помнишь, брат, как всё бурлило, как кипела работа? И вот, пожалуйста! Я работаю здесь с восемнадцати лет. Подумай-ка... С восемнадцати... Здесь витает моя душа, здесь бьётся моё сердце. Здесь протекала жизнь с минуты, когда был заложен первый камень фундамента. А сейчас вপুরо строить всё заново.

— Так оно и выйдет... Чёрт знает, кто завладеет всем этим...

Ушанги попытался разрядить тягостную атмосферу, переключился на другую тему:

— Слышу, слышу о тебе, Малхаз, много хорошего, интересного... Хорошо тебе там?..

— Хорошо, Ушанги. Чего уж греха таить, — улыбнулся Махатели.

— А здесь, помню... — провёл рукой по чёрным с проседью усам Ушанги. — А что хорошего у тех, кто хотел тебя слопать? Слышал, наверно...

— Да слышал... как же...

— Здорово всё у тебя. Талисман, что ли, какой носишь?..

Малхаз от души расхохотался:

— Ушанги! Дорогой мой! Какое там талисман! Вернее, мой талисман — закалившаяся в горниле труда сила воли. С самого начала жизненного пути я иду с ней и всё укрепляю и укрепляю. Дуют разные ветры, то попутные, а то и сбивающие с ног. Оказываешься то на гребне жизни, то на её дне. Но, падая, я никогда не выпускал из рук щита и меча, собирал волю в кулак, пусть с трудом, но поднимался и продолжал идти своей дорогой. Везде, где ни оказывался, находились завистники, недоброжелатели, откровенные противники. Казалось,

что провидение посылает их, чтобы испытать меня. Но я никогда не прибежал ни к каким ответным действиям. Словно не замечал, морально не мог давать им отпор. И всё шёл своим путём. Где-то в глубине души даже любил их, как людей. Так подсказывали мне моё жизнелюбие и человеколюбие. Если бы не было злого, невозможно было бы оценить и доброе.

Когда я, после стольких миновавших лет, оглядываюсь назад, хочется даже видеть тех, кто оставил в моей памяти недобрый след. Кто из них раньше, а кто позже выпал из тележки. А я, как видишь, сижу в ней и еду всё дальше, и набираю силу.

— Бог тебе в помощь! — перекрестился Ушанги. — У таких, как ты, и должна быть широкая дорога.

Беседовали долго, больше часа, и, наконец, Малхаз встал уходить.

Ушанги бережно взял его за плечо и повернул лицом к заводу:

— Скажи мне, Малхаз, можно ли помочь этой развалине? Удастся ли когда-нибудь этому заводу ожить?

— Надежда, Ушанги, жива всегда. Время и уносит, и приносит. Но кто его знает...

— Если нет, — горько усмехнулся Ушанги, — то на что он мне тогда?

— Я же говорю: кто его знает, — ободряюще потрепал Малхаз по плечу Ушанги. — Даст Бог, здесь снова забродит дарованная им влага — вино.

Во дворе у старожила села Фути, немолодого, но крепкого крестьянина Пармена Хеладзе накрыт обширный праздничный стол. За ним пируют по меньшей мере человек двести — родственники, свойственники, близкие — друзья и товарищи его сына Гиглы, да и сверстники самого хозяина.

Празднуется золотая свадьба Пармена и его жены.

Юбиляры, как полагается, сидят во главе застолья.

Вокруг всё украшено, всё сияет, всякий гост подхватывается мелодичной музыкой.

Возглавляет торжественное застолье друг сына Платона, Гиглы Хеладзе, опытный тамада Малхаз Махатели, недавно приехавший по случаю в родные края.

Тосты следуют один за другим в традиционной последовательности. Тамада уже во второй раз просит дать ему особый сосуд для вина — рог, фиал или потир — и поднимается с места:

— Друзья! — чуть-чуть медлит, чтобы дать гостям возможность сосредоточиться. — Из этого рога я бы хотел поднять тост за Пармена-второго, долгожданного внука нынешнего юбиляра, Большого Пармена. Прошу привести внука сюда...

Просьба была выполнена мгновенно. Прибежал черноглазый, кудрявый мальчик лет шести, резво взобрался на стул, вопросительно взглянул прямо в глаза тамады: вот я здесь, и что тебе нужно?

Года четыре назад, когда Пармен-старший с удивленьем узнал, что в далёком Казахстане, в городе Караганде, растёт его родной внук, он обрушился на своего сына Гиглу с неукротимым требованием: привези сюда ребёнка, если хочешь, чтобы я продолжал жить и дальше. Его нужно приобщить к подлинной родине незамедлительно, иначе потом ему трудно будет усвоить грузинский язык и обычаи.

Сказано — сделано. Двухлетнего малыша привезли к деду. Большой Пармен то и дело благословляет день, когда Гиглу послали в Казахстан в командировку.

Бывшему бандиту и вору Нусату Исмаилову перевалило за восемьдесят пять. Годы делают своё дело и в конце концов одолевают человека. Что же, это закон природы! Нусат Исмаилов не исключение. Но он куда бодрее и крепче многих своих сверстников. Если б не пристрастие к водке, мог быть ещё моложавее.

Склонность к алкоголю не покинула его и в старости. Конечно же, он остался один-одинёшенек в отдельной благоустроенной квартире.

Уже десять лет, как распался Советский Союз. Нужно принаравливаться к новому, и трём сыновьям Нусата и одной его дочери именно сейчас, когда ему так требуется особый, как за ребёнком, уход, совсем не до него. Да и внукам тоже, хоть их у него пятеро.

Старший сын Гусейн вроде вписался в новую жизнь, включился в её ход. Начал с малого бизнеса. В скверике неподалёку от своего дома открыл собственную закусочную и рядом с ней пивбар и шашлычную. Но продержался недолго, был вынужден прикрыть все объекты. Полный умственных и физических сил человек в тридцать пять лет сел от отчаяния на "иглу". При Советской власти Гусейн работал заготовщиком кожматериалов, не довольствовался одной только зарплатой, держал глаз "налево". Жил вроде неплохо.

Средний сын, Муслим, смолodu на спецгрузовике мясокомбината развозил мясо и колбасные изделия по магазинам для реализации и направо, и "налево". Возвращался вечером домой с карманами, до отказа набитыми деньгами. После закрытия комбината целых два года ходил без работы. В поисках удачи уехал куда-то далеко, и отец даже не знает, где он сейчас находится, то ли работает, то ли сидит. Скорее — последнее.

Младший сын, Алим, невзирая на привольную жизнь, обеспеченную отцом, пошёл по его стопам, стал бандитом и вором, пустился во все тяжкие, пристрастился к наркотикам и стареет без семьи и детей. Отбывает недавно присуждённый семилетний срок, и восьмидесятипятилетний старик-отец носит ему передачи.

Единственная дочь Зейнаб, мать двоих детей, бросила семью и подалась в Россию торговать там наркотиками. Её взяли, и теперь она тоже отбывает свой срок.

Тяжёлая старость у Нусата Исмаилова...

Единственный, кто не забывает его, это Малхаз Махатели. Часто звонит, справляется о здоровье. Находит время зайти, хоть и занят по горло. Случается, по старой привычке они вдвоём усаживаются за накрытый стол.

Малхаз жалеет старика и поддерживает его морально и экономически. Как можно забыть когда-то протянутую ему руку помощи?! Всегда всем интересуется и расспрашивает, как много повидавший на своём веку человек оценивает нынешнюю жизнь на фоне прошедшей.

— Так какая же, Нусат, лучше, сегодняшняя или прежняя? Советская или не советская?

— Ну, конечно, советская! — не колеблясь, отвечает Нусат. — Удивляешься такому моему ответу? Ещё бы! Я ведь был непримиримым борцом и отчаянным критиком и ругателем Советской власти!

Малхаз, что и говорить, удивляется.

— Конечно, и у того строя были свои минусы, — продолжает Нусат, — и перечисление их может завести нас далеко. Ты знаешь, что я скажу? При чём тут строй? Ну, как ты полагаешь? — спрашивает он. — Всё строит народ. Да, поверь... это не слова. Каков народ, таков и общественный строй. Тогда все приворовывали и у всех были деньги, на жизнь хватало. А сейчас единицы купаются в

роскоши, а остальные борются... за выживание. При том строе мои дети никуда бы отсюда не смотались. Государство не давало ни повода, ни возможности для этого. Мои дети не исключение. Люди уподобились выползающим из щелей в земле и разбегающимся муравьям. Куда только не проникают. Работы тогда было по горло. Неработающих даже наказывали, как тунеядцев, устраивали на работу. Государство заботилось о тебе и обо мне. За нами, оказывается, нужен был глаз да глаз. И чего от нас ждали в возмещение? Верности. Только её, и ничего больше... Но в последние лет десять вместо верности своему государству ему изменяли все, начиная с главы. И закон оказался отброшенным, как вздрагивающая в пересохшем русле реки рыбёшка. Так или не так? — пристально вглядывался он в собеседника, ища с его стороны подтверждения.

Малхаз соглашался молча, кивком головы.

— Стало быть, повторяю: мы были народом под наблюдением. Наши люди должны были соблюдать закон, трудиться и жить под прессом страха и силы. Свобода без границ была для них губительна — и нравственно, и экономически. Очень многие трудовому поту предпочитают ленивую скудость. Таких принуждать к труду приходится силой. Ты, умный и образованный человек, видишь, что происходит у нас на глазах? Открыто возвращают и надевают на шею людей отброшенное чуть не сто лет назад ярмо рабства и угнетения.

— Понемногу всё утрясётся, утвердится всеобщее благополучие, — помолчав, предположил Малхаз.

Нусат покосился на него с лёгкой иронической усмешкой:

— Когда? Для меня это уже не будет иметь ни малейшего значения. Я говорю обо всём этом лишь потому, что ты сам попросил меня. А так-то... я свою долю жизни, хорошо или плохо, прожил — то в заключении, то на свободе. Стоя на краю могилы, думаю лишь об одном...

Он остановился, как бы ожидая от собеседника вопроса.

— О чём же это? — не замедлил спросить Малхаз.

— О том, что... не буду похоронен на родине. Мои дети бросят меня в здешнюю песчаную землю.

Об этом Нусат говорит с горечью частенько. Стоит опрокинуть три-четыре рюмки водки. И от жалости к нему сжимается сердце. Когда двадцать лет тому назад он потерял двадцатичетырёхлетнего сына, то отвёз и предал его земле предков на родине. За сыном последовала не выдержавшая потери мать. И она нашла себе место рядом с сыном. Тогда у Нусата была материальная возможность для этого. А сейчас? Правда, могут продать жильё, и этого хватит с лихвой для перевозки не одного покойника. Но сделают ли это его дети? Все они родились и выросли здесь. Не знают ни языка, ни обычаев предков. В их сознании вся земля одинакова. Для них не существует земли родной и чужой. Земля и есть земля. Малхаз! Ты ведь помнишь, — постарался он отбросить уныние и озабоченность, — что года два назад я ездил на родину?

— Помню! Конечно, помню, — с готовностью подтвердил Малхаз.

— Но, наверно, не знаешь причины поездки. А знать хотел бы?

— Конечно, хотел бы! Очень даже интересуюсь.

— Ну так кому, как не тебе, открыть мне свою душу! — с пронзительной искренностью воскликнул Нусат. — Я почувствовал, что приближается время покинуть сей мир. И поехал, чтоб проститься с ним там, у себя. Но не судьба! Не накладывать же на себя руки? Своего дома у меня там нет, жил у родни. Им помог построить жильё я, — хлопнул он рукой в знак неодобрения по лбу. — Дурак! Никогда не смотрел вперёд, ничего не предусматривал. Когда мог, когда имел возможность, способствовал, помогал другим. А о себе не думал. Вот так дурень! Тебя любят, когда чего-то ждут и получают помощь. Спустя два месяца

я заметил и понемногу всё более убеждался, что в многодетной семье брата я лишний. Но пребывание в отчизне укрепило меня физически, и я, поздоровевший, вернулся сюда.

— Вот и хорошо! Не беспокойтесь, Нусат, лучше живите. А если когда-нибудь что-нибудь... всё будет, как вам хочется, — подбадривал Малхаз наивного, как ребёнок, старца.

Но тот только обречённо отмахивался:

— Нет! Не надеюсь я на своих детей! Скорей на тебя, Малхаз! Молю, не оставь меня здесь...

В скором времени, примерно спустя год, Нусата не стало.

Малхаз в это время отлучался на месяц по делам за границу.

Горестную весть узнал, возвратившись, и подробно обо всём расспросил.

... Похоронили Нусата Исмаилова на городском мусульманском кладбище. Из четверых детей в последний путь его проводили двое.

Его сын-наркоман уже успел продать квартиру отца и поселился у старшего брата.

Так сбылось пророчество несчастного Нусата.

Малхаз Махатели возвёл в столице Грузии, Тбилиси, в старинном околотке Харпухи чудесный двухэтажный дом, с высоты взирающий на реку Куру. С балкона его как на ладони видны возвышающиеся на противоположном её берегу древний храм Метехи и ультрасовременная, великолепной архитектуры гостиница “Метехи-Палас”.

Чуть пониже вздымается на боевом коне царь и воин Вахтанг Горгасал, пристально озирающий свою страну. Ему есть во что всматриваться, чему радоваться и чем гордиться: перед ним расстилается, расправив орлиные крылья, основанная им пятнадцативековая столица.

За домом высится хребет с развалинами крепостных стен и башен седой Нарикалы, прародительницы и могучей защитницы города. На склоне лепится церковь Преображения Господня. По пути к Мтацминда множество храмов из тёсаного камня. Среди тесных улочек и домов старого города величественно выступает его жемчужина — Сионский собор, пронизывая всё окрест высоким духом православия.

Изумительная панорама открывается с балкона дома Махатели.

Малхаз весь день носился по городу, утрясал и регулировал множество дел. Вернулся под вечер, поставил во дворе свой джип и взглянул на часы: дел по горло, скоро надо будет ехать снова.

— Малхаз! Сегодня Благовещение, помнишь или нет? Нужна рыба! — добавила жена ещё одну заботу.

— Рыба? Что же, ждали меня? Ну хоть бы утром сказала, — слегка недовольным тоном попенял он.

— Утром я сама ходила в магазин, думала, обойдусь своими силами, да не тут-то было... Захвати к рыбе и свежего лаваша!

Малхаз подхватил сумку и, резко повернувшись, собрался идти, но жена остановила его:

— Погоди, Малхаз, ты знаешь, кто работает в этой лавочке на углу?

— Да откуда? Ни разу даже не заходил туда!

— Ну так знай! Один из наших, багинетских. Бывший управитель района — гамгели. Арендует помещение у владельца углового кирпичного дома.

— Бывший управитель Багинети? Вот это да! — заинтересовался Малхаз.

Ну и встреча его ожидает!

— Да, бывший управитель! Мы познакомились. Его фамилия Леладзе. Толстенный такой! Фамилию твою вспомнил, а самого тебя нет. И хотел бы с тобой познакомиться.

— Мне и самому интересно.

— Ну так ступай...

Продавец небольшой продуктовой лавочки, седовласый, чуть согбенный в плечах, стоял, опершись о перила балкона, и грел спину под лучами набравшего силу весеннего солнца.

Увидев остановившуюся неподалёку шикарную чёрную, как вороново крыло, иномарку и вышедшего из неё незнакомого мужчину, отошёл от перил и встал за прилавок. С удивлением отметил, что тот идёт по направлению к его заведению.

— Говорят, у вас есть в продаже хорошая рыба, — с порога бросил Малхаз, оглядывая не столько лавочку, сколько, можно было бы сказать, закуток. До того тесный, что и мыши негде махнуть хвостом.

— Да, есть. Только что завезли, — гулькающим, как у голубя, голосом отозвались из-за прилавка.

Господи! Да! Это бывший управитель Багинети — Зураб Леладзе. Как он обветшал, изменился! Но узнать всё же можно. Малхаз и признал. Правда, был подготовлен дома. Подумать только! Управитель, который вышвырнул его с родного завода, к тому же ещё чуть не пришил дело. И это он? Вроде бы, да! Не вроде, а он! Настоящий...

Как сморщилось его лицо, ввалились глаза. Много, должно быть, пришлось пережить при освобождении, да и после.

Сложив свёрток с рыбой и два лаваша в просторную сумку, уходит Малхаз медлил. Ему донельзя захотелось переговорить, объясниться с этим типом.

Надо же, где довелось встретиться... Да-а, не так уж велик мир, чтоб чей-то обидчик не пожал то, что посеял.

— По выговору вы вроде имеретин, — вкрадчиво осведомился Малхаз у стоявшего за прилавком. — Это так?

— Так! Вы не ошиблись... Имеретин!

— Ну вот! Я и сам имеретин. Из Багинетского района.

— Из Багинети? — расплывается продавец в улыбке. — Ну и я тоже. Полтора года я вкалывал там управителем района, до тех пор, пока не свалили власть. Сами вы где в это время работали? Меня совсем не помните?

— Как не помнить? Частенько вспоминаю, но, увы, не добрым словом!

— Не добрым?! — сиявшее дотоле лицо продавца внезапно изменилось и как-то погасло. По нему пробежало и застыло беспокойство.

— А вам не помнится, — решил идти напролом и не очень-то щадить такого собеседника Малхаз, — завпроизводством Орбетского винзавода Малхаз Махатели?

Продавец напряг память, казалось, что-то припомнил в связи с названным предприятием и неуверенно отозвался:

— Вроде бы помнится...

Не в натуре Малхаза уязвлять людей напоминанием об их давних неприглядных делах, но сейчас он в первый раз пошёл против своих жизненных правил:

— Вы, наверное, помните, что требовали у меня тридцать тысяч тогдашних, советских, рублей. И обещали оставить меня в прежней должности — завпроизводством Орбетского винзавода. Но возбуждённое против меня уголовное дело как открыли, так тут же и закрыли.

Бывший управитель смешался, заволновался, резко изменился в лице:

— Что-о?! Я требовал с вас денег? Да вы что?

— Да, вы! Вы-то и требовали. И я скажу, в какой форме. В прямой! Вот что вы тогда говорили, слово в слово: “Говорят, что вы дали мне тридцать тысяч рублей, чтобы не попасть в переделку и продолжать работать на своей должности”.

Ледяная стена между собеседниками становилась всё крепче.

— Да, вот так, вкрадчиво, но в общем-то прямо. А я пришёл к вам с открытой душой и искренне всё вам рассказал... И вы знали, что за два года работы на винзаводе я ничем не разжился и мне нечего было дать вам.

Леладзе будто охватило сковывающим туманом. Туман густел и плотно застилал взор. Как он мог себе представить, что когда-нибудь услышит что-то подобное, да ещё от человека, которого помнить не помнил, но с которым судьба свела его на одной улице, где все уже знают нового, всего год как поселившегося здесь жильца. Даже сам искал знакомства с ним, полагал, что когда-нибудь такая личность может и пригодиться.

Бывший управитель Багинетского района угодил в тупик.

Продолжать начавшийся разговор Малхаз нужным уже не счёл. Ему даже стало жаль всё больше бледнеющего и поникающего человека, которому так некстати напомнили эпизод из короткой карьеры.

— Не знаю... что-то вспоминается, но... не знаю... — заплетающимся языком бормотал он.

Малхаз, не унося ещё сумку с покупками, покинул ошеломлённого продавца, вернулся к машине, отыскал какую-то книгу и вернулся с ней в лавку. На продавце буквально не было лица. Чего только он, видимо, не передумал за пару минут. Малхаз протянул ему книгу:

— Многое вам, наверно, всё же не помнится. А в этой книге подробный рассказ обо всём.

Леладзе покосился на обложку:

— “Охота на “белую ворону”? А что, белые вороны в природе бывают? Не слышал. Слышу впервые.

— Бывают! — постучал Малхаз указательным пальцем себя по груди. — Например, я! К сожалению, в мире много и охотников на них.

— Как интересно! — вскинул брови продавец. — И кто же эти охотники?

— Единственный из них, оставшийся в живых, это — вы...

— Я-а?! — изумился продавец и, не дождавшись ответной реакции, полюбопытствовал: — А кто остальные?

— Вас интересуют и остальные? Депутат парламента Вахтанг Чиковани, инспектор ОБХС Бека Гвелесиани и его подручный Дзуку Соселиа.

Леладзе вспомнил-таки давние события на Орбетском винзаводе, заказчика коварного плана и его исполнителей.

— Вы что же, и книги пишете? — бросил он вслед выходящему из лавки Малхазу.

Тот оглянулся и с улыбкой ответил:

— Нет! Рассказал о ваших “доблестных” деяниях одному своему другу, писателю. Тот написал роман и запечатлел вас всех на страницах грузинской художественной литературы как персонажей, характеризующих свою эпоху.

Более не оглядываясь, он быстро вышел, сел за руль, сделал полукруг и пустился вверх по недлинному, но крутому подъёму.

Обескураженный Зураб Леладзе стоял в дверях с книгой в руках и провожал взглядом удаляющуюся машину.

Кто это являлся ему в день великого праздника Благовещения?

Это явь или сон?

Ну, конечно же, явь.

г. Караганда.

Владимир ГУНДАРЕВ

“Моя вечерняя заря...”

Еврейский
шолом Казахстану

*Моему учителю, патриарху
журналистики М. М. Гольдбергу*

Великая степь с величавостью гор..
Подобен простор дастархану.
Во многоголосый вплетается хор
Еврейский шолом Казахстану.

Мы в доме одном по-соседски живём,
Всё доброе вместе итожа.
Казахский салема и еврейский шолом —
По сути одно ведь и то же.

Великая степь с величавостью гор..
Подобен простор океану.
Во многоголосый вплетается хор
Еврейский шолом Казахстану.

Коль вынуть из ткани хоть нитку одну —
То парус повиснет на реях.
Так разноязыкую нашу страну
Представить нельзя без евреев.

Великая степь с величавостью гор..
Я славить её не устану.
Во многоголосый вплетается хор
Еврейский шолом Казахстану.

Шли степью казахской, встречая весну
И зёрна грядущего сея,
Средь наций, осваивающих целину,
Давиды и Моисеи.

И стала им степь с величавостью гор
Землёю обетованной.
Во многоголосый вплетается хор
Еврейский шолом Казахстану.

В культуре, науке и сфере любой
Еврейских творцов галерея.
В едином аккорде слито с домброй
Звучание скрипки еврея.

Нас всех окрыляет лазури простор,
Где воздух пшеничный и пряный.
Во многоголосый влетается хор
Еврейский шолом Казахстану.

Хотя я по крови совсем не еврей —
Но тоже был жизнью лелеем.
Зато под влияньем еврейских друзей,
Евреев-наставников, учителей
В душе стал немножко евреем.

Великая степь с величавостью гор..
Подобна она дастархану.
Во многоголосый влетается хор
Еврейский шолом Казахстану.

20-25 марта 2009 г.

Детский сад

Пожалуйста, запомните:
У нас в лесопитомнике
Есть дивный детский сад.
Здесь маленькие ёлочки,
Одетые с иголочки,
Застенчиво стоят.

Наивные красоточки —
Берёзки в нежных кофточках —
Щебечут меж собой.
И в шёпоте таинственном
Рябинки тонколистые
Сошлись в кружок гурьбой.

И крохотные сосенки
Поодаль чуть, у просеки,
От ветерка дрожат.
Их веточки колючие —
Игрой природы, случая ль —
Похожи на ежат.

Кленята рядом с липками —
Пока такими хлипкими, —
И прутики-дубки.
А далее, а далее
Растут пирамидальные —
Как свечки — топольки.

Покуда низкорослые, —
Акселераты к осени
Обгонят ростом всех.
Все саженцы и сеянцы
От счастья так и светятся,
Вытягиваясь вверх.

Над ними зорьки алые,
Порхают птахи малые,
Качаясь на ветру.
Смотрю я с умилением
На это поколение —
Лесную детвору.

Любуюсь я зелёными
Малюсенькими кронами,
Как чуден их наряд,
Как опекаем верными
Могучими деревьями
Забавный детский сад.

Ведь здесь растёт цветущее,
Прекрасное грядущее
Добра и красоты.
А без всего без этого,
Теплом любви согретого,
Нам не достичь мечты.

11-12 апреля 2009 г.

Уверяя всех, что, состарясь,
Не смотрю уже на девиц,
Я, признаться, лукавил, каюсь, —
Как не видеть прекрасных лиц!

Нет, не пляясь, а так, немножко
Покосившись на них, вздохнуть.
Я поглядываю на ножки,
Я поглядываю на грудь.

Дерзкой молодости цветенье...
Отвести невозможно глаз, —
Если прелести без стеснения
Выставляются напоказ.

Тут взбодрится и нелюдимый,
Самый дряхлый из стариков,
Если груди торчат как дыни,
Обнажённые до сосков.

Обалдеет любой прохожий,
Аскетичности вопреки.
С третьим глазом, прищурясь, схожи
Соблазнительные пупки.

Но! Словхватишься вдруг, глаза:
Нам такое не по годам.
Всё равно что взирать в музеях
На портреты роскошных дам.

Не прижаться к ним, не потрогать.
 Не согреться чужим теплом.
 Не укусишь — хоть близок локоть.
 Утешения — лишь в былом.

Женский щебет — как птичьи трели...
 Солнца отблески на воде...
 Старость с юностью — параллели,
 Не сходящиеся нигде.

Не томим я желаньем пошлым.
 Зря не трачу гемоглобин.
 Потому-то живу я прошлым —
 Там я молод был и любим.

3-5 апреля 2009 г.

Шутка

Не стремитесь, женщины, в поэзию.
 Образумьтесь, милые, окститесь.
 Босиком зачем ходить по лезвию
 Острой бритвы? К Богу обратитесь.

Надобно ль в судьбе чужое горе вам?
 Не насытит терпкий куст терновый.
 Нам вполне достаточно Григорьевой,
 Да ещё Шашковой и Черновой.

Кроме них ещё с десятков същется, —
 С этим мы, признаться, примирились.
 Но ведь вас не сотни уж, а тысячи.
 Проявите ж состраданья милость!

Что же вам, голубушки, неймётся-то?
 Рвётесь вы настырно и упрямо.
 Усмирите пылакие эмоции:
 Не Парнас поэзия, а яма.

Бросьте вы затею бесполезную,
 Чтоб она не стала вам обузой, —
 Не стремитесь, женщины, в поэзию,
 Лучше оставайтесь нашей музой.

Голос ваш — лишь эхо многократное.
 Если откровенно разобраться,
 То стихи — безжалостная каторга,
 Творчество — пожизненное рабство.

Вам же только жить под абажурами.
 И плести затейливо словами,
 Заменяя лирику ажурными
 Дамскими своими кружевами.

Небо с освежающими ливнями
И ненастье вам совсем некстати.
Если вы хотите быть счастливыми, —
Не пишите сами, а читайте.

Мужики! Тенденция опасная —
По такой существенной причине:
Женская глобальная экспансия
Угрожает в творчестве мужчине.

12-13 апреля 2009 г.

Речка Чёка

Речка Чёка, речка Чёка —
Ивняка над нею чёлка,
То порывисто течёт,
То, задумавшись о чём-то,
Заводью к себе влечёт.
Словно истинных друзей,
Прячет в омуте язей,
Выплеснув для рыбаей
Простодушных пескарей.

Речка Чёка, речка Чёка,
По-сибирски чокая,
Как чечётка, чёткая,
Но, минуя крутояры,
В половодье силой ярой
Подмывает берега,
Прорывается в луга.

Речка Чёка, речка Чёка —
Хлопотливая, как пчёлка,
Без какого-то расчёта
По наитию бежит
Мимо поля рыжей ржи,
Мимо зарослей боярки,
Мимо стада, где доярки.
А над берегом стрижи
Совершают виражи.

Речка Чёка, речка Чёка —
Шаловливая девчонка,
От черёмух белощёка,
Улизнув из тьмы болот,
Долго по лесам плутала,
Вдосталь по лугам петляла,
Понатешилась, — и вот,
Раздвигая красноталье,

Достигает речки Тары,
С ней сливается она,
Всю себя отдав сполна,
На земле оставив след...
Дальше речки Чёки нет.

20-21 апреля 2009 г.

Озорная Тарабарщина

Тары-бары, тары-бары, —
В мире многое от Тары.
Самый первый планетарий
Был открыт на речке Таре,
А ещё рейтары встарь
Добывали здесь янтарь.
Тары-бары, тарарам!
Тарантелла по утрам.

Речка Тара торовата,
Но немножко старовата.
Я плыву по речке Таре
И играю на гитаре,
А могу и на дутаре.
Сел Тарас на тарантас
И отправился в Тараз,
Где тарантулы как раз.
В Таре водится тарань,
А вокруг — куда ни глянь —
Тараканы как тараны
Устремились в рестораны.
Тартарен из Тараскона,

Тарапунька, Тараков —
С наших Тарских берегов.
Между прочим, и Ротару
Родиной считает Тару.
И сибирские татары
Тоже старожилы Тары,
Да и Тара-Тарочка
Норовом татарочка.
Совершенно достоверно —
Жили здесь и старOVERы.
Рядом с Тарой тарица
Тоже течь старается.
Нам пора затариться,
Чтобы не состариться,
И рвануть на таратайке,
Где девчат весёлых стайки,
Или даже на бутаре
Вдоль по Таре, вдоль по Таре,
Позабывши о катаре,
Со старпёрами б гутаря,
Как сороки тараторя,
Тарахтели на просторе.

Возле Тары вся земля
Тарабарщина моя!

20-21 апреля 2009 г.

Слава

Что слава? — Обуза.
А в будущем — прах.
Как тяжесть арбуза
В простёртых руках.

Нести — несподручно,
Избавиться — жаль.
А кручи — всё круче.
В итоге — печаль.

Не надо мне славы
И с ней похвальбы.
Лишь длились бы главы
Мне данной судьбы.

Что слава? — Отрава.
 Приять этот яд
 Безумцев оравы
 Бессонно стоят.

2-4 апреля 2009 г.

Любил я молодость, стараясь
 Вобрать весь пыл её тепла.
 Теперь любить осталось старость,
 Чтоб тоже сжечь её дотла.

12 апреля 2009 г.

И снова наша армия —
 Рабочих и крестьян:
 В ней нет сынков сановников,
 Буржуев и дворян,
 Поистине народная, —
 Худые, как штыки,
 В ней отдают долг Родине
 За знатных бедняки.

15 апреля 2009 г.

Сон

Кошмарный вижу сон.
 Примстится же такое:
 Порочный круг персон
 Нездешнего покроя.
 Сверкают витражи —
 Возвышеннее лиры.
 И тут же — типажи,
 Достойные сатиры.
 И каждый — господин,
 За пазухой у Бога.
 Где Салтыков-Щедрин,
 Где прозорливый Гоголь?
 Вовсю пирует зло —
 То пошлости мурло,
 То алчности оскал.
 Куда ни кинешь взгляд:
 Чинуша и фискал,
 Подлец и казнокрад.
 Посредственность сама —
 Невежественный некто:
 Ни проблеска ума,
 Ни капли интеллекта.
 Что вижу пред собой,
 Не верю сам себе:
 По гонору — плейбой,
 Душонкою — плебей,
 Заносчивые типы!

Но у таких зато
 Коряжистые джипы,
 Мордастые авто.
 А в них — тупые лица,
 Все плоские, как пицца.
 В сравненьи с ними бомж —
 По их вине им ставший, —
 На ангела похож
 (Но крылья обломавший).

Я тут проснулся вдруг,
 Чтоб с явью снова слиться,
 И радуюсь — вокруг
 Лишь благостные лица...

14-15 апреля 2009 г.

Кризис

Обман. И ложь. И суесловие.
 Лицом себя мнит жирный зад.
 Нас разделили на сословия,
 Как сотню лет тому назад.

Рать хитроумная, лобастая
 Всё просчитала наперёд,
 Себе богатства заграбастала,
 Ни с чем оставила народ.

И потешаются хозяева
 Газет, заводов и земли
 Над простаками и раззявами,
 Что их вокруг пальца обвели.

А толстосумы — сливки общества,
 Его опора и оплот.
 Порою в прошлое мне хочется —
 В нём было всё наоборот.

Богач и нищий разве сблизятся?
 Поймёт голодного гурман?
 Безнравственность — основа кризиса,
 Где нищий духом — там обман.

А лстивая интеллигенция
 Властям заглядывает в рот,
 Как будто этим индугенции
 На безгреховность обретёт.

Пора признать, хотя бы скромненько,
 Пред белым светом и Творцом,
 Что рыночная экономика —
 С нечеловеческим лицом.

14-16 апреля 2009 г.

Моя деревня умирает...

1.

Какой красавицей деревня
Румянощёкая была!
За ней настойчиво издревле
Ухаживали три села.

Берёз цветастый полушалок
Едва её касался плеч.
К ней ветерок ласкался шалый,
Старалось солнышко завлечь.

Была ядрёной и здоровой,
С избытком сил, как маков цвет.
Из глаз — небесно-васильковый —
Струился животворный свет.

Когда сгущался вечер тихий
Под нежный клёкот журавлей,
Медовый аромат гречихи
В деревню проникал с полей.

Она стояла, подбоченясь,
На косогоре у реки.
И Тары бурое течение
Её гасило огоньки.

Цвели пунцовые закаты
И обнимали тишину.
... Воспел деревню я когда-то
На всю огромную страну.

Всегда в заботах. И лениться
Она и в мыслях не могла —
Необходимую частицей
России-матушки была.

2.

Теперь моя деревня в коме.
Чертополох вокруг да мох.
И ничего нет больше, кроме
Оставшихся семи домов.

Как этому не поразиться?
Здесь вырос я. Жила родня.
И окон выбитых глазницы
Глядят с укором на меня.

Кругом разруха. Мрачно. Глухо.
Шныряет ветер-обормот.
И вместо улицы — старуха,
Раскрывшая беззубый рот.

Нет безотраднее картины.
Пни от деревьев и столбов.
Разрушенных дворов руины —
Как дупла выпавших зубов.

Да и о чём теперь докука,
Повсюду если гниль да прах.
И целлулоидная кукла
Валяется на черепках.

Не видя для чего стараться,
Ушёл трудяга-человек.
Лишь восемь позабытых старцев
Здесь свой дожёвывают век.

Колючий снег январской стыни
Тоскливо в воздухе кружит.
И словно старая холстина
Дорога ветхая лежит.

Мертвынь от края и до края.
Безмольвье нагоняет жуть.
Моя деревня умирает.
Душа в ней теплится чуть-чуть.

3.

Какие дьявольские силы
Её сгубили неспроста?
Ведь без деревни — нет России,
Русь без деревни — сирота.

Не враг в страну пришёл незванный —
В своём безумном торжестве
Её порушили Иваны,
Не помнящие о родстве

И прославляющие Запад,
Ведь из-за них (им несть числа)
Исчез в деревне хлебный запах
И пашня лесом заросла.

Над пажитью, над нивой ржавой
Глумится ветер штормовой.
Стал рынок недругом державы,
Её системы корневой.

Одна Сибирь с её размахом
Полмира бы кормить могла.
Но либералам-вертопрахам
Нет вовсе дела до села.

А люд пусть пляшет под гармошку, —
Ведь это ж просто благодать:
Жевать голландскую картошку
И ножки Бушевы глотать.

Поля давно не колосились, —
Их погубила власть своя.
“Россия! Нищая Россия!” —
Печально повторяю я.

Здесь кушам быть земного рая
В низинах этих, на юру.
Моя ж деревня умирает...
И слёзы стынут на ветру.

К её останкам припадая,
Молю её в конце пути:
Прости меня, моя родная,
Я не могу тебя спасти.

16-19 апреля 2009 г.

Бог есть...
Но его никогда не увижу.
Ты есть...
И тебя я уже не увижу.
Хотя ты и живёшь на земле.
Мне отсюда до Лондона ближе,
До Булонского леса Парижа.
А к тебе все дороги во мгле.

Я смирился с безжалостной долей,
Пересилил сердечные боли,
Принимаю всё в мире как есть.
Одного лишь я трепетно жаждал:
От тебя чтоб сквозь дали однажды
Донеслась бы отрадная весть.

Я добрался до Токио даже,
До сеульского многоэтажья,
Тихий видывал океан.
За Атлантикой грусть развеял,
По Нью-Йорку бродил Бродвеем,
Лишь к тебе — защитный экран.

Нет прочнее стены незримой,
Что покруче любого экстрима,
Потому нет пути в Москву, —
Что достигла любовь предела,
Ты ко мне совсем охладела.
Для чего ж я тогда живу?

5-11 апреля 2009 г.

Вечерняя заря

Моя вечерняя заря..
Пред наступленьем вечной ночи,
Карминным пламенем горя,
Что мне, печальная, пророчишь?

Не то ль, о чём я знаю сам?
На зов заоблачного края
Душа стремится к небесам,
Земную скорбь в себя вбирая.

Тускнеют контуры полей,
Чтоб вскоре с сумерками слиться, —
Так тают в памяти моей
Слова, события, встречи, лица.

Жалею: в том, что позади,
Мне ничего уж не поправить.
И оттого щемит в груди,
Кровоточит и плачет память.

Вся жизнь прошла в добре и зле,
Стремился к лучшему, и всё же
Я был — и не был на земле,
В минувшем нечего итожить.

Не изменить, не зачеркнуть.
В душе смятение и смута.
Любовь мой озаряла путь,
Но сам я нёс ли свет кому-то?

Вместилось всё бывшее в день,
В один лишь день судьба вместилась.
И незаметно светотень
В густую сутемь превратилась.

Но даже если жил я зря,
И не по заповедям Бога, —
Моя вечерняя заря,
Не угасай ещё немного.

5-10 апреля 2009 г.

Назия ТУЯКОВА

Наблюдения

Автобус

Я часто думаю, почему наше поколение такое другое, такое несурзное и дикое, несмотря на внешние светские манеры и приличия. Из всех миллионов молодых, живущих на земле, лишь единицы способны будут в критической ситуации перенести выпавшие тяготы ради спасения и торжества правды. Ведь каждый из нас эгоистичен, думает только о своём животе, том узком мирке нужных и в то же время бесполезных вещей. И слово “родина” для нас — это слово-призрак, пустой звук, ради родины никто из моих современников не кинется с гранатой под танк, если только сзади не будет стоять колонна своих же... А может, я ошибаюсь? Дай бог, если это так.

Я часто думаю о том, что природа человека — сплошная загадка. И мне нравится её разгадывать...

Люблю ездить в автобусе, особенно когда могу незаметно для всех наблюдать за людьми. Могу видеть самую сущность человеческую, только потому, что именно в автобусе, этом скопище на минуты вынужденных “тормознуть” людей, — глаза не думают про день, который начинается или почти иссяк. А думают глаза — и это в них отчётливо читается — о жизни своей промелькнувшей, о счастье своём далёком, о смысле своего существования, вероятно, так и не найденном в водовороте жизненных страстей...

Это бывало много раз и ещё наверняка будет не раз и не два. Я сижу, а не стою, а рядом люди в проходах, у поручней, женщины и девушки, мужчины и юнцы. И вдруг я нахожу её, чаще именно её — и всё — украдкой смотрю теперь неотрывно в глаза моего “подопытного”. Жалко так говорить, ведь человек — не кролик, но в такой момент всё так и можно только назвать. Глаза голубые, чаще именно голубые глаза самые чистые и прозрачные, в них легче всего читать ход мыслей человека. И вот, смотрю я в эти глаза и в них удивительнейшим образом отражается самая разная правда о жизни, ничем не прикрытая и простая, уставшая правда о не прожитом и не познанном...

Женщина красивая, в её дивных, правдивых глазах я читаю как по книге. “Вот и вся жизнь промелькнула, — **думает она**, — а будто и не жила вовсе. Дома ждёт муж голодный и злой, дети, которые так ничего и не поняли в этой жизни, и ждёт дверь, которая привыкла открываться под моим ключом. Я как эта дверь, привыкла жить под определённым грузом правил и установок, а ведь когда-то мечтала о путешествиях, о горах, выше и прекраснее которых могут быть только сами горы, о лодках, проплывающих год за годом, век за веком, по грозной и маняще прекрасной предзакатной Миссисипи. Но как-то вдруг я встретила Его,

**Назия
Жанботаевна
ТУЯКОВА**

— корреспондент русской редакции АО “Агентство “Хабар”. Родилась в г. Петропавловске 10 июля 1984 года. Окончила Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, журналист, работать на телевидении начала шесть лет назад в Петропавловске. С 2007 года живёт в Астане.

Публикуется впервые.

и мы поженились, и родились дети, и в первое время счастливее нас не найти было на свете. Но потом быт поглотил трепетность наших отношений, и я поняла, что Миссисипи так никогда и не увижу, и горы мне дарованы только во снах, и путешествия будут стоить мне тысячи долларов, которых никогда не было и не будет..

Пробегают за грязным, замызганным окном этого старого и одинокого, как и я, автобуса, — **продолжает думать она**, — дома. Огни светофоров и далёкие, чужие миру облака. Они так же как и я страдают от тоски и ощущения тщетности прожитых, прожжённых серой пеленой уныния, дней и ночей. Люди спешат куда-то, нагружившись сумками и пакетами, неважно чем, всё одно — мишура толстенная и толстокожая. Люди торопятся жить и совсем однако не живут. Просто бегут и просто умирают. И не видят ни мира, ни гор, ни рек. Только дом и работу, свет и тьму, ложь и редкую правду в своих мыслях и детях, сначала любовь, а потом якобы любовь...”.

Вдруг ход её мыслей, так ясно отражавшихся в глазах редких и не спасённых ни разу от блёклости бытия, — сужается до остроты и методичности. Её остановка. Её выход. Всё. Короткий миг единения со своей душой истёк, и надо ступать на землю, дорога по которой ей так знакома и так не нужна...

Руки хватаются за поручень, цепляются за спины других попутчиков, ноги в две секунды перебирают три ступеньки и, очутившись на промёрзлой, заснеженной земле, поворачивают к дороге, которую в тысячный раз нужно перейти... А зачем?.. Для чего?..

“Переправа, переправа, берег левый, берег правый...”.

Жизнь — яркая штука, как ни крути. Эта фраза звучит в одной из реклам Сока. Очень сильное выражение. И верное. Ведь то, какой жизнь может стать и быть, зависит от самого человека. Какой-то процент от государства, какой-то — от окружающих людей, но основной процент — от человека лично. Я знаю многих людей, которые круто решили повернуть свою жизнь. Кто-то — вспять, назад. И так бывает, — когда умираешь.

Самоубийцы — у меня было немного таких знакомых, но история каждого по-своему поучительна. Один преподаватель из университета — Александр Сергеевич — светлая душа, трагический комик, вдохновенный поэт. Закончил тем, что бросился под поезд. Как Анна Каренина, только наверняка не из-за проблем в любви. Ему было за шестьдесят. Проблемы, я думаю, назрели больше духовные, нравственные. Разочарование, страх, обиды или неумение жить дальше, без поддержки мира и родных. Что-то его остановило. Что? Вот можно подумать, какое мне дело до его смерти? Но я часто о нём думаю, вспоминаю его. Он был очень смешной, над ним весело смеялись за спиной, а иногда и в лицо, сами студенты, его ученики. Он преподавал журналистику, литературу, точно не помню что. И рассказывал всегда одно и то же. У нас даже тетрадный лист в конспектах не переворачивался, потому что лекция была на знакомую тему. Но мне он нравился. Своей особой теплотой, душевностью, поэтичностью. Он показывал мне на доске, как он рисует в профиль Пушкина, а я рисовала своих безголовых голых женщин. Это была схожесть мыслей и лёгкость общения. Потом, когда я уже выпустилась и работала на телевидении, на какой-то из съёмов я встретилась с ним. Мы разговорились. Дело было на кофе-брейке. Все закусывали и выпивали. И меня резанул один момент — он что-то говорил мне и между словами ловко запрокинул в рот рюмку водки. По одному этому движению я поняла,

что управляться с рюмкой он умеет. И мне стало вдруг так больно и защемило сердце. И я пожалела его. И попрощалась, уже как-то неловко и даже с чувством стыда. За что? Понятно, за что...

Почему-то люди не хотят сострадать. Для меня это удивительно. Вчера был один интересный случай. Еду в маршрутке — сидя — что бывает достаточно редко, учитывая час пик на дорогах и оттого толпу на остановках. Зашла женщина — не старая, не пожилая, лет тридцати с чем-то, а может, и моложе, поэтому места ей я не уступила. Так вот, она зашла, и ей стало неудобно доставать деньги из кошелька. Лично я всегда стараюсь заранее приготовить расчёт за проезд, потому что знаю, как это тяжело — успевать держаться, чтобы не упасть, и параллельно искать монеты в недрах сумки или кошелька. У неё это не получалось, на резких поворотах её “штормило” не подетски. И она, не долго думая, попросила подержать её пакет. Я согласилась, хотя пакет уже был всунут мне в руки. Через минут пять она рассчиталась, одна рука у неё совершенно стала свободна, но она не стала забирать с моих колен свой пакет и с невозмутимым видом продолжала глядеть в окно. Я удивилась, как и полагается человеку, непривыкшему кого-то особо беспокоить, и смирилась. Вышла она раньше меня и еле слышно сказала спасибо. Я улыбнулась. Вот такие бывают случаи в маршрутках.

Сострадание... Есть ли оно вообще? Часто мне на пути встречаются нищие люди. Старухи в оборванном, мужчины без ног. И я практически им не подаю. Не потому, что бессердечная. А просто не готова к этому. К встрече с ними и их рукой или кошёлкой. И мне как-то стыдно, неловко это делать. Я стесняюсь им помочь, потому что это обратит внимание людей. Возможно, нехорошее внимание. И тогда мне становится стыдно уже за себя. И начинается многоминутная или многосекундная внутренняя работа над собой, над своей ошибкой. Раньше я часто встречала это выражение — “внутренняя работа”. У Толстого в Анне Карениной, кажется. У Кити часто шла в душе эта тяжёлая и долгая “внутренняя работа”. У меня она тоже частенько происходит — я мыслю по-дедовски, по-советски, по-старому.

Я боюсь довериться людям. Боюсь быть откровенной и открытой. А так хочется говорить без задних мыслей и без страха, что меня не поймут. Моя душа ещё детская, наивная, послушная. И я не умею быть по-взрослому сдержанной, предпочитаю быть скромной и не наглой, впрочем, и не знаю толком, что это значит — быть наглой. А таких людей много.

Есть у меня на работе один человек такой. Даже не наглый, а невоспитанный, и всё. Меня воротит от него. Хочется сбежать от его слов и взглядов. Про таких людей говорят: улыбается, а глаза плохие. Злые, нехорошие. Когда сталкиваюсь с подобной бесцеремонностью или бестактностью, — я тушуюсь. Смиряюсь. Смолкаю. Ибо не мне его переделывать. Если человек не понимает своих ошибок — говорить ему бесполезно. Только против себя настроишь.

... Шёл снег. Лёгкий, завьюженный, падавший на землю тихой спиралью... Он окутывал поля и реки, укрывал собою города, которые, казалось, засыпали вместе с лесами и всем живым до следующей весны. Люди впадали в спячку, они уже не торопились жить, как прошедшим сгоревшим летом. Не спешили в отпуски, на юг, к морям. Они терпеливо ждали, когда же наконец пройдут жестокие холода и земля вновь покроется зелёной травой...

Ждала и Она. Тихая и скромная, очень смешная. Всегда в розовом пальто, голубых заколочках в жёлтых волосах и красивых белых сапожках. Никто не

знал, что у Неё в доме, как она вообще живёт, чем питается и с кем у неё роман. Потому что никакого романа никогда и не было. И это ей стало надоедать. И однажды она решила, что ждать зелёной травы ей уже поздно, и любить нужно именно сейчас, пока ещё есть чем любить и за что...

Он шёл по коридору совсем рядом с Ней. Высокий, сильный и ранимый. Она это сразу почувствовала. У него был смешной рыжий чуб и почему-то этот чуб Её сильно рассмешил. Он обиделся. “Почему вы смеётесь? Неужели я так смешон?”. — “Нет, просто вы мне понравились... Не хотите со мной прогуляться до поворота?..”.

... Утро. Тихое и мирное. Очень спокойное, и словно укрытое пеленой снега. На Её кровати спал он. Такой родной и милый, такой до боли нужный и очень близкий. Она смотрела на него и молчала. Боялась даже вздохнуть чуть слышно, чтобы ненароком не разбудить. И думала. Думала. Думала. В голове было шумно от мыслей, которые слетались на Её боль, как осы на мёд. Она рубила их мечами и сжигала на костре, но они оживали и роем мельтешили перед Её любовью. А Она не могла ничем её защитить...

Последний их вечер вдвоём. Он держал её руки и грел еле слышным горячим дыханием, Она целовала его волосы и этот смешной чуб. Они молчали, ибо не знали, как выразить словами то, что было между ними. И слова им были совсем не нужны. Она застенчиво посмотрела ему снизу вверх в глаза и увидела в них Нежность и Любовь, поняла, что должна уходить. Пока не поздно...

... Больничная палата. Все спали. За окном шуршала тихая позёмка. Где-то вдалеке гудела вьюга. Розовое пальто висело в шкафу, голубые заколочки лежали рядом в шкатулке, а белые сапожки — под койкой. Она не спала. Её жёлтые волосы разметались по подушке. Прозрачные руки покорно лежали на груди. Сколько ещё Ей отведено жить под капельницей? Скоро не останется и этих жёлтых волос на подушке. И Её руки станут ещё покорнее и ещё прозрачней. Греют только воспоминания. О снеге, об уснувших городах, о повороте, за которым они впервые поцеловались. Больше ничего. Она ушла из его жизни так же легко, как и появилась. Просто сказала четыре слова, — которых ему оказалось достаточно, чтобы бросить Её руки и оставить Её губы. Чтобы уйти, не поднимая глаз, и убежать, не веря, что будет крик за спиной...

... Последнее путешествие. Без него. В неведомый мир. Она верила, что там будет так же легко и снежно, как и здесь. Она верила, что и там есть уснувшие города и застывшие окна сердец. Так Ей было легче жить. Когда вера только одна. В себя...

“Я не люблю тебя...”

... Она вышла замуж по любви. Любовь была чистой, яркой и сочной. Любовь была летней. Первые месяцы супружеской жизни их любовь ничем не омрачалась. Он работал и жил ради неё, она все мысли дарила ему. Утром они расставались с лёгкой грустью на лице, с лёгким огорчением в сердце, но вечером небольшая разлука благодарила их солнечными взглядами, тёплыми словами, нежными ласками и страстными поцелуями. Потом в их жизни появился малыш. Он стал настоящим чудом для двух влюблённых людей, той огромной радостью, которую ничем не заменишь и которую никогда не предашь.

Сын рос, чувства супругов же стали истаявать, как облака в небе. Она старалась быть хорошей домохозяйкой, и это ей удавалось с блеском. Он приходил вечером домой, уже более уставший, чем раньше, более недовольный и несдержанный. У него были свои проблемы. На работе не ладилось с начальством. Он чувствовал себя способным на большее, но ему не доверяли этого самого большего.

А время шло, опыт накапливался тяжёлым грузом, энергия его творческой натуры искала выход в труде, благодатном и изнурительном, но выхода не было. И эта энергия превращалась в грудку мусора, который постепенно сжигал его душу, обугливая все его мысли, словно чёрная зола. Приходилось срываться на родных. На жене и на сыне. На самом себе.

Каждый день становился всё более тяжёлым. Физически он устал, морально — обозлился. Эта злость питала его дурной силой, он сдерживал себя как мог, чтобы не послать всё к чёртовой матери. Но жена и подрастающий сын, который почему-то перестал радовать его своими смешными ребяческими выходками, — не давали ему расслабиться. Дома ждали его зарплаты, жена уже давно не работала, из-за рождения сына она ушла из университета, и так и не закончила его. Поначалу это устраивало их обоих, но спустя годы положение изменилось. Она хотела устроиться на работу, любую, лишь бы нести что-нибудь в дом, но после пары попыток эта затея не удалась. Да и он не мог позволить себе такой низости.

В конце концов он замкнулся. Жена чувствовала, что с ним что-то происходит, но он отнекивался пустыми улыбками и ненужными сухими словами. Ночью их уже редко что соединяло, утром они расставались с непонятным чувством из еле слышной горечи и оглушающим облегчением. Домой ему возвращаться не хотелось. Ему казалось, что там знают, как он плох, как он неизбежно неудачен, и даже сын будто стеснялся встречаться с ним взглядом. Он и не догадывался, что ребёнок тоже чувствовал себя виноватым, — и как и отец, в случившемся винил только себя. Жена больше не просила у него денег, всё чаще она стала пропадать у своих родителей, — и это тоже причиняло ему боль. Он понимал, что круг замыкается, что искать выхода ему становится совсем не по силам, но как выбраться из ситуации, не знал...

И тут в его жизни возникла она. Другая женщина. Она была роскошна, она была сладка. И безумно падка. Теперь на работу он спешил так же, как и пару лет назад домой. Он сознавал, что поступает опрометчиво, дурно и жестоко по отношению к своей жене, но поделаться с собой ничего не мог. Новое чувство к другой женщине томило его и съедало, и вскоре от него осталась лишь тень. Жена уже серьёзно беспокоилась, расспрашивала его о работе, звонила коллегам, которые были близки к их семейству. Она даже понимала, В ЧЁМ СОБСТВЕННО ДЕЛО, но разорвать этот круг не могла. А однажды поняла, что он ей изменяет. В первую минуту хотела уйти из дома, забрав сына. Но потом подумала и решила дать ему время. Чтобы одуматься или выбрать, какой из двух путей ему необходим больше. И она замолчала.

А он тем временем сгорал в жарких объятиях красивой женщины, которая потом тоже влюбилась в этого мрачного чудаковатого мужчину. Ей не давал покоя его взгляд — жадный, властный и неутолимый. Она отдавалась ему каждый раз как в первый, и очень скоро их тайная жизнь стала её единственной целью. А он всё не пресыщался этим роскошным телом, а до её души ему и дела не было. И спустя два месяца всё это ему надоело. Стало жаль жену, сына, на которого он совсем не обращал внимания. И женщину, с которой его так не вовремя связала судьба. А может быть, и вовремя. Он этого не знал. Но душа его надломилась. Теперь на его сердце лежал и этот груз измены.

А на работе всё шло как никогда плохо. Приходили новые силы, новая творческая энергия, его оттискивали с насиженного места и плевали в душу, не замечая его погубленной неординарности и яркого таланта...

Однажды он заглянул после работы в пивной бар. С непривычки очень долго выбирал марку пива. Бармен за стойкой понимающе ему кивал и ... наливал. Он выпил немного, всего чуть-чуть, но этого ему хватило, чтобы пошатнуться.

Дома жена встретила укоризненно-ласкательным взглядом. И это обожгло его сильней пронизывающего январского ветра, что дул за окном. На сердце отчаянней заскребли кошки, и голова готова была разлететься вдребезги, он схватил её руками, и сжимал, пока не утихла ноющая, пульсирующая боль у висков. Заснуть не удавалось. Жена же уснула, измученная ожиданием и тревогой за него. Ему стало жаль её. Он вспомнил, как они познакомились. Это произошло в университете. Она мило ему улыбнулась, и он ответил ей тем же. Как давно он не слышал запаха её волос, как давно не целовал глаз, как давно не знал её смеха...

Потом он снова зашёл в этот пивной бар. Домой заявился сильно подвыпивший. Заснул как убитый. Через пару дней его затянуло туда на всю ночь. Впервые заказал водки. Практически сразу, наверно, с непривычки, отрубился. Несколько часов спал у окна, на него показывали пальцем. Домой привезли на такси. Адрес нашли в бумажнике. Жена с тёмными от недосыпа кругами под глазами на следующее утро спросила, в чём дело. Он промолчал. Она собрала вещи и ушла. В доме повисла тишина...

Она давила на него, как гробовая доска. Как толща воды. Как чёрный песок. Вечером он вышел в магазин и снова взял водки. Просила душа, уставшая от борьбы с ненавистными иллюзиями. Его вырвало пьяного на постель, ту самую, где недавно спала его жена. Она позвонила через два дня, спросила, хочет ли он, чтобы они вернулись. Он сказал, что это решать ей. Она отказалась. Он напился до потери пульса...

Прошло две недели. Дом стал холодным, грязным и заброшенным. Он почти ничем толком не питался, лишь магазинные лепёшки да колбаса, служившая отличной закуской к его любимой водочке. А однажды он раскошелился и из последних денег купил две селедочки. Посолил их и с наслаждением съел, запив обжигающим напитком. У него появилась даже любимая марка водки. И в магазине, что в соседнем пятом подъезде, его быстро стали узнавать, правда, от этих насмешливых улыбок продавцов каждый раз становилось нехорошо... В зеркало не смотрелся. Только когда чистил зубы. Однажды он не узнал своего отражения. Щетина была ужасной. Но бриться поленился. И когда однажды в дверь позвонила жена, — она испугалась. Сын от страха и удивления сделал шаг назад. И потупился. Его же самого залила краска. Неожиданное чувство стыда. Но только на мгновенье. Пусть и долгое. Потом он пришёл в себя и позвал их войти. Через полчаса они ушли, оставив ему ещё меньше надежд и ещё больше боли. Он отказался от помощи. Гордость ещё жила, мешая ему наладить жизнь. Жена всё поняла. И согласилась с его решением.

Он пил. Страшно, дико, до потери сознания. Соседи первое время стучали в дверь, проверяя, жив ли он, есть ли вообще дома. Потом перестали. От этого он озял ещё больше. Без водки уже не мыслил ни дня, ни минуты. Денег не хватало. Он начал продавать вещи. То, что не забрала жена, — украла водка. Начал попрошайничать. Плохо следил за квартирой. И мечтал напиться так, чтобы не очнуться. Каких-то полгода назад он был ещё человеком. С работой, пусть и не такой, о какой мечтал, с семьёй, которая его любила и ждала. И даже с любовницей, которая влюбилась в него, увидев в нём что-то хорошее и сильное. Но он сам в себя не поверил, не полюбил, как следует. И теперь его участь была решена. Оставалось только дожидаться, когда же ему станет настолько плохо, что он попросту умрёт..

Этот день, наконец, настал.

... На улице просыпалась весна. А в его квартире стоял чёрный мороз. Он встал и, пошатываясь, подошёл к окну. В глаза ударил яркий солнечный свет. Он закрыл их рукой и, ахнув от удивления и какого-то детского нахлынувшего

счастья, задёрнул шторы. И подумал, как было бы хорошо сегодня прогуляться по набережной. Послушать шум воды, вдохнуть свежий аромат весны. Он вдруг резко заторопился, наскоро опохмелился, что-то забросил в рот и вышел на улицу.

Пели радостно птицы на ветках деревьев. Порхали в воздухе дуновения распускающихся в траве одуванчиков. Солнце светило с неземной лаской. Всё живое радовалось силе пробуждающегося чуда весны, и эта живительная вечная радость пробудила и его. Казалось, он совсем выздоровел. Грудь выпрямилась, налилась призрачной силой, лёгкие задышали. Глаза — тусклые от череды беспробудных дней и ночей, обрели смысл и цвет. На впалых заросших щеках появились лёгкий румянец и едва уловимая улыбка. А потом и крик. Он прозвенел глубоко внутри, в душе, но он его услышал. И впервые за много дней обрадовался жизни.

Пока он шёл к воде, на него оборачивались, дивясь тому несоответствию, какое производил его неопрятный внешний облик и сумасшедший блеск в глазах. Радостный блеск. Живой. У воды он облюбовал себе скамейку и присел на неё. Рядом сидела какая-то подростковая пара, она усмехнулась, увидев чудаковатого бомжа, но, впрочем, сразу же забыла о нём. А он и не смотрел на эту парочку. Перед ним была весна. Вся в своём великолепии, красивая, сочная и яркая. Он ушёл воспоминаниями в прошлое, когда был ещё мальчиком, когда мечтал строить сильные и крепкие корабли, когда ещё мечтал быть великим. Он вспомнил свою любимую, ставшую ему верной женой, пусть и оставившую его наедине с собой, но ни разу не осквернившую его словом ругани. Он вспомнил первые шаги своего малыша, который наверняка никогда не будет пить водку. И ни разу не вспомнил о работе, о коллегах, о зависти и о любовнице. И даже не вспоминал о водке. Потом, только лишь по привычке, захотелось прополоскать горло, но он не решился портить это прекрасное весеннее утро такой бестактностью...

Вечером он остался трезвым. Абсолютно трезвым. Это утро что-то в нём изменило, в душе снова затеплились угольки надежды, и он начал даже подбирать слова, которыми начнёт свой завтрашний разговор с женой. Он знал, что она его ждала. Несмотря на тяжёлую болезнь. Он укрылся тёплым плодом и остался сидеть в кресле-качалке, потихоньку уснул. Ему приснились корабли, идущие по волнам синего моря, на палубе одного из них стоял совсем ещё мальчишка, в его глазах горели смешинки, и ветер тихо играл его непокорными волосами. Этот мальчишка встретил его душу, уснувшую навеки, а он сразу-то и не понял, что произошло... И хорошо, значит, такова его судьба.

Снова автобус

Общественный транспорт — это целый мир, кто не ездит каждый день в автобусах, этого никогда не поймёт. И я, возможно, тоже бы не поняла. Но я езжу каждый божий день, утром и вечером, в среднем по двадцать минут за раз. Сложнее всего приходится в маршрутках — там давление массы наиболее сильно ощущается. Легче в автобусах, намного легче, там хоть есть поручни в проходах, в маршрутках тоже они есть, но в них меньше места и меньше пространства над головой, а значит, и свободы движения.

С момента, как человек ступает на первую ступеньку автобуса, ведущую выше, на холодный и дребезжащий от езды пол, начинается самая настоящая борьба за выживание. Острая, бескомпромиссная, и очень опасная. В случае малейшей ошибки можно поплатиться кучей мгновенно съеденных злостью нервных окончаний или, что ещё хуже, собственным здоровьем.

В маршрутке необходимо сразу же занять самую выгодную позицию, ноги, не стесняясь, нужно расставить как можно шире, на уровне плеч, руки должны

мёртвой хваткой вцепиться в поручни, а если они заняты, то в спинки сидений. При этом нужно смотреть за тем, чтобы не коснуться кого-то из сидящих, тех, чья голова находится на уровне твоей руки. Или, что важнее, сумки. Пару раз я сама видела, как чья-то сумка, а у девушек сейчас в моде такие громоздкие, большие сумки, — и вот такие “сумочки” чуть ли не на голове сидящего. Примостились. А что, их тоже понять можно, я имею в виду “сумочки”...

Лично я всегда стараюсь следить за такого рода вещами, не знаю, откуда, но во мне сильно это тупое упрямое желание уважать других. Почему тупое, да потому, что это самое неблагодарное дело. Ну, представьте. Я стою, качаясь как маятник, от каждого движения автобуса грозясь свалиться кому-нибудь на руки, плечи или просто уткнуться в железо напряжённой мужской спины, и при этом, о чудо! — успеваю смотреть, а не слишком ли близко придвинулась моя сумка к лицу сидящего, а не слишком ли я придвинула носок своего левого сапога к чужому носку, а не захватили ли мои пальцы в судорожном желании удержаться на месте всё малое пространство на спинке сиденья. Вдруг я наступлю кому-то на ногу или мне наступят, что крайне неприятно, надеюсь не только для меня? А вдруг сидящий внизу вынужден поносить меня последними словами, но молчать и пыхтеть, позволяя моей сумке или подолу шубы болтаться у него перед носом?

Вот такие мысли крутятся обычно в моей голове, когда я еду в маршрутке. Да, не позавидуешь...

И что меня всегда поражает — никогда не устану этому удивляться, так это, как быстро ты признаёшь чужого, незнакомого тебе человека за своего, за члена своей команды. Поясню. Когда заходишь в почти переполненный автобус или маршрутку, множество глаз впиваются в тебя и в них легко можно прочесть недовольство тобой, ведь ты заставил пассажиров ещё теснее прижаться друг к другу, ещё ближе сдвинуть руки на поручнях и теснее прижать к себе сумку, и так камнем свисавшую с руки. Иногда с твоим приходом становится меньше и воздуха, особенно в маршрутках, где потолок ниже, и головы больно высоких вынуждены упираться в него, с неудобным наклоном шеи. Но через пару минут всеобщей нетерпимости, когда уже и ты вроде испытал на себе всю некомфортность положения, вдруг резко понимаешь, что ты уже не чужак, а такой же, как и все. И ты тоже имеешь право на свою территорию. И если кто-то, а особенно уже вошедший на следующей остановке, то есть после тебя, пытается втиснуться на твой клочок дребезжащего пола или поручня, тогда его уверенно можно проигнорировать каменной безапелляционной спиной, твёрдыми руками, не сдвинувшимися ни на йоту, и главное, презренным взглядом, полным льда и унижения. Я часто пользуюсь таким взглядом. Действует. Так вот, когда ты уже стал членом команды, членом большой семьи, ты точно так же, как и они тебя встречали, — встречаешь вошедших следом. И кожей при этом чувствуешь удивительную солидарность с другими, общий неодобрительный настрой, и это делает на пару мгновений тебя абсолютно счастливым человеком. Человеком, ставшим частичкой в множестве себе подобных, общим куском громадного полотна жизни под названием “народ”...

Евгений ДЕМИДОВИЧ

“Спасибо за то,
что живу я...”

Искушение Богом быть — Богом же нам и дано.
И из двух состояний мы выберем только одно.

Мы пойдём по делам или будем расти в высоту,
Покрываясь листвой, открывая мечтой красоту.

Совлекая покровы — с небес и невест, и холстов,
Среди долгих дорог, опрокинутых в небо мостов.

Мы питаемся светом, на этой земле мы стоим.
Что мы строим под солнцем, что стоим пред взором Твоим?

К небу башню возвысив на камнях и в сердце своём,
стану богом и храмом, в пустыне Я стану царём.

Я — стрела в неизвестность, к высокому солнцу — рука.
Бесприютна пустыня и цель далека-далека.

Только волны и камни, в пустынях-морях корабли.
Осыпается время... Сады затонули вдали...

Как же ветрено здесь... И песок забивает глаза.
И опасно дышать, и смотреть на светило нельзя.

Я не знаю, где свет, на каком Я стою берегу.
Я не вижу Тебя. Я уже говорить не могу.

Да и *что* говорить, если временны место и речь.
Остаётся гореть — или в землю, осыпавшись, лечь.

Спасибо за то, что живу я,
и вижу закат и рассвет,
и плоскость листа неживую
в живой превращаю я свет.

Пишу и дышу, и тревожусь
сомненьями: *быть и не быть*.
И этих сомнений дороже
одна лишь возможность любить.

Спасибо за солнце и ветер,
за музыку в снежном саду,
за путь мой, что тёмн и светел,
и этим путём я иду.

Моей душе...

... Эти строки тебе напишу, для тебя
взял *перо и бумагу*... (*перо* зачеркнул я,
потому что смешно...), но запутался взгляд
в знаках речи, скользнул по поломанным стульям

и проник за окно. И пейзаж за окном
раступился, открыв сокровенные дали.
Оказалось настолько прозрачным стекло,
что неясные буквы за ним проступали...

То ли список заветных для нас журавлей,
то ли строк быстротечных прекрасная пена,
то ли это звезда бесконечных полей,
то ли имя, что птица-синица напела.

Всё исчислено, взвешено, разделено
в тесном мире вещей, декорациях-стенах.
Но открыто в иное пространство окно
из условного быта, предметного плена...

Для чего мне свет солнца и трепет травы,
и вино, пригубив, на траву проливаю
для чего, коль бессмертные боги мертвы...
Ты умрёшь... для чего мне трава полевая?

Сонет

А с неба жёлтая луна
Который раз на нас глядела...
Желтела в облаке... Два тела
Сплетались в синей дымке сна.

О, благо, эта ночь длинна.
И ты во сне ко мне летела.
Я целовал тебя. Я делал
Тебя из глины и вина.

О, ты, воссозданная в глине,
Вином бродящая в крови,
Я пью тебя в своей пустыне,

Глотками пью тебя густыми...
Я пьян... Скажи мне моё имя!..
Своё мне имя назови.

*Все разошлись. На прощанье осталась
оторопь жёлтой листвы за окном.*

А. Тарковский

1.

роскошь и нищета
скупость и расточительство
праздник жизни и ожидание старости
тучи над твоей головой
и небо у твоих ног

2.

улетать в тёплые страны
или
не выходить из комнаты
собирать камни
или бить стекла
беречь от сырости ноги—голос—крылья
или танцевать под дождём

каждому должно быть дано
право на ошибку

3.

осень оставляет тебе
оторопь жёлтой листвы за окном
гербарий из увядших листьев
стопку пожелтевшей бумаги
стихов или писем
на твоём столе

меняет афиши о гастролях заезжего цирка
на сообщения о съёме жилья
музыку танцплощадок
на тишину парков и скверов
закат над рекой
на жёлтое пятно света от лампы
золотые императорские одежды
на плащ Будды

все бабочки
когда-то не знали неба

не видели неба
не умели писать стихи как Данте
смеяться как Заратустра
танцевать как Шива
как Чжуан-цзы видеть сны
не были просветлённы как Будда

проживали жизнь гусениц
ели ползали спали

не каждая
захотела проснуться

Ребёнком я знал,
что когда-нибудь умру,
как умирают все люди,
меня больше не будет.

Однажды в семь лет
я заплакал среди ночи:
смерть неотвратима,
исчезновение неизбежно.

Теперь знаю о своём бессмертии.
Душа —
подобно бабочке —
преодолеет смерть тела,
подобно птенцу —
расколет скорлупу мира,

подобно слову —
полетит в синем небе.

Знаю
или пытаюсь обмануть себя сказкой
перед сном,
последним сном.

... о времени

1.

Когда-то время текло
широким потоком,
медленно катились
годы-волны,
следы моих ног
отпечатывались
на послушном песке.

Давно их смыло волной.
Меня всё быстрее
уносит течение
неизвестной реки.

2.

Становлюсь рекой,
растворяюсь в пейзаже,
забываю берег
своего детства.

... о времени (2)

1.

Время разлито вокруг меня
сырой ртутью,
проступающее в вещах
вечно становящемся мире небытия,
в ряби событий на поверхности сознания
как свойства высокоорганизованного духа

озера или зеркала,
отражающего
окружающее небытие.

2.

Время собирать камни
на берегу живой речи,
входить в родную речь,
погружаться в себя,

время считать стекающие
с исчезающего циферблата
минуты,
подставлять речи-времени ладони,
пропускать сквозь плотные,
но
не существующие пальцы,
как сквозь стрелки на циферблате,
бесплотное,
но существующее
время.

3.

Память — воображение,
две половинки сердца,
два зеркала,
в одном отражается прошлое,
в другом — будущее.

Два письма
или два выстрела,
выпущенные навстречу друг другу,

одновременно
достигшие цели.

Сердце,
вырастающее на дереве жизни,
сорвано для тебя,
легче пуха,

тяжелей камня,
бьётся в твоих руках,
ждёт твоего слова.

... осенние яблоки

1.

Это яблоко —
тяжёлое,
налитое силой земли,
солнца.

Яблоко,
которому стало бы тесно на тарелке,
готовое упасть на голову
новому Ньютону,
Гаутаме.

Яблоко на запретном дереве.

Яблоко,
жадущее теплоты
твоих ладоней.

2.

Яблоко ночи
и яблоко дня,
сорванные
твоей рукой,
заполняют
пространство памяти
едва ощутимым
ароматом.

Снится:
умираешь,
идёшь за телом,
произносишь речь,
просыпаешься,
но, может быть,
только снится
вновь
умирать,
просыпаться.

Просыпаться
каждое утро и открывать глаза,
чтобы видеть солнце,

закрывать глаза
и вновь видеть солнце

днём и ночью,
в ясный день
и когда небо до горизонта затянуто низкими тучами
смотреть зорко,
видеть солнце.

Человек-ночь

Гегелю и Ницше

Тёмная ночь
без конца и края,
когда умирают солнца,
небо метафор
освещает путь человека.

Человек несёт ночь в себе,
тайну не бывших времён,
ночь не рождённых галактик.

Человек несёт ночь.

Человек ночи,
в тебе ещё есть хаос!
Ты можешь
родить танцующую звезду!

Человек-ночь,
что ты видишь
в своём небе?

Время писания

Время Неписания стихов
Между приступами фиолетовой лихорадки
Ограничено словом "*существование*"
И граничит с жёлтыми лицами
И серым веществом человека,
Именуемых "*homo sapiens*".

И время это — растить детей и собирать камни.
Я — разбрасыватель камней —
Детей своих отдаю публике;
Публика съедает детей моих —
Разбрасывателя камней.

Есть время растить детей —
Есть время разбрасывать камни;
Время сеять хлеб —
И петь песни.

Пою я песни.
Я — разбрасыватель камней.

г. Костанай.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

(Продолжение. Начало в № № 1-6 за 2009 год)

1993 год

5 января

Последний день отпуска... Утром меня разбудил телефонный звонок. Пока соображал спросонок, мать взяла трубку, и я понял, что это брат Шурка. Мать заговорила с ним живо, радостно, но по тому, как быстро тускнел её голос, я понял: случилось что-то плохое.

Оказалось — умерла Нина, его бывшая жена, и теперь он просит нас с матерью приехать, чтобы решить судьбу детей. Всего их четверо: две его приёмные дочери от первого брака Нины и двое их общих детей. И если первые взрослые, то Шуркина Тоня — примерно ровесница нашего Димки, а сын Ваня — чуть старше Пашки. Пока они в Шушенском, живут с отчимом и старшей сестрой Таней.

Нина умерла в новогоднюю ночь, её уже похоронили. А что делать с детьми — брат не знает: с Ниной они не жили, кажется, лет пять, если не больше, детей он видел нечасто. Из-за развода и уехал из Шушенского в Идринское, примерно за 300 километров.

Ольга сказала, что на первых порах Тоню можно было бы взять к нам. Мать ответила: там видно будет, и мы с ней стали собираться в дорогу.

Я знал, что у Нины проблемы со здоровьем, знал, что ей сделали операцию, думал — поправилась...

Одно время мы активно переписывались, мне нравилось говорить с ней, нравились её негромкие искренние стихи...

В жизни своей она видела мало хорошего, за исключением, может быть, детства. Не слишком удачным оказалось первое замужество, а брак с братаном, похоже, основательно подорвал её и без того не очень крепкое здоровье. Шурка приезжал в Шушенское за несколько дней до её смерти, хотел увидаться, но встречи не захотела она: может быть, жива ещё была обида, а может, не хотела, чтобы он увидел её изболевшей...

Хуже всего то, что дети успели отвыкнуть от отца, и не так-то просто будет налаживать с ними отношения. Сам я у брата тоже давно не был (и не без оснований), зарёкся ездить к нему, но вот придётся.

Несколько дней подряд (до Шуркиного звонка) мне снились путаные, тревожные сны, которые я списывал на новогодние возлияния и обжорство... То мне надо куда-то ехать на поезде (я уже вообще не помню, когда последний раз ездил на поездах, — всё летаю)... И за несколько минут до отправления я бегу в здание вокзала — то ли кому-то надо что-то сказать, то ли позвонить... Пока бегал — поезд тронулся. А у меня там вещи, документы... Что делать? Этот поезд, какой-то короткий — всего из нескольких вагонов, а дальше — пустые платформы; он прошёл с полкилометра и остановился — как будто у него там ещё одна

короткая стоянка. Я бегом туда. Чуть-чуть не добежал — поезд опять тронулся, и заскочить некуда — везде всё закрыто. Надо же, как не везёт! А поезд, ещё не успев разогнаться, на что-то наехал, вздыбился, и вагоны, платформы стали валиться набок, как спичечные коробки... Гром, лязг, крики... Люди бегут к поезду и от него: кто плачет, кто стонет, кто матерится... Один идёт — без единой царапины, но весь в крови.

Даже Ольге не стал рассказывать — мы ждали на следующий день её сестру Лену из Новосибирска, которая ехала как раз на поезде.

На следующий день — другой сон... Чужой город... Зачем я там — непонятно, но почему-то с Людмилой Ермолиной. Идём пешком и попадаем в какой-то тюремный городок, где есть даже специальные станции для тюремных поездов — что-то вроде тоннелей, только наверху. И если поезд туда зайдёт, обратно уже не вернётся.

Мы кое-как выбрались из городка, лезем на какую-то гору, которая заканчивается обрывом, в который мы едва не свалились... Остальное заспал...

А матери приснился отец (мой). Пришёл и говорит: “Посмотри, сколько я тебе веников принёс!”.

6 января

Сходил на работу, утряс неотложные дела. Позвонил А. С. Саркыншакову, ещё и шутить пытался:

— Аби Саркыншакович, звоню вам не как своему старшему товарищу, которого давно знаю, не как руководитель руководителю...

— А как кому? — удивился он.

— Как бывший член бюро бывшего обкома партии бывшему члену бюро всё того же бывшего обкома бывшей партии... Выручайте!

Он шутку оценил, тут же позвонил куда-то, сделал заказ, чтобы нам с матерью выдали билеты до Абакана с местами (в Новокузнецке нам предстоит пересадка).

Завтра выезжаем.

7 января

Главы центральноазиатских государств на встрече в Ташкенте договорились об обмене послами и решили создать единый телецентр (в Ташкенте) и издавать общую газету (в Алма-Ате).

Россия держит регулируемые цены на хлеб и макароны, чай, соль, сахар, молоко, масло, мясо, дешёвые колбасы, детское питание. Помимо прочего, это означает дальнейший развал сельского хозяйства, которое в очередной раз оказывается у государства в качестве крепостного крестьянина. Впрочем, и у нас то же самое.

Смотрели с Ольгой “Ургу” Никиты Михалкова. К нему у меня двойственное отношение: безусловно, талантлив, работающ, но уж больно много барства в манерах. А фильм — замечательный — о жизни и любви, несовпадении менталитетов... Есть экзотика, но не навязчивая, а скорее радующая сердце и греющая душу. “Урга” — лучшее, что я посмотрел в ближайшем обозримом прошлом (не помню уже, когда последний раз в кино был).

9 января

Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”: совхозы и колхозы Казахстана впервые за свою историю выручили от продажи зерна (сверх госзаказа) 50 миллионов долларов. Не знаю: верить — не верить, что-то никто из моих знакомых директоров не хвалился валютой. Надо будет навести справки.

В селе напропалую крадут скот. Было такое, конечно, и раньше, но не в таких масштабах. Зоя Суворова принесла сразу несколько писем, прочитал — и ужаснулся!

“У нас в совхозе “Приозёрный” у 12 семей украдено 23 головы скота. Среди пострадавших — матери-одиночки, малообеспеченные семьи, для них этот скот был единственной надеждой выжить в наше трудное время. И никто не сможет нам вернуть наших животных...”.

“Мы, жители центральной усадьбы совхоза имени Джамбула Лебяжинского района, проклинаем тех людей, кто украл наших коров-кормилиц... Мы обращались в милицию и администрацию района, в милиции наше заявление не захотели даже рассматривать... Закупка скота в районе ведётся заготовителями бесконтрольно — чем не пособничество ворами?”. И список из 13 фамилий, с чьих подворий исчезло 24 коровы. Некоторые лишились сразу трёх-четырёх коров и тёлочек.

“Сколько скота недосчитались в своих сараях качирцы, никто толком не знает, потому что нет ни такого подсчёта, ни “бюро находок” пропавшего скота. Есть лишь многочисленные заявления о потерях, но нет ни одного пойманного вора...”. Это из третьего письма...

Сказал Николаю Марчевскому, чтобы подготовил материал о скотокраде и пнул местные власти и милицию.

Абсурды нашего времени... Павлодарец получил новогоднюю поздравительную телеграмму от супруги, уехавшей навестить своих родственников на Украину. Вот её текст: “Всих витаю новим роком. Башаю здоровья, успехив. Мама”. Всё бы ничего, но супруг, проживший с ней всю жизнь, прекрасно знал, что по-украински она двух слов связать, тем более написать, не сможет. Это украинские связисты проявили такую инициативу. И теперь супруг раздумывает: не послать ли своей благоверной ответную телеграмму — уже на казахском языке? (Из сегодняшней информации в газете).

Володя Бугаев рассказал на планёрке о том, как его обслужили в коммерческом магазине. Мелочную покупку в 30 рублей ему упаковали, выразив благодарность за неё и пригласили приходить ещё... Да уж, нашему советскому покупателю, не избалованному приветливостью тружеников прилавка, подобное и впрямь в диковинку. Чаще услышишь: “Вас много, а я одна!”. Может, это уже цивилизованный рынок наступает?

Спросил у Бугаева, где этот магазин? Хочу сходить сам...

12 января

Директор Павлодарского алюминиевого завода Б. Акимкулов пишет в нашей газете, что “флагман цветной металлургии республики”, несмотря на царящий хаос в экономике, успешно завершил год. При этом глинозём подорожал в десять, а галлий — в восемь раз, и производство первого даже выросло по сравнению с прошлым годом.

Директор был удостоен личной поздравительной телеграммы президента республики.

Главное, пишет директор, смогут ли с предприятием вовремя рассчитаться Новокузнецкий, Саянский, Красноярский алюминиевые заводы, которым оно поставляет глинозём, удастся ли договориться с партнёрами из Гвинеи и Австралии о недостающих поставках 300 тысяч тонн глинозёма?

Чтобы не отстать от конкурентов в техническом плане, завод заключил на этот год 60 договоров с 38 научными учреждениями на проведение исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Оказывается, не всё у нас лежит на боку, и Павлодарский алюминиевый по-прежнему держит марку!

Опубликовали закон о социальной защите граждан, пострадавших в результате испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне... Закон гарантирует людям льготы в зависимости от зон риска. К зоне максимального радиационного риска отнесены два сельских округа Майского района, граничащие с полигоном — Акжарский и Малдарский, к зоне повышенного риска — весь Майский район; к зоне минимального риска — Лебяжинский; к территории с льготным социально-экономическим статусом — Баянаульский район. Павлодарцы оказались явно обижены этим законом, по сравнению с семипалатинцами, карагандинцами и даже восточноказахстанцами, которым полагаются куда больше материальные выплаты и другие льготы, потому что очень многие их населённые пункты внесены в более опасные зоны, а посему их жители считаются более пострадавшими. Для сравнения: не только Семипалатинск, но и Усть-Каменогорск и даже Лениногорск отнесены к зоне повышенного риска (куда отнесён и наш Майский район, часть которого была “отбрана” в своё время полигоном), а Лебяжинский, расположенный напротив полигона (через Иртыш), и вовсе оказался в зоне минимального риска. Тут, вероятно, дело отчасти в названии полигона — Семипалатинский, хотя большая часть территории под него была отрезана от Павлодарской области.

У нас в конторе под действие закона подпадает Ольга Фролова, работавшая когда-то учительницей в Майском районе.

Гришина побывала на швейной фабрике, некогда вполне благополучном предприятии, переживающем теперь все прелести рынка. За прошлый год число её работников сократилось на 560 человек, или примерно наполовину. Всё минувшее лето и почти всю осень фабрика простояла. И теперь здесь хватаются за всё, что подвернётся под руку. Само предприятие реорганизуют в акционерное общество, но будущее его остаётся туманным.

Довольны остались лишь немногие сокращённые женщины (этот коллектив — почти сплошь женский), которых теперь содержат их относительно состоятельные мужья. Есть, оказывается, женщины, которые работе с удовольствием предпочитают домашнее хозяйство.

Мы с упорством, достойным лучшего применения, превозносим всех своих вождей при их жизни, а после их смерти начинаем проклинать. Китайцы же готовятся “широко и торжественно” (так мы когда-то писали и говорили) отметить 100-летие Мао Цзэдуна, который немало поизмывался над собственным народом. Реформы в Китае идут куда успешнее наших, и нынешнее руководство страны считает: это способствует формированию вокруг вчерашнего вождя нового, почтительно-благодарственного культа.

Небывалый прежде случай: публикуем письма о духовном и высшем служителях культа из местной мечети и церкви евангелистов.

14 января

Указом президента открыты посольства Казахстана в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Киргизии, Молдавии, Туркменистане, Узбекистане, Украине.

Междугородный транспорт работает с перебоями, и предприимчивые люди в пригородных сёлах и райцентрах стали подрабатывать извозом, подвозя земляков в город и обратно на личных машинах. Расплачиваются с ними кто чем может, в том числе домашней сметаной, уткой, гусём, куриными яйцами...

Фидель Кастро вновь подтвердил решимость народа Кубы “до последнего дыхания защищать революцию и независимость”, заявив, что “империализму не удастся поставить народ республики на колени голодом и экономической блокадой”.

Вот уж кому сегодня не позавидуешь, так это Кубе, которая раньше торговала главным образом со странами социалистического содружества, канувшими в Лету. Как кубинцы теперь будут выживать, ведь одной решимости их лидера тут будет маловато...

В Павлодаре определяются “места индивидуальной торговли”. Наверное, это правильно, потому что сегодня торгуют прямо на улицах и где кому вздумается. Но вряд ли административные меры сработают: люди будут торговать там, где есть бойкие места, где им удобней.

16 января

Более 20 тысяч человек погибло в братоубийственной войне в Таджикистане, десятки тысяч пропали без вести. Эти цифры назвал спикер парламента Э. Рахмонов. Во имя каких высоких целей погибли они? И сколько ещё погибнет в “горячих точках”, которые возникают то там, то там?

Наконец-то в Германии прекращено судебное преследование Эриха Хонеккера, и смертельно больной бывший глава ГДР отправился в Чили. Именно состояние здоровья стало главным аргументом в пользу его освобождения. Не дай Бог никому такого конца жизни...

В совхозе “Новотроицкий” Краснокутского района пересаживаются с тракторов на быков, которых стали использовать в качестве тягла на хозяйственных работах. В деле здесь уже 15 пар быков. Часть специалистов пересадили из автомобилей на гужевой транспорт, то есть на лошадей. Вот только хороших кошёвок — удобных саней — днём с огнём не сыщешь...

Булат Ахметов пишет: в Экибастузе обычным делом стало отравление “подпольной” водкой. Самый верный признак “самопала”, говорится в заметке, это когда пробка на бутылке российская, а этикетка на ней — казахстанская. Но кто же станет присматриваться к таким “мелочам”, когда душа горит, да ещё если покупают ночью... Вот и травится народ со страшной силой.

19 января

Невероятно, но факт: Павлодарское отделение железной дороги выполнило план прошлого года по строительству и вводу жилья в эксплуатацию. Начальник отделения дороги А.С. Саркыншаков, с которым у нас с недавних пор установились хорошие отношения, сказал мне, что проблема жилья у них решена практически полностью, как и проблема с местами в детских садах и яслях. Всё же очень многое во все времена зависело и зависеть будет от личности первого руководителя.

21 января

Н. А. Назарбаев заявил на сессии Верховного Совета, что “попытка сделать всех одинаковыми собственниками и одинаковыми хозяевами производства потерпела крах... Каждый не может быть собственником, хозяином, организатором производства... Стартовые условия должны быть равными для всех. А уж дело каждого — выбрать свою сферу деятельности и показать свои возможности”.

Но это, в общем-то, никакое не открытие. Было обещано в своё время другое: граждане должны стать собственниками всего, что создавалось их коллективным трудом — заводов, фабрик, совхозов, колхозов, иначе говоря — получить свою долю общественной собственности. В России для этого придумали ваучеры, у нас — приватизационные инвестиционные чеки, но ни там, ни здесь люди на деле практически ничего не имеют. Кому же на деле достанутся лучшие объекты госсобственности и почему? Какие тут могут быть равные условия?

Оказывается, не бывший СССР со всеми своими долгами, а США — самый крупный должник в мире. Внешний долг главной, а теперь единственной сверхдержавы составил на конец прошлого года 360 миллиардов долларов. В моей “неэкономической голове” этот факт как-то не укладывается...

Наш Марат Жыланбаев покорил недавно Америку — занял второе место в супермарафоне “Дорога на Золотой Запад. 7 дней — 7 марафонов”. Состязания проходили в Неваде и Калифорнии в честь 500-летия открытия Америки. Экипирован Марат был хуже всех — бежал в китайских трусах и третьесортных кроссовках, но мог бы и выиграть супермарафон, если бы на одном из этапов не заблудился, из-за чего ему пришлось пробежать 15 лишних километров.

Во время соревнований Жыланбаеву кто-то дал кличку Чингисхан, так его до конца марафона и звали.

Даём большой материал о нашем земляке — обладателе уже четырёх рекордов книги Гиннеса. А он упорно готовится к своему главному старту — кругосветному пробегу по планете.

Ещё одна новость из Экибастуза — там появилась частная телекомпания “Лабрис”. Её владелец — бывший электромонтёр, 27-летний Равиль Халиков. Он взял кредит в банке — полтора миллиона рублей, купил на эти деньги телеоборудование и квартиру для студии. Видеокамеру и видеомagneфон одолжил (!) у друзей. Деньги за просмотр своих телепередач он с горожан брать не собирается. А зарабатывать намерен рекламой и другими платными услугами.

22 января

Собрался с силами, чтобы записать впечатления о поездке к брату в Сибирь... Самое мерзкое впечатление осталось о железнодорожном вокзале Новокузнецка, где пришлось ожидать поезда по дороге туда почти 12 часов и примерно столько же — обратно. Серое, неуютное, холодное здание, обшарпанные деревянные сиденья, намертво скреплённые меж собой; много опустившихся, потерявших человеческий облик людей — мужчин и женщин, убогих, увечных, нищих, которым зимой, видимо, негде больше жить... Какое-то средоточие людской неустроенности. Мне раньше приходилось бывать на этом вокзале, но, кажется, тогда он не был таким. Или потому, что я сюда приезжал всегда летом?

По пути назад посмотрел в кинотеатре (благо времени было с избытком) художественный фильм “Калигула”. Впечатление — будто дерьма наелся. Неужели же и впрямь всё так было? Впрочем, если говорить о политических нравах, то они лишь внешне стали более благопристойными, а по сути вряд ли изменились. Но эти публичные оргии, весь этот натурализм... Говорят, фильм в некоторых странах не пустили на экраны и, в общем, не без оснований.

Ехал к брату и думал: не зря говорят — не зарекайся. Это я к тому, что давал зарок не ездить больше к нему — настолько “неизгладимое” впечатление оставила наша с младшим братом Петькой последняя поездка к “старшому”... Правда, с той поры много воды утекло, да и жизнь нас всех основательно потрепала... Что теперь считается...

Думал ещё: как-то там встретят нас, захотят ли говорить с нами? Может быть, скажут: езжайте-ка вы восвояси! В сущности, отчасти так и было...

Таня, младшая дочь Нины от первого брака (старшая Соня вышла замуж и уехала с семьёй мужа-еврея в Израиль), без особых реверансов заявила: нам никто не нужен — ни Александр Дмитриевич (читай — Шурка), ни Александр Алексеевич (третий муж Нины). Я убеждал: это не твоё личное дело, да и по силам ли тебе такая ноша — всё взять на себя? Она отвечала, что ничего не имеет против нашего приезда и не против того, чтобы бабушка пожила с ними, но жить они останутся с двумя младшими втроём... Досталось ей, конечно, за эти годы куда больше, чем может вынести девчоночья душа...

Удивительное впечатление произвёл на меня Шуркин Ваня, которого я помнил лишь грудным. Смьшлёный, в высшей степени самостоятельный парень. Сам топит углём печь, кормит поросёнка — и всё это как-то ловко, умело... Правда, всё время шмыгает носом — похоже, у него хронический насморк.

Увидел — моя мать пригорюнилась: “Что ты молчишь, баба, давай я тебе книжку принесу...”. И принёс, чистая душа, библию... Тут я не выдержал и вышел в коридор, чтобы никто не увидел моих слёз...

Сходили на кладбище, помянули Нину. С нами в Шушенское приехал её брат Володя Нюдиков, замечательный парень, который нам очень помог в этот день.

Многое ещё было, о чём вспоминать и писать не хочется... И не буду — во всяком случае писать...

На следующий день мы с братом, оставив мать наводить мосты с внуками, уехали в Абакан, а оттуда к нему в Идринское. Там я сказал ему: “Если ты думаешь, что можешь жить как жил, а между прочим, взять ещё и детей (если, конечно, их тебе отдадут, и они сами согласятся), то сразу оставь эту затею. Не знаю, можно ли всё исправить, но что-то можно исправить лишь в том случае, если на ближайшие годы ты посвятишь всю жизнь детям”. Он ответил, что и сам это понимает и что уже теперь хотел бы их забрать — у него есть женщина, согласная на это... Весь вопрос в том — согласятся ли дети?

Что я ещё вынес из этой поездки? Никогда нельзя рвать отношения до конца, сжигать мосты. Если бы у брата с Ниной сохранились хоть какие-то контакты (а значит, и с детьми), разве так всё сегодня было бы?

Надо и мне этот урок усвоить на будущее — в отношениях с людьми вообще взять за принцип правило — худой мир лучше доброй ссоры.

Пообщался в Сибири с братовым окружением — хорошие люди и, кажется, Шурка у них в авторитете. Живёт он в полублагоустроенной двухэтажке, на втором этаже. Две комнаты и кухонька. Печь топит углём, а дальше тепло идёт

(вернее, почти не идёт) по трубам. Спать холодно, особенно мёрзла моя лысеющая голова, и я натягивал на неё, устраиваясь на ночь, шапочку.

А когда я уезжал, брат на прощанье посетовал:

— Жалко, ты у меня мало пожил — я бы и тебя приучил спать в штанах.

Пока болтался в Новокузнецке, сходил в редакцию местной газеты, познакомился с ребятами. Взял кое-что на заметку.

Проходил мимо переговорного — позвонил домой. И услышал от Ольги ещё одну пренеприятную весть: дядя Коля Хухарев перенёс тяжёлый инфаркт, лежит в реанимации. Случилось это 7 января, мы с матерью были ещё дома, но тётя Нина не захотела мать ещё больше расстраивать.

Вот как гадко этот год начался.

На работе за время моего отсутствия народ подраспустился: материалов нет, заявки не сдаются... Трудящиеся прячут глаза, а замы разводят руками... Впечатление, что никому ничего не надо... Сказал — приму административные меры. Хотя — какие там меры...

Молодая женщина из католической церкви принесла обращение и просит опубликовать: пусть все те, кто по каким-то обстоятельствам хочет избавиться от ребёнка, не лишают его жизни, а приносят к ним в церковь, где о нём позаботятся. Единственное, о чём она тревожится: таких детей может быть слишком много, и она не сможет их всех обиходить в своей трёхкомнатной квартире, которую она готовит под детский приют.

Спросил её — позволят ли ей власти заниматься всем этим, ведь есть всякие обязательные процедуры? Говорит — всё будет делать по закону. Интуиция же подсказывает мне, что вряд ли власти согласятся на подобное.

Установили новые оклады — корреспондентам 12 тысяч рублей, у завотделами побольше. Плюс гонорар, премии, то есть почти ещё столько. Некоторые довольны, другие перешёптываются — мало.

Тяжёлый разговор с Ю. А. Ковхаевым — о его будущем. Ему назначена пенсия. Мои предложения: он уходит на полтора-два месяца — отдохнуть и привыкнуть к своему новому положению, да и редакция пусть к этому привыкнет. А потом он возвращается и работает уже по контракту — со свободным режимом, без обязательного ежедневного сидения в редакции, на правах корреспондента — с окладом, гонораром и премией, разве что без больничных выплат. Мои аргументы: зачем ему эта ежедневная редакционная обязательность?

Он же моё предложение воспринял с обидой — как желание вытолкнуть его из редакции, да ещё и в такое трудное время. Сам он считает — списывать его ещё рано (я и не собирался этого делать) и заявил напоследок: “С кем ты вообще собираешься работать, когда ещё и Штарк уедет?”. Последним словам я не придал особого значения... А Ковхаеву, по-моему, ничего обидного не говорил — предложение как предложение. Но надо теперь опять думать — как быть?

23 января

Утром позвал Штарка: “Тебя, оказывается, давно отправили на историческую родину, и только я ни сном ни духом не ведаю об этом”. И вышло — всё

правда: если он ещё и проработает, то лишь несколько месяцев. “Понимаешь ли, что никогда не сможешь там стать своим?” — спросил я. “А я и тут себя таковым не чувствую, — отвечал он, — а свою второсортность — постоянно, и чем дальше — тем больше”. Он приводил какие-то факты, когда одних руководителей меняют на других, и не по деловым качествам, а из-за национальной принадлежности, говорил ещё что-то, и я понял: для него этот вопрос решённый.

Как жаль мне терять Штарка! И заменить его будет очень трудно — он как раз из таких незаменимых. И сколько же ещё немцев, русских и всех прочих уедет? Ждёт ли их по-настоящему кто-нибудь там, куда они так стремятся? И что ждёт нас, остающихся?

Глава обладминистрации А. А. Жабегин, пробыв одиннадцать месяцев на этом посту, назначен заместителем премьер-министра. Головокружительная карьера! Он представил активу области своего преемника — Д. К. Ахметова — бывшего главу Экибастузской городской администрации.

По всему чувствовалось — как горд А. А. Жабегин своим новым назначением: “Не без колебаний я принял это предложение... Но в это трудное время я должен быть рядом с президентом...”. А я сидел и думал: откуда у них эта уверенность в собственной исключительности, в богоизбранности? Ведь ещё неизвестно — по силам ли будет новая тяжёлая ноша, справится ли он с новыми обязанностями?

В этот раз А. А. Жабегин был благодушен, шутил. Говорил и о своих долгах, одним из которых считает то, что не успел стать соучредителем областных газет, чему, кстати говоря, я всегда противился...

Сегодня открывается встреча глав государств СНГ. Едва ли не главный вопрос повестки дня — подписание устава СНГ. Как всегда, против Украина (вернее, Кравчук) — боится, что Россия, в случае создания каких-то координирующих органов, опять станет подминать других. На Кравчука я уже просто физически смотреть не могу.

Кажется, и Туркменистан тоже берёт особый курс, надеясь со своими нефтью и газом уже в ближайшие годы не только построить народный коммунизм, но и стать вторыми Объединёнными Арабскими Эмиратами.

Все остальные — за согласованные совместные действия. Но слабо верится в их успех — ничем значительным СНГ, родившееся в результате “Беловежского экспромта” Ельцина — Кравчука — Шушкевича, пока что себя не зарекомендовало.

“Нива” опубликовала повесть М. П. Пудича “Браконьеры”. Я читал её в рукописи. Мы дружим с Михаилом Петровичем — фронтовиком, разносторонне одарённым человеком, от которого исходит ощущение доброты, мягкого юмора и большой внутренней силы. У него есть ещё одна хорошая документально-художественная повесть — о том, как его предки приехали в эти края и стали здесь обосновываться. Я её тоже рекомендовал В. Р. Гундареву для публикации.

Слава Лесовский анализирует современный “новояз”. В его хорошем материале “Язык мой — “кент” мой” и я почерпнул для себя много нового: “быки” и “тёлки” — значит, парни и девчонки; “черепа” — родители; “батрак” — отец; “тащиться” — восхищаться; “прикалываться” — удивляться — посмеиваться.

26 января

Из санэпидемстанции прислали заметку: за два месяца они исследовали 168 партий спиртного, 37 из них (почти каждая четвёртая) не соответствовали

стандартам: водка из Павлодара, Петропавловска, Джамбула, Владикавказа, коньяк из Армении, спирт из Китая и прочая, прочая, прочая... Но ведь торгуют, пьют и травятся, травятся, травятся...

Политический театр абсурда не знает простоя: теперь уже Тодору Живкову, бывшему вождю Болгарии, предъявлено обвинение — в государственной измене в пользу бывшего СССР. Оказывается, и правда он предлагал присоединить Болгарию к СССР в качестве шестнадцатой союзной республики.

Скандалное заседание президиума Кабинета министров... Речь шла о злоупотреблениях руководителей крупных предприятий, бесконтрольно распоряжающихся валютной выручкой, элементарном воровстве и злоупотреблениях самого разного рода. Президент государственного концерна А. Минибаев, будучи в Германии, познакомился с президентом тамошнего международного гуманитарного фонда и договорился с ним об оказании Казахстану гуманитарной помощи... Всего её поступило на 700 тысяч немецких марок — оборудование, медикаменты, продукты... Последние два вида предназначались для детей-сирот, инвалидов, престарелых, но были реализованы (продукты и оборудование) через коммерческие магазины Алма-Аты. Часть гуманитарной помощи доставили на дачу А. Минибаеву. С должности его сняли, а вот завели уголовное дело или нет — об этом в материале КазТАГ ничего не сообщается.

Глава Джамбульской обладминистрации У. Байгельдиев и его замы занимали “по совместительству” должности руководителей коммерческих структур... Бардак во властных структурах творится невообразимый.

27 января

Не кончается запарка с тех пор, как вернулся от брата: то одно, то другое, то третье... А самое главное не только нутром чую, но и вижу — нет у людей интереса к работе. На недавней “летучке” и ругался, и к совести взывал, и к патриотизму, и к творческой злости. Но не видел в глазах отклика: на лицах апатия, равнодушие и неуверенность. Конечно, то, с чем мы каждый день сталкиваемся, не добавляет оптимизма: многие разуверились, потеряли жизненные ориентиры. Но неужели им непонятно другое: если не возьмём свою судьбу в собственные руки — точно не выживем. Честно говоря, не знаю даже — какие рычаги включать, уже всё, кажется, испробовал.

Был сегодня у замглавы обладминистрации А. С. Павлова. Мой ровесник, умница, хороший экономист-финансист. Но и он угнетён нынешним состоянием дел, потому что хорошо знает — насколько они плохи.

Говорит, Россия добивается отпуска цен на энергоносители, что чревато новым взрывом инфляции. Могут стать неконкурентоспособными даже глинозём Павлодарского алюминиевого и ермаковские ферросплавы, потому что их производство очень энергоёмко.

Ещё сообщил по секрету: в правительстве обсуждали идею повышения платы за коммунальные услуги, и если это произойдёт, огромная масса людей ещё больше обнищает, а кто-то и вовсе не сможет платить.

Ю. А. Ковхаев жаловался на меня Семерьянову, говорил, что я не имею права его увольнять. Да не собираюсь я этого делать — предлагал, для его же блага, работать на других условиях. Но в любом случае замом его не оставлю.

Кстати, был сегодня на заседании специальной областной комиссии, добиваясь назначения ему республиканской пенсии, и моё ходатайство принято.

Б.В. Исаев рассказал мне о своём выступлении на Совете республики. Суть его: у нынешнего руководства страны нет идеологии перемен.

— А как же суверенитет, все правительственные программы, разгосударствление и приватизация? — возразил я.

— Это всё разрозненные шаги, а должна быть стратегия — простая и ясная, чтобы люди поняли, какое государство мы намерены строить.

— Рыночное, социально ориентированное, — подсказал я.

— Это всё слова, оболочка... Надо прямо сказать — отказываемся ли мы полностью от социализма, будем ли строить капитализм...

Потом как-то сам собой зашёл разговор о новом назначении А. А. Жабигина, и я напрямую спросил: откуда у него уверенность, что справится, будет на своём месте?

Б. В. засмеялся:

— Наивный вы человек... Какая разница: получится — не получится. Знаете анекдот, как в советские времена министром назначали? Спрашивают: “Пойдёшь в министры?”. — “Пойду”. — “Как работать будешь?”. — “Назначу одним замом еврея — пусть думает, другим — русского, пусть работает, а сам буду руководить... Ну, поймут года через два-три, что пора снимать, ещё пару лет снимать будут... Так лет пять в министрах и похожу. А из министров опять же в дворники не пошлют!”

Б. В. вообще на этот раз был откровенен со мной, даже поделился обидой: с ним никто не счёл нужным посоветоваться насчёт кандидатуры нового главы облминистрации; а уходящий наверх даже спасибо не сказал, хотя именно Б.В. предложил год назад президенту его кандидатуру...

Правоохранители по полной программе “шерстят” “Кереку банк” после ареста его директора. И к нам приходили, но проверять оказалось нечего: мы дали банку рекламу на миллион рублей, который нам засчитали как вступительный взнос. Рассчитывали на дивиденды, но хоть бы эти деньги теперь вернуть.

В столице всё ту же завязывается узел противоречий между высшими ветвями власти. “Казправда” дала большой материал о том, что Президиум Верховного Совета, его аппарат и лично председатель С. А. Абдильдин превышают свои полномочия, самостийно вносят поправки в проекты законов, а уже принятые сессией поправки “теряют”, что случилось даже с проектом Конституции... Пресс-центр Верховного Совета тут же отреагировал по каналам КазТАГ: всё это чистые домыслы, которые не соответствуют действительности. Н. А. Назарбаев заявил на сессии: некоторые СМИ хотят поссорить между собой исполнительную власть с Верховным Советом, а его самого — с Абдильдиным, хотя между ними нет никаких разногласий, а у президента — претензий к Верховному Совету. Но “Казправда” даёт новый материал, критикующий “верхушку” Верховного Совета, которая якобы вознамерилась похоронить Конституционный суд, объединив его с Верховным и Арбитражным судами. И якобы 74 депутата (нужная пятая часть общего их количества) уже обратилась в Конституционный суд, требуя оценить с точки зрения Основного Закона те или иные шаги руководства Верховного Совета.

Сомневаюсь, чтобы газета дала подобный материал по собственной инициативе: всё же Абдильдин — слишком крупная фигура, чтобы её представлять в столь неприглядном свете без высочайшего соизволения...

Плохо, если и у нас наверху начнётся драчка. Хотя дурной пример (я имею в виду Россию) заразителен.

Был в больнице у дяди Коли Хухарева — его вывезли мне на минутку из палаты. Он ещё не привык к своему беспомощному положению и не скрывал слёз. А я ведь считал его вечным... Видно, Надина смерть его подкосила, да и работа по 12-16 часов в сутки... Правда, ему уже лучше. Завотделением сказал: на ноги поставим, но о работе шофёром придётся забыть.

Тётке Нине, которая всю жизнь вкалывала как вол, назначили пенсию 1700 рублей. Попробуй проживи на эти деньги, не работая...

30 января

Суббота. Тепло — плюс два или три градуса мороза. Вовсю тает... Не зима, а чёрт-те что: похоже, и в природе всё перепуталось — как в нашей неустроенной жизни.

Пошёл ремонтировать сумку и встретил на улице знакомого художника Виктора Поликарпова. У него экзотическая внешность с лицом, напоминающим иконописный лик Христа. Виктор Фёдорович затащил меня в свою мастерскую, расположенную в подвале жилого дома, и я был просто поражён его изумительной, в высшей степени самобытной графикой. Картины занимают всё свободное пространство двух комнаток: они висят на всех стенах и даже на потолке. Пахнет деревянной стружкой — В.Ф. сам мастерит рамы для своих графических листов. В мастерской стоит станок, на котором Поликарпов печатает копии картин.

В довершение ко всему Виктор Фёдорович — поразительно интересный собеседник, и мне так не хотелось уходить из этого его обиталища, в котором он проводит времени, пожалуй, даже больше, чем дома.

Он подарил мне один из пейзажей с половодьем на Иртыше, чем окончательно меня растрогал.

Начитаюсь вечером газет — всю ночь кошмары снятся. И не читать не могу — положение обязывает, к тому же тянет, как к наркотику. А считаешь — и жить неохота.

Материал собкора “Известий” из Риги — “Продаётся ребёнок”. Женщина-дворник, почти вся её зарплата уходит на оплату квартиры. Муж после аварии — не помощник. Сыну чуть больше года, ждут другого... Просит милостыню, но не слишком успешно. И вот, совсем отчаявшись, написала в газету: или помогите — кто может, или продам сына...

Можно ли было представить себе что-то подобное ещё пять лет назад, когда эта, ныне гордая суверенная страна Балтии, находилась под игом ненавистного СССР?

А вот объявление в одной из газет: “Оказываю бесплатно сексуальные услуги женщинам-инвалидам”. Чем не благотворительность! Но дальше ещё одна фраза: “Просьба приготовить сметану, мёд, яйца”. Это что — плата за услуги или необходимые аксессуары для сеанса сексуальных услуг?

Обычным делом становятся заказные убийства. Некоторое время назад так был убит директор Карметкомбината — крупнейшего в бывшем Союзе металлургического предприятия — Свичинский. И хотя чаще всего наёмных убийц, а тем более заказчиков, не находят, в этом случае задержали и тех, и других — во многом благодаря тому, что ход расследования был на контроле у Н. А. Назарбаева, когда-то работавшего на этом комбинате. Убийц, кстати, наняли в Прибалтике, а заказчиками оказались люди из окружения самого директора.

Бывшие центральные газеты полны сообщений о зверствах и пытках в районах национальных конфликтов. И это уже мало кого трогает. Привыкли!

В одной из казахстанских газет наткнулся на заметки Васьки Елисеева, с которым мы одно время довольно тесно общались в университетскую пору. Васька имел херувимообразную внешность — конечно же, с кудрявой головой (ходили слухи — специально делал завивку), был, безусловно, талантливым начинающим журналистом (писал “не как все” — красиво, иногда не очень понятно, чему я завидовал), имел в приятелях пол-Алма-Аты, но не имел собственного угла. И по этой причине всё своё носил с собой в портфеле и ночевать часто оставался там, где его настигала ночь. В нашей общежитской комнате на четырёх — все кровати чаще всего были заняты, и Ваську укладывали спать на большом столе, придвинув его к подоконнику и соорудив из того, что оказывалось под рукой, нечто вроде подушки. Про него была сочинена присказка: “Самый хитрый из евреев — это Вася Елисеев”. Вряд ли он на самом деле был евреем, да и особой хитростью не отличался.

Ваську ждало прекрасное журналистское будущее, но вольная жизнь и беспредельное разгильдяйство не дали этому сбыться. И вот читаю: был задержан в Алма-Ате по подозрению в укрытии наёмных убийц директора Карметкомбината, посажен в изолятор временного содержания, подвергался угрозам, в знак протеста объявлял голодовку... Это в одной газете, а в другой Васька публикует заметки об этом эпизоде своей и без того богатой событиями жизни. Уверяет: посажен был без всяких на то оснований, хотя, я думаю, поселить в своей квартире (если, конечно, она у него появилась) по своему раздолбайству и простоте душевной он мог кого угодно.

Вчера смотрел по “Останкино” выступление Б. Н. Ельцина — по-моему, в индийском парламенте. Впечатление — будто он опять был или в подпитии, или с похмелья, или “накачанный” какими-то препаратами. Медленная, заплетающаяся речь с длинными паузами... Зато пафоса — сверх меры. Безудержное восхваление здешней культуры и экономики. Ожидания аплодисментов в долгих паузах. Может быть, впрочем, это его стиль, потому что принимали его, скорее, хорошо... Удивляюсь тому, как быстро наши лидеры (те же Горбачёв, Ельцин) завоёвывали зарубежные аудитории... Научились бы лучше так же хорошо у себя дома дело делать.

Принята, наконец, новая Конституция Республики Казахстан. Отныне 28 января станет праздником, нерабочим днём.

Я не специалист, и мне трудно судить — хорош или плох наш новый Основной Закон, на котором было сломано столько копий. Всё же, мне кажется, тревога у значительной части неказахского населения, именуемой русскоязычной (хотя это неправильно с точки зрения элементарной логики, потому что большая часть казахов говорит по-русски, а, значит, тоже может именоваться русскоязычной) — остаётся. Из-за “языковых” и некоторых других статей.

Почитал отчёты о заключительных дискуссиях в парламенте. Подивился активности Шерхана Муртазы — писателя, в недавнем прошлом редактора “Егеменди Казахстан”, а ныне председателя Гостелерадио. То он предлагал в преамбуле вместо “мы — народ Казахстана” — “мы — казахский народ”; то высказывался против объявления русского языка “языком межнационального общения” (хотя эта формулировка никаких правовых последствий не несёт, а, следовательно, никому не даёт никаких гарантий); то предлагал решать вопрос о границах на референдуме лишь коренного (то есть казахского) населения...

Я помню его на пленуме Союза журналистов Казахстана, сидевшим в президиуме, колочеч-неприветливо глядевшим в зал... И если его продвигают вверх по служебной и политической лестнице, значит это кому-нибудь нужно?

Как бы там ни было, будем отныне жить по новой Конституции, и только сама жизнь ответит на вопрос, насколько отвечает чаяниям казахстанцев этот Основной Закон.

Большой скандал в Караганде, связанный с увольнением председателя местного облтелерадио. Здешнее ТВ и радио пользуется в области большой популярностью, за председателя были коллектив журналистов, шахтёры, местная интеллигенция, парламентарии от области и т. д. Были митинги протеста, обращения “наверх”, петиции собраний. И тем не менее “мятежный председатель” уволен — решением обладминистрации и республиканского Гостелерадио, возглавляемого Шерханом Муртазой.

Был на нашем павлодарском ТВ — пообщался с замом главного редактора Лидой Петровой. Пребывает в унынии — тянет на себе всю работу, одна поднимает двух дочерей, выматывается, а денег — кот наплакал, и никакого просвета.

Ушедший недавно от них В. Ч. (формально — её подчинённый) создал свою фирму (используя, кстати, и рычаги, которые ему давала высокая телевизионная должность) и теперь процветает. Главным образом торгует: покупает и перепродаёт. Иногда приглашает её к себе — угощает дорогими напитками и сигаретами, как будто говоря: вот как надо жить.

Всё это у нас называется рынок... Но если такие, как Лида Петрова, уйдут с телевидения, кто же останется? И что будут являть собой после этого наши СМИ? Волнует ли хоть сколько-нибудь это тех, кто наверху?

Отправил в “Ниву” очередную порцию “блесток”.

Банки плодятся — как тараканы. Только “прищучили” наш “Кереку банк”, как возник “Независимый коммерческий Ертис-банк” (даём рекламу), приглашает всех желающих в соучредители. Нет уж, хватит нам этих экспериментов.

Сессия Павлодарского горсовета приняла решение ввести с 1 февраля сбор со всех юридических лиц на развитие общественного транспорта — по шесть процентов от фонда заработной платы. Пока непонятно — значит ли это, что платить за проезд в городском транспорте мы не будем?

Небольшой, но хороший материал Л. Гришиной в сегодняшнем номере — “Очередь — как зеркало нашей перестройки”. Картинки с натуры, обывательские разговоры и грустно-справедливая концовка:

— Нет, мы будем сегодня двигаться, или нет?! — это возглас из очереди. И гришинское резюме:

“Действительно, будем ли сегодня двигаться или нет? А завтра будем двигаться? Или уже приехали? Впрочем, те, от кого это движение зависит, вряд ли стоят в очередях. И правильно делают: такого здесь послушаешься...”

Из хроники происшествий: в Павлодаре ночью украдено два десятка пятиметровых секций металлических цепей с декоративной изгороди, обрамляющей территорию Дворца пионеров. Похитители, как водится, не найдены.

31 января

Во вчерашнем номере опубликован мой материал “Сладкая женщина и все 80 её мужчин”. Долго раздумывал: писать — не писать, публиковать — не публиковать.

А предыстория такова: как-то, ещё в замах редактора, увидев её в своём кабинете, был просто поражён её бронзовым загаром, помог с каким-то объявлением, заметив попутно: мол, как отказать такой роскошной женщине... И вот, спустя несколько лет, она пришла и, слегка смущаясь, сказала, что хочет рассказать мне нечто не совсем обычное.

— Почему мне? — спросил я, — у нас есть отдел писем, там толковая заведующая — Суворова.

— Нет, я хочу только вам, потому что немного вас знаю, и потому могу довериться...

И поведала мне историю о своих многочисленных романах, причём не платонических, а плотских. Иные из них были одноразовыми, другие тянулись годами. “Контакты” происходили у неё и её партнёров дома, на рабочем месте и т.п.

— А как же муж? — спросил я. — Вы ведь замужем...

— Муж у меня “получает” когда хочет, сколько хочет и как захочет, — отвечала она, — конечно, он ничего не знает о моей второй жизни.

О некоторых своих контактах она сожалела, о других — ничуть; она не имела от этих связей на стороне никаких выгод и денег тоже. Всего же в её “коллекции” за примерно двадцать лет набралось около 80 мужиков. Кажется, она была не прочь пополнить её и мною, но я, отщупившись, дал понять: она меня интересует куда больше как тип “новой женщины”.

Она и сама не смогла объяснить — зачем рассказала мне всё это. Уверен — она не врала. Может, просто надо было перед кем-то выговориться. Я спросил: хочет ли она, чтобы я написал о ней. “Это дело ваше, — отвечала она, — но я бы, конечно, не хотела, чтобы меня узнали, если вы всё же напишете...”

И я после долгих колебаний написал — без всякой “клубнички”, изменив узнаваемые детали и оговорившись: раз “это” есть в жизни, значит имеет право быть обнародованным. Правда, фамилию свою не поставил, догадываясь, что потом проходу не будет..

2 февраля

Новая неделя началась под знаком “Сладкой женщины”. Уже в субботу утром позвонил какой-то полусумасшедший коммерсант, узнавший по справочному мой домашний телефон, и настойчиво добивался сообщить любые координаты героини. В чём ему, разумеется, было отказано.

Следующие дни также находился под перекрёстным обстрелом — своих и чужих. На работе пришла обиженная Гришина:

— Зачем ты это сделал?

— С чего ты решила, что это я?

— Да я тебя сразу вычислила... Прочитала — будто дерьма наелась... От дочери пришлось газету прятать... И все мои подруги возмущены!

В том же тоне была выдержана первая реакция большинства других позвонивших женщин: “Мы столько лет выписываем газету, так любим “Звёздочку”... А вы!.. Напечатать такую гадость... Кого и чему может научить эта публикация?.. Эта женщина — шлюха, проститутка, а вы пошли у неё на поводу... Мало нам гадости по телевидению и в видеосалонах, так ещё вы... Вашу газету читают дети...”

И далее — в том же духе. С некоторыми я пытался объясниться: газета не может быть благостнее самой жизни; вспомните хотя бы “Яму” Куприна, Мопассана, наконец... Но почти никто и слушать меня не хотел, обрушивая на мою бедную голову поток возмущений. И странное дело: никто почему-то не говорил о “клиентуре” “сладкой женщины” — все с ходу начинали “гвоздить” её.

Сказывается, видимо, и сложившийся образ нашей газеты — девственно-пуританский, и неудавшаяся интимная жизнь многих звонивших, и вообще ханжеское отношение в нашем деле ко всему “этому”... Так что или наша читательская аудитория оказалась не готова к публикации подобного рода, либо я с ней поторопился...

Хотя был один звонок иного рода. Некто Г. Д., представившийся предпринимателем, сказал, что считал нашу газету никчёмной и никудышной, а после этой публикации изменил своё мнение о ней. Он бы очень хотел встретиться с такой женщиной, поговорить... “Знаю я эти разговоры”, — подумал я и телефона ему не дал, но согласился записать его координаты — на случай, если она захочет с ним встретиться.

С лёгким смущением высказал своё мнение Б. В. Исаев: ему звонили два зама главы обл администрации — и оба недовольны — первый, мой ровесник, обеспокоен судьбой дочерей, а вторая даже сама хотела мне позвонить, но думает, что этот материал появился без моего ведома... Да, знала бы она, кто его написал...

Добавление из 2007 года. Подумал, что имеет смысл привести в книге тот давний монолог “сладкой женщины” и пусть читатели сами судят — насколько он заслуживал столь бурной реакции.

Неожиданная исповедь

Сладкая женщина и все 80 её мужчин

Когда она вдруг позвонила и попросила её выслушать, я не придал этому особого значения: мало ли людей обращаются в редакцию, чтобы пожаловаться на судьбу и окружающих, излить душу?

Но тут без преувеличения был особый случай. Рассказ этой женщины меня настолько — другого слова просто не подберу — ошарашил, что я долго не мог прийти в себя. Ничего подобного в моей уже довольно долгой журналистской практике слышать не приходилось. Я не знаю, почему она решалась мне открыться. Теперь, спустя какое-то время, думаю: наверное, ей самой нелегко было жить со всем этим и просто захотелось с кем-то поделиться.

Когда я спросил, хочет ли она, чтобы её исповедь была напечатана, моя собеседница ответила утвердительно, поставив одно условие: написанное надо будет ей показать. Но даже после этого я долго колебался: надо ли писать об этом, моё ли вообще это дело? В конце концов я сказал себе самому: а почему бы и нет? Почему не написать, если это есть в жизни? И что мы вообще знаем об этой стороне жизни?

И вот теперь, берясь за столь необычную для меня тему, я тоже ставлю сам себе одно условие: я не судья открывшейся мне женщине, но и не адвокат. Я лишь случайный свидетель её исповеди и моя задача — рассказать всё, как есть. Пусть это будет её собственный монолог.

Наконец, последнее. Всё в этом повествовании — правда. По понятным причинам изменены лишь фамилии и имена. А теперь слово моей собеседнице:

“Как всё это началось? Наверное, после смерти первого мужа и моего нового замужества. К сожалению, я поздно узнала, что мой второй муж сильно пьёт. Но мне всё же удалось уговорить его полечиться. После одного из уколов с ним стало плохо. Потом он, правда, оправился, но перестал быть мужчиной. И это не проходило долго — несколько месяцев. А я была сильная, здоровая тридцатилетняя женщина... И меня это сильно беспокоило... Надеюсь, вы меня понимаете?”

Быть так долго рядом с мужем... никем... становилось для меня просто невыносимым, и я решила открыться врачу — в нашей же газете прочитала, что в Павлодаре впервые открылся кабинет психотерапевтической помощи, в котором

ведёт приём опытный врач-сексопатолог. Всё как есть рассказала, он провёл тестирование и сказал мне, что я экстрасексуальна и что подобное встречается в природе крайне редко...

Я тогда не придавала его словам никакого значения, меня куда больше интересовал сугубо житейский вопрос: как сделать так, чтобы мне “хотелось поменьше”, а мужу, наоборот, побольше. Врач дал какие-то таблетки для нас обоих, мы их долго пили, но безрезультатно: жили, как и до этого — спали “вместе-врозь”.

Вот тут это впервые и произошло. Был у меня знакомый. Просто знакомый, но со связями. То одно поможет достать, то другое. Вроде как всё время была ему обязана чем-то. Раз поехали с ним за мясом, недалеко за город, на его машине. В “Жигулях” это и случилось, как-то очень быстро, само собой, что ли... Я толком даже ничего не успела почувствовать — помню как-то неудобно было, тесно... Переживала... Но потом всё повторилось — ещё и ещё. И я понемногу стала проще к этому относиться. Считала, надо платить: этому за то, что помогает доставать дефициты; другому — за то, что начальник, откажешь — с работы вылетит, а я ею дорожила.

Кстати, про начальника. Он был у нас на заводе директором, старый уже, а вцепился в меня мёртвой хваткой. Приучил к выпивке. Даст денег: “Ты там возьми что-нибудь”. Ну я брала — коньяк, вино, фрукты... Подарки дарил: духи, золото, шмотки. Три года я с ним пробыла — как на каторге. Что толку — что директор, когда в штанах ничего мужского... Я после каждой встречи с ним в душ ходила, как в дезинфекцию: тёрла себя мочалкой с мылом — чуть кожу не сдирала — хотелось не только следы его рук, губ, запах смыть, но и воспоминания о нём...

Несколько раз пыталась порвать с ним — стал премии лишать, пригрозил, что уволит. Больше не отказывалась, научилась играть — делала вид, что мне хорошо, что люблю. Наверное, грешно так говорить, но когда он неожиданно умер — у меня как камень с души свалился...

А вообще мне везло на начальников. Работала-то в отделе снабжения, то в местном, то заместителем секретаря парторганизации — всё время совещания, семинары, всегда на виду. К тому же все знали: если надо выбить что-то где-то, уладить деликатное дело — посылайте Катерину — у кого хочешь возьмёт, из-под земли достанет, с любым договорится. А я и не отказывалась — ходила, и давали, зачастую прямо спрашивая: “А платить чем будешь?”. “Договоримся!” — отвечала. И “договаривались”: с начальником строительной фирмы, одним из отцов города, двумя начальниками областных управлений, обкомовцами и райкомовцами, ребятами из “органов”. Кого только у меня не было и где я с ними только ни встречалась! И на дачах их трёхэтажных, и в квартирах их, напоминающих мебельные склады и витрины магазинов хрустали, и в квартирах их друзей и знакомых, и в так называемых ведомственных гостиницах, а на самом деле обычных квартирах... Добром мало кого вспоминаю. Мне кажется теперь, что чем выше человек по должности — тем он хуже. Да и как мужики почему-то почти все оказывались никудышными — вспомнить нечего.

Я потом решила — хватит. Сама буду выбирать. Кто понравится — тот и мой... Напрасно вы улыбаетесь, у нас от автобусной остановки до моего отдела снабжения — метров шестьсот. Я иногда, особенно летом, на каблуках, специально иду это расстояние с полчаса. Мужики шеи сворачивают. Сами потом прибегают на цыпочках: “Ах, Катерины Ивановна, ах, Катерина Ивановна!”. А улыбнусь кому — и вовсе готов, только глазом моргни. Но я, правда, с одним и тем же почти никогда долго не бываю: раз-два, ну от силы три... И до свидания. Беру, что хочу. А попробовала — всё, больше не надо. Бывает, звонят, просят: “Соскучился, давай увидимся”. Иногда и соглашаюсь, но редко... А как-то раз вышло, что за два дня сразу с тремя была: с двумя в один день (в разное, конечно, время), а с третьим — в другой.

Но не очень давно, года два назад, что-то невероятное случилось. Сама вдруг влюбилась, чего со мной по отношению ко всем моим партнёрам отродясь не было. Они мне, правда, клялись в любви, но я — никогда. А тут..

Послали меня в Москву — на повышение квалификации. И он там оказался, жили в одной гостинице. Пригласил в ресторан, выпили, потанцевали... Ну я и “завелась” и совершенно для себя неожиданно втюрилась, как дура. Оставшись до конца курсов две с лишним недели пронеслись как во сне. Честно говоря, думала: ничего, вот разъедемся — пройдёт, позабуду. А — не вышло. Я потом чуть с ума не сошла: как, оказывается, это тяжело — любить. За два месяца, что не виделись, на десять килограммов похудела, сердце стало прихватывать... Когда позвонил, я чуть сознание не потеряла. Приехал в конце рабочего дня, закрылись в отделе снабжения и целый час целовались, как ненормальные. Ведь мне 45 и ему столько же. Хотя говорят ведь: в 45 баба ягодка опять...

Нет, правда, со мной ничего похожего никогда в жизни не было. Я хожу и всё время боюсь, как бы с ним чего не случилось, всё время мерещится то какая-нибудь авария, то ещё что-нибудь. Он не звонит день-другой — я сама не своя. Настроения нет, голова болит, из рук всё валится... А встретимся (он и мужчина — каких у меня никогда не было) — как на крыльях летаю. Пою целый день, на работе всё переделаю, дома... Удивительное дело: он даже не столько в постели мне нужен, сколько вообще рядом — чтобы можно было слышать его, потрогать... И он тоже говорит, что любит. Говорит: “Какая ты красивая, сладкая”. Один раз ночью до того захотелось вслух его имя произнести, что мужа разбудила, спрашиваю: “Слушай, а правда, что Аркадий Гайдар родной дед российского Гайдара?”. А всё дело в том, что его имя — Аркадий. Муж не поймёт ничего спросонок, злитесь: “Ты что, чокнулась? Так к врачу сходи...”.

Вы говорите: почему бы в таком случае вообще не развестись с мужем и не сойтись с Аркадием? Но это же невозможно. Мы с мужем больше двадцати лет прожили, у нас дети, внуки. Да и он пропадёт без меня, совсем запыётся... Я его люблю по-своему. А вообще удивительная вещь: он как чувствует, что я встречаюсь с Аркадием. Как вернусь от него — тут как тут: хочу, мол. И хотя у меня всегда был принцип: муж должен получать у меня сколько захочет и как захочет, в этих случаях прямо зло разбирает: ну что ты, думаю, объедки подбираешь?.. А настоящей радости от встреч с мужем в постели я давно не испытываю, хотя у него с “этим делом” теперь всё в порядке. И вообще он знает мне цену, иногда говорит: “У тебя тело и руки волшебные, если ты захочешь, любой мужик, будь он хоть при смерти, прыгнет к тебе в постель...”.

Я вот говорила, что всё началось с тех пор, как я взялась лечить второго мужа от алкоголизма, а он временно стал импотентом. Но это, наверное, не совсем так. Было всякое и раньше. Как-то он ехал на своей машине (у нас старая “Волга”) нетрезвым и попался “гаишникам”. Пришёл пешком домой и заявляет: “Иди в ГАИ, что хочешь говори, хоть дай им, только пусть права вернут и бумагу на работу не посылают...”. Ну, я взяла бутылку коньяка, зашла там к одному, сказала всё, как было велено — слово в слово, добавив только: “Но, может, давать всё-таки не надо?”. Он оказался с чувством юмора, права тут же мне отдал и бумагу не послал. Хотя после я всё-таки была с ним...

Одно время мой нынешний муж меня прямо доводил: “Ну как твои любовники, довольны?”. А у меня тогда не было никого, я обижалась, плакала. Ему же хоть бы что — и проституткой меня “наворачивал” и б... (последнее у него было запросто: как он говорил, это для связки слов в предложении)... одна подруга меня надоумила: “А ты, говорит, не отпирайся — прими условия игры”. Так и сделала. Теперь спросит: “Ну что с любовниками?”. “Да, — говорю, — ничего, двоих отвадила, троих новых завела”. Говорю, между прочим, чистую правду,

не стеснясь. Но этим дело не заканчивается: “Ты бы, — говорит, — гуляла да с пользой, как Галка Самохвалова (эта наша общая знакомая). Та всё в дом несёт, а от тебя никакого проку”. “Ладно, — отвечаю, — подумаю”.

Вас интересует, смогла бы я делать то, что делаю, за деньги? Раньше такой вопрос посчитала бы оскорбительным, но сейчас думаю: если попадётся мужчина, с которым мне будет хорошо и который сам будет готов и способен платить за это, то почему бы и нет?

Вообще эти вещи у меня всякий раз по-разному получаются. Бывает — сплошной экспромт. Однажды на субботнике были — коммунистическом. Хорошо поработали, но перемерзли. У кого-то нашлась бутылка водки, а закуски нет. А у меня на работе в столе была банка солёных огурцов. Пошли с нашим парторгом — он вызвался помочь принести. Ну, открыли кабинет, вошли, я скинула пальто, полезла на стол, подаю ему банку... А сама не вижу, что верхняя пуговица на кофточке расстегнулась и грудь видна. Он сразу: “Ты что, специально?”. Я в шутку: “Да разве ж такая чурка, как ты, раззадорится?”. Он обиделся: “Я не чурка...” — и ко мне. Куда было деваться... Теперь и его держу рядом — так, на всякий случай. Он, в общем, неплохой мужик, хотя и не в моём вкусе.

Честно говоря, летом мне больше нравится иметь дело с мужчинами. Зимой пока разденешься — надоест. А летом у меня загар — сами видели, да грудь в нейлоновом лифчике — до сих пор стоит; юбку я снимаю со всем остальным сразу. Мужикам нравится — млеют. Но теперь я их всегда выбираю сама.

Не думайте, что я бесчувственная, бессердечная. Иногда я кажусь себе падшей женщиной, великой грешницей, вот и в церковь стала ходить. А другой раз подумаю: “Ну а кому плохо от того, что я так живу? Ведь я доставляю радость — себе и другим. Когда и тебе, и другому хорошо — что в этом плохого? И разве любить — это грех?”.

Вот вы спросили: “Как я отношусь к тому, если мои дочери начнут жить той же жизнью, что и я?”. И я вам отвечаю: если они будут получать при этом столько же удовольствия, столько телесной и душевной радости, то я нисколько об этом не пожалею... Кстати, у меня самой, я недавно посчитала, мужчин было что-то около восьмидесяти.

Сама страшусь теперь одного: боюсь постареть и утратить красоту настолько, что мужчины станут ко мне равнодушными. И поэтому, когда я читаю сегодня в газетах объявления типа: “Умная, привлекательная женщина с хорошим характером, умеющая хозяйка ищет спутника жизни”, мне всегда хочется дать своё. Такое, например: “Не очень умная, с не очень хорошим характером женщина, к тому же неумелая хозяйка, но очень искусная в любви ищет такого же спутника жизни... Торопитесь, у вас осталось мало времени!”.

Вчера позвонил Геннадий Бабин, сказал — хочет уходить из облсовета, зондировал почву насчёт возможного возвращения в редакцию, на свою последнюю должность — первого зама. Так прямо он вопрос не ставил, а спросил — уходит ли Ковхаев?

А у меня был разговор с Семерьяновым, которому я предложил стать первым замом. Он принял эту новость сдержанно, ответив: надо подумать... Поэтому Бабин у я сказал, что не готов обсуждать его проблему — во всяком случае прямо сейчас.

Мне не без труда удалось в своё время провести Геннадия в первые замы (многие были против), и когда он ушёл в обком, рассчитывал иметь там свою надёжную руку. Но — так уж складывались обстоятельства — чаще выходило совсем по-иному. Понимаю теперь: и он не всегда был в этом виноват (должность обязывала), и я иногда не мог отступить... Он человек работающий, порядочный, и на работу я его, конечно, возьму, но не в качестве первого зама.

Решили купить для конторы “Москвич” новой модели. Олег Александров нашёл фирму-продавца, договорились о цене — четыре с половиной миллиона рублей, уплатили деньги... А машины всё нет. Ругаю Олега почём зря, он меня успокаивает: “Я и сам не знал, что те, кому мы платили — не хозяева машины, а перекупщики; есть ещё другие посредники, которые должны рассчитываться с настоящими поставщиками; и пока деньги не попадут с одного счёта на второй, а со второго — на третий, машину не отдадут”.

И каждый получит свою долю. Такой у нас сегодня рынок. Боюсь теперь, как бы нас вообще не “кинули” — бывает и такое...

Невероятная вещь: только я сказал пресс-секретарю нового главы администрации, что неплохо было бы ему встретиться с редакторами обеих областных газет, как на следующий день был приглашён на беседу к Д. К. Ахметову. Попросил Б.В. Исаева предварительно переговорить с ним: не надо обладминистрации стремиться стать соучредителем нашей газеты, и без того мы можем всегда найти общий язык.

И хотя встречу можно считать отчасти протокольной, я ею остался доволен. Я сказал Даниалу Кенжетаевичу, что не собираюсь осложнять ему жизнь, но прошу иметь в виду — газета не может быть по содержанию лучше самой жизни, поэтому не стоит на нас обижаться за те или иные материалы и критику. Ещё попросил машину для редакции — пусть не новую, но приличную. И то, и другое было воспринято нормально.

“Перегулял” на дружеском ужине: или водка была некачественная, или организм подкачал, или пить надо меньше... Может, всё вместе взятое, а, может, “перенедопили”, как говорит один мой приятель. Что означает: выпили больше, чем могли, но меньше, чем хотели...

Очередная прелесть суверенизации: Россия вслед за Прибалтикой и Украиной перевела свою почту на международный режим работы. И теперь павлодарцы получают ранее отправленную ими корреспонденцию обратно. Вернулось Ольгино письмо, посланное ею в Новосибирск матери. Теперь надо наклеить на него марок на 15 рублей, а если отправляешь авиапочтой — на 25 рублей. В посылках нельзя теперь отправлять “за границу” (например, в Омск и Барнаул) продукты, обувь и прочие дефициты — составлен длинный специальный перечень.

Это к вопросу о прозрачных границах, обещанных в своё время Б.Н. Ельциным.

Новый способ выплаты зарплаты придумали в акционерном предприятии “Кызылжар” Аксуского района. Там закупили на несколько миллионов рублей мягкой мебели и продают её в рассрочку. В магазинах села продукты и товары тоже продаются (вернее было бы сказать — выдаются) “под зарплату”. Это уже не капитализм, а коммунизм получается — оказывается, можно обойтись и без денег.

Сессия Павлодарского горсовета после бурных дебатов приняла решение о введении шестипроцентного транспортного налога от фонда зарплаты, который обязаны будут платить все юридические лица. При этом

сохраняется символическая плата за проезд на городском общественном транспорте в три рубля.

Против такого подхода возражал директор алюминиевого завода Б. К. Акимкулов, и его можно понять: на сессии прозвучала цифра — 40 тысяч рублей, такова на этом предприятии средняя зарплата. Это значит, что алюминщики будут платить такую же сумму, как тракторостроители, которых вчетверо больше, но средняя зарплата у которых почти вчетверо меньше.

Директор “Туранбанка” Т. М. Манахаев предлагал не брать никакого налога, а установить цену на проезд, покрывающую издержки городского транспорта. Но тогда стоимость поездки возрастёт в разы, и не станут платить даже те, кто платит сейчас.

Транспортный налог — мера, конечно, вынужденная: общественный транспорт в Павлодаре и впрямь вот-вот остановится.

Публикуем большой статистический отчёт, полученный по каналам КазТАГ. О содержании его говорит заголовок: “Спутниками минувшего года были спад производства и рост цен”. Начал читать и бросил — тошно.

Слава Лесовский взял интервью у двукратного чемпиона мира среди молодёжи, серебряного призёра чемпионата мира прошлого года среди взрослых, мастера спорта международного класса по борьбе самбо Ержана Иманжусупова.

Помимо прочего, спросил: как живётся чемпиону в бытовом и материальном плане? Живёт он с женой и дочерью в однокомнатной квартире, полученной шесть лет назад, машины не имеет, едва сводит концы с концами. Чтобы выехать на соревнования за пределы Казахстана, сам бегаёт в поисках спонсоров.

А мы хотим, чтобы спорт у нас был на высоте...

Немецкий журнал “Штерн” заказал опрос среди молодёжи в ФРГ от 16 лет до 21 года, чтобы узнать имена идолов этого поколения немцев. Оказалось — Эйнштейн, Горбачёв и Иисус Христос. Не думаю, что в России и Казахстане Горбачёв попал бы в этот список — разве что со знаком минус...

Ещё прочитал в нашей газете: в Саудовской Аравии казнён самогонщик. В его квартире обнаружены оборудование “для этого дела”, сырьё, готовая продукция. Его уже привлекали за торговлю спиртом, которая там запрещена, шесть раз высылали из страны, но он всякий раз возвращался назад, и к своему бизнесу — тоже. И вот ему отрубили голову. А у нас был бы уважаемым и к тому же небедным человеком.

4 февраля

Опубликовали текст новой Конституции Республики Казахстан. Кстати, небольшой по объёму — всего две газетные страницы.

Из отчёта облстата за прошлый год: на 1 января население области составило 972,9 тысячи человек, увеличившись за год на 1200 человек.

В промышленности спад составил 9,5 процента (по республике — 14,8), в производстве продовольственных товаров — 25 процентов, в строительстве жилья — 27,5 процента... Зато, уверяют составители отчёта, спад промышленного производства приостановлен, что вселяет надежду на стабилизацию... Вряд ли с таким выводом согласятся читатели нашей газеты...

Новые веяния... Стали публиковать рекламу букмекерской конторы, которая принимает ставки на результаты спортивных соревнований. Пишут: "Вы имеете возможность выиграть неограниченную сумму...". Надо будет послать кого-нибудь из молодых журналистов — пусть напишут.

5 февраля

Объяснялся с Ю. А. Ковхаевым по поводу его будущего. Трудный, как это часто у нас с ним бывает, разговор... Он убеждал меня в необходимости оставить его на посту зама, пусть даже второго ("Штарк же уходит"). Я сказал — нет. В итоге мы договорились о том, что он станет спецкором при редакторе, работающим на особых условиях. Оклад у него будет выше корреспондентского — 14 тысяч рублей. Пенсию ему назначили — 5 тысяч. Будет ещё и гонорар.

Долго вчера общались с Б. В. Исаевым, и я с удивлением открыл для себя "другого Исаева" — "тонкокорого", как он сам о себе говорит, чувствительного, не лишённого комплексов. Да, как только жизнь по-настоящему прижимает человека, ему сразу становится не чуждо ничто человеческое. Видно, всё же он довольно одинок, потому что признался мне: никогда в жизни у него не было покровителя (в лучшем смысле этого слова), друга его уровня, к которому можно было бы прийти, вывалить все свои беды, поматериться и поплакаться, поделиться сомнениями, попросить совета...

Был у него в бытность первым секретарём обкома шофёр, который как-то сказал ему: "Когда я смотрю, как вы идёте от машины к зданию обкома, иногда думаю: если вдруг в дверь не попадёте — точно стену собой проломите". Столько в нём было напора и энергии. "Тогда я был главнокомандующий, — с грустью констатировал Б. В., — а теперь — главноуговаривающий...". Кажется, впрочем, он мне это уже говорил.

Б. В. вспомнил тяжёлый август 1991 года, едва не лишивший его должности. В ЦК Компартии Казахстана Б. В. зашёл в те дни к одному из секретарей ЦК и застал его в истерике: "Всё пропало, — кричал тот, — мы всё профукали!". Он понимал: провал ГКЧП означает крушение и его собственной карьеры. А я хорошо помню его: стройного, подтянутого, элегантного, в безукоризненно скроенном и столь же безукоризненно сидевшем на нём костюме.

Б. В. считает, что очень многие (в том числе и ставшие буквально через несколько дней "судьями") выжидали в те августовские дни — чья сторона перевесит, чем дело закончится...

— Почему я должен отвечать за грехи Брежнева и Горбачёва и за всё последующее? — с горечью и досадой говорил мне Б. В. — Почему мне ставят в упрёк сорвавшиеся с цепи цены, весь этот сегодняшний хаос? И никто не возмущается: почему нет СССР, коммунистической партии, социализма? Никому мы, "бывшие", не нужны, — констатировал Б. В., — ни России, ни нашему президенту...

Пришло два письменных отклика на "Сладкую женщину". Первое письмо — отчаянно-искренняя исповедь женщины: беспробудное пьянство мужа вызывает у неё, молодой жены, чувство отвращения к нему; а женское естество бунтует ("Хоть к соседу иди!"), требует своего... Другое письмо — тоже от женщины с несложившейся судьбой, которая нашла спасение в Боге. Очень глубокое, интересное письмо.

Но большинство читателей "долбят" меня за этот материал со всех сторон. Не знаю — надо ли объясниться публично и с ними?

Опять подавленное состояние. Хотя и дела на работе идут более-менее терпимо и перестановка в конторских “верхах” вроде удалась. Но как-то неуютно на душе — тревожно, пусто...

Походил сегодня по магазинам — снова выросли цены. Моей редакторской и Ольгиной “завотдельской” зарплат едва хватает на прокорм семьи...

О. говорит: не надо реагировать на то, что не можешь изменить, на те же российские события... Она права, но душа всё равно болит..

6 февраля

С третьего захода редакции экибастузской городской газеты “Заветы Ильича” удалось, наконец, изменить её название на “Голос Экибастуза”. Можно сказать, победили, хотя не зря говорят: хоть горшком назови — только в печь не сажай. Я помню, как перед нами, участниками семинара по внедрению рыночных основ в прессе, проводимого под эгидой Московской высшей партийной школы, расписывал процедуру смены заголовка “Московского комсомольца” его вальяжный редактор Павел Гусев: этот заголовок в течение года будет “таять”, уменьшаясь в размерах и т. д., а другой, новый, соответственно, расти. “Новый” в целях конспирации назван не был. Но тому минуло уж сколько лет, а “Московский комсомолец” так и остался “МК”, хотя ничего комсомольского там в помине нет; скорее, наоборот — всё сплошь “антикомсомольское”: зачем же менять раскрученный имидж, справедливо рассудили в редакции, если он и при капитализме даёт нам возможность заработать на хлеб с маслом.

“Комсомолка” также не собирается менять название; пусть оно выглядит издевательством на фоне в корне изменившегося содержания, зато кормит!

Злые талантливые заметки П. В. Лефлера в сегодняшнем номере — “Человек человеку теперь кто?”

“Кусок чёрного хозяйственного мыла, который прежде стоил 19 копеек, теперь стоит 72 рубля, или без малого в 400 раз больше. Но ведь такую несуразную цену тоже придумал человек. Так какой же он мне после этого товарищ или, тем более, друг или брат? И вот какая осенила напоследок загадка — может быть, мы уже живём при капитализме, в котором, как нам говорили, человек человеку волк? Только мы этого пока не знаем. Так пусть объявят. И пусть это будет капитализм с дешёвым мылом... А иначе нас вши заедят...”

В Аксуском районе закупают ружья, которыми тут намереваются вооружить чабанов и табунщиков. Не только волков они боятся, которых в последнее время становится больше, а скотокрадов, которые до того обнаглели, что среди белого дня могут подъехать на хорошей машине к отаре, загрузить пару-тройку, а то и больше овец — и только их видели. Всего будет приобретено более 300 ружей.

9 февраля

Из сегодняшнего непальского гороскопа: “Если Рыбы вложили средства в предприятие, которое вдруг застопорилось, забудьте о прибылях и выходите из игры, иначе обанкротитесь...”. Не о моих ли акциях в гарифуллинском “Гинзенге” идёт речь? Что-то я давно самого Рузиля не видел... Никакой прибыли я с этих акций пока не имел, а вложил три тысячи ещё советских рублей, на которые “Запорожец” купить можно было... Хотя вру: были дивиденды, но поскольку воспользоваться ими я всё равно не мог, то вложил в другое предприятие, им же созданное. Надо поискать Рузиля...

11 февраля

В Алма-Ате состоялась учредительная конференция Союза “Народное единство Казахстана”. Судя по тому, что её посетил и выступил на ней Н. А. Назарбаев, создание союза поощрено (если не инициировано) самими властями. Н. А. заявил в своей речи: “Чрезвычайно важна сегодня и идеология центризма — система взглядов, лишённых правого и левого толка. Сама постановка вопроса о координации усилий сторонников здравого смысла представляется мне весьма конструктивной”.

Мне, кстати, тоже. Не родилась бы только ещё одна компартия.

Новый глава обл администрации Д. К. Ахметов на очередном заседании коллегии сказал, что спрос должностных лиц по всем направлениям будет уже сточён. Наверное, и это надо, но не только это.

Цена на наш трактор зашкаливает за два с половиной миллиона рублей, и никто его не берёт по такой стоимости, а она будет расти. Или вот село: стоимость всей произведённой в прошлом году сельхозпродукции оценивается примерно в 35 миллиардов рублей, а чтобы просто свести концы с концами, совхозам и колхозам области надо минимум 50 миллиардов. И что тут можно сделать, никто не знает.

В Кокчетавской области ввели продовольственные карточки. Каждому горожанину полагается в месяц два килограмма мяса по 200 рублей за килограмм и 400 граммов сливочного масла из расчёта 400 рублей за килограмм.

12 февраля

Пятница. Неделя пролетела — как провалилась. Какая-то непроходимая депрессия: плохо засыпаю, рано просыпаюсь и потом уже не могу заснуть. Мысли — чередой: тяжёлые, тревожные...

В конторе физически ощущаю всеобщую апатию, многие только делают вид, что работают. Или я слишком многого хочу от людей, ведь заявила же мне на днях после воспитательной беседы одна хорошая журналистка: “Я же тебе не машина по выдаче строк!”. Хотя я и сказал ей всего-навсего, что она использует свой потенциал не наполовину даже, а на треть...

Живём мы в конторе по инерции... Нарочно — как моя мать выражается, что означает — не по-настоящему, а только делаем вид.

Вообще природа человека достаточно эгоистична — я всё больше ощущаю это по нашей конторе, где собрались, в сущности, не самые худшие люди — скорее, наоборот. Внешне они отвечают на мои попытки сподвигнуть их на работу по-новому вполне искренне, а иные — и горячо, но это никак не подтверждается делом. Или это инстинкт самосохранения у них срабатывает, ведь время теперь такое, что многие хотели бы не активничать, а наоборот, затаиться и переждать... Была бы возможность — иные и в спячку бы впали!

В сущности своей человек насколько совершенен, настолько и несовершенен, и любые сильные социально-политические сдвиги только высвечивают это. Глупо рассчитывать на то, что я смогу изменить природу людей, но сидеть сложа руки и ждать, сам не зная чего, ещё глупее.

Позвонила Лида Петрова с телевидения:

— Как поживаешь?

— Хреново. А ты?

— И я хреново...

Поговорили, называется...

Потом она спрашивает:

— Ты, случайно, не можешь занять семь миллионов?
 — Ни случайно, ни закономерно не могу, — отвечаю, — мы недавно заплатили за “Москвич” четыре с половиной миллиона — всё что наскребли, — а машины уже третью неделю нет. И ещё неизвестно — будет ли?

В России происходит что-то непонятное. Вчера опять встречались Ельцин, Хасбулатов и Зорькин. Референдума вроде не будет..

13 февраля

Повысили с первого февраля розничные цены на газету: отдаём номер “Союзпечати” по 5,5 рубля, она добавляет ещё 2,5, итого — восемь рублей. В то же время подписчикам газета обходится гораздо дешевле.

Те, кто покупает газету в киосках, звонят и ругаются. И мы объясняем с ними в сегодняшнем номере.

Новые веяния... Стали публиковать еженедельно “Рабочую неделю областной администрации” — что-то вроде справки о том, чем занимаются глава области и его замы. Какой-то смысл во всём этом есть, хотя форма не слишком удачная.

А пресс-служба главы стала к тому же издавать “Пресс-бюллетень” областной администрации... У нас хлеб отбирают! Но посмотрим — насколько у них духу хватит.

15 февраля

Позвонила старая читательница-инвалидка и задыхающимся от волнения или болезни голосом благодарила за то, что мы ей подписали (за наш счёт) газету. Как мало порой человеку надо...

А у меня дома — дурацкий конфликт с близким человеком. Понимаю, почему не могут договориться меж собой дураки, но почему умные, приличные люди так часто не понимают друг друга? Этого я понять не могу...

Сегодня опять тяжёлый день. Позвонили почтовики: они пересмотрели цены на доставку газеты. Я взбеленился, стал орать — сколько можно?! Наша нынешняя жизнь идёт по пословице: закон — тайга, медведь — хозяин; кто кого может, тот того и обдирает.

Думайте, отвечали мне, вот вам цифры по “Комсомолке” на второе полугодие: издательская цена газеты — 900 рублей, а стоимость услуг связи 1200. То есть выпустить газету оказывается в 1,3 раза дешевле, чем доставить её подписчику. Ну разве это не театр абсурда?

16 февраля

Хороший материал Любы Николаевой, журналистки из Ермака. Здешний хирург Ю. Кутарев около двух лет назад создал малое предприятие “Забота”, которое, преодолев немислимые сложности, начало выпускать хорошие протезы для инвалидов. Но они дорогие, потому что комплектующие приходится закупать в Москве, Харькове, Алма-Ате. Один протез обходится в 33 тысячи рублей, а Министерство социального обеспечения оплачивает всего 12 тысяч. Предприятие постоянно на грани банкротства, хотя желающих приобрести его протезы хоть отбавляй.

Люба взывает ко всем, кто хоть чем-то способен помочь “Заботе” — властям, “промышленным генералам”, коммерсантам. В пример приводит царя Николая Второго, организовавшего предприятие по изготовлению протезов на личные средства. Да ведь нам и царский пример — не указ.

Каких только бредовых предсказаний не печатают сегодняшние газеты. Вот некий восточный предсказатель Сарган публикует в “Экспресс К” (бывшая “Ленсмена”) прогноз для Н. А. Назарбаева, параллельно характеризуя президента: “Н. А. — знак удачи для Казахстана — открытый и чистый, он неспособен к мелочности, лицемерию, злословью и самой элементарной дипломатии...”. Если президент неспособен к последнему, как же он может быть первым лицом государства? Далее Сарган пророчит: “В 1999 году Н. А. возглавит некое мировое сообщество — это будет или ООН, или равнозначное многонациональное образование в мировом масштабе”.

Я прозевал, и мы напечатали всю эту дребедень в “Дайджест-клубе “ЗП”. И теперь наши меня уверяют: ничего страшного — интересно ведь.

И подобного “интересного” в этой подборке — хоть отбавляй. Издательство “Вагриус” разыскивает автора продолжения романа “Война и мир” — чистой воды рекламная акция. “Комсомолка” обнаружила в Латинской Америке восьмилетнюю мать, родившую сына. А в анналах мексиканского института социального обеспечения хранятся документы, подтверждающие материнство пятилетней девочки, которая в результате кесарева сечения произвела на свет вполне нормального жизнеспособного ребёнка.

Объявление из раздела “Знакомства” сегодняшнего номера: “Интеллигентная, симпатичная вдова (50, 163, 65), имеет квартиру в г. Волгодонске Ростовской области, желает познакомиться с целью создания семьи с интеллигентным мужчиной в пределах разумного возраста, обеспеченного жильём в Павлодаре”. Особенно умиляет — “в пределах разумного возраста”.

18 февраля

Коротко объяснился с читателями по поводу “Сладкой женщины” — не вдаваясь в подробности откликов и не вступая в дискуссию.

20 февраля

Зам главы обладминистрации А. С. Павлов ездил в Свердловскую область, задолжавшую экибастузским угольщикам шесть миллиардов рублей. Договорились, что свердловчане поставят нашему “Павлодарэнерго” оборудование в счёт долгов за уголь (а уж оно найдёт способ договориться с угольщиками). Ещё руководство Свердловской области заявило о готовности вкладывать средства в развитие экибастузских угольных разрезов.

Начали готовиться к 75-летию газеты. Людмила Гришина полистала “Колхозный путь” — предшественник “ЗП” — за 1931 год. “Оседание” коренного населения — то есть принуждение казахов к оседлому образу жизни — “встречает со стороны байства бешеное сопротивление” — пишет газета. В заметке “Кулацкой Подстенки больше нет, есть Подстенка — колхоз” автор сетует: “Колхозники заработали на трудодень всего по 7 копеек, а это — “результат работы классового врага”.

Из статьи “Чистка госаппарата — в массы!»: “Чистка должна завершиться орабочением госаппарата, выдвижением на место вычищенных — рабочих от станка, лучших ударников, принимавших активное участие в общественно-массовой работе”.

Или вот ещё: “Просьба ко всем гражданам, имеющим компрометирующие материалы на сотрудников РайПО, подавать их председателю комиссии по чистке тов. Дмитриеву...”

А это псевдонимы авторов “Колхозного пути”: Беда, Гвоздь, Крути-Верти, Знающий, Око, Самый, Зоркий, Проезжий... Один из них хвалит в газете пионера Юдичева, который “всё время бьёт тревогу. Он идёт по стопам дедушки Ленина, он подстёгивает своим примером старших. Побольше надо таких пионеров!”.

В заметке “Долой церковный звон!” говорится о том, что в Гавриловке церковь закрыли ещё в прошлом году, но вот церковный звон, разносящийся от соседей, “считаем ядом. Изживём его соединёнными усилиями ячеек союза воинствующих безбожников! Вызываем подстёпкинцев последовать нашему примеру и снять колокола”. А в Ямышево “после пятичасового собрания граждане решили: изъять все церковные ценности и обменять на семенное зерно!.. Довольно! — говорят ямышевцы. — У нас есть радио, будем слушать его, а не колокола”.

А это сообщение — из Сычёвки: “Хлебный план в посёлке не выполнен. Поселковцы, подбитые кулачеством, ноют: нет хлеба, голодаем! Но когда бригада из комсомольцев-активистов пошла по дворам, то у одного из главных крикунов — Сычёва В.Ф. — она нашла яму, где сохранялись 45 пудов овса, кожи, разные домашние вещи... Кулацкая яма убедила сычёвцев, что у классового врага хлебец есть. Надо только мобилизоваться как следует, разоблачить кулака — и план будет”.

Сначала искореняли хозяина всем миром, а теперь удивляемся: почему люди не хотят фермерствовать?

22 февраля

Мне 40 лет. Но когда мне говорят — разменял пятый десяток, я упираюсь: разменяю, когда стукнет 41. А вообще-то я ощущаю себя лет на 27... И если бы не лысина, да не пузцо...

Отмечали дома — в большом семейном кругу: мы с О., детьми и матерью, тёща Александра Яковлевна, Хухорева (за дядей Колей посылали машину — он ещё не оправился после инфаркта), брат Петька прилетел из Усть-Каменогорска, Лихановы... Ещё пришёл Эдуард Овчаренко, заявивший: знаю, что отмечаешь с семьёй, считай — и я член твоей семьи. Был Володя Бугаев, что тоже стало для меня неожиданностью, гулял с нами, фотографировал.

Наверное, никогда ещё не слышал я столько хороших слов в свой адрес. О. прочитала отрывок из стихов: “Единственный мой, спасибо за то, что ты есть на свете...”. Даже попели за общим столом... И в довершение ко всему Николай Лиханов выиграл у нас с братаном Петькой 1200 рублей в карты...

Я сомневался: собирать — не собирать гостей на свой первый юбилей, а теперь думаю — зря сомневался... Иногда большая родня — это и большие хлопоты, но бывает — и радость большая.

23 февраля

Новость из столицы нашей бывшей Родины — Москвы. Её мэр Ю. Лужков подписал распоряжение, согласно которому все “постоянно проживающие за пределами РФ в границах бывшего СССР”, приезжая в Москву, должны проходить регистрацию и платить за это удовольствие два процента минимальной российской зарплаты. Вот уж воистину: кого Бог хочет наказать, того лишает разума.

Административной дури, оказывается, не лишены и сверхвоспитанные японцы. Прочитал в нашей газете: практически всё руководство уважаемой здесь и в мире полугосударственной телекорпорации “Эн-Эйч-Кей” подверглось

позорному наказанию: кому-то урезана зарплата, кто-то понижен в должности, кто-то временно отстранён от работы. И всё лишь за то, что в документальном фильме об одной из провинций Непала государственные чиновники усмотрели “некоторое приукрашивание действительности”. Да уж... В не столь давние, да и в нынешние времена в СССР и странах социалистического содружества не осталось бы, наверное, ни одной газеты и телеканала, если бы их судили за приукрашивание советской действительности.

А М. С. Горбачёв всё не даёт миру забыть о себе. Он заявил журналу “Шпигель”: “Эра Горбачёва ещё не закончилась, она ещё только начинается”. Он готов занять и политическую должность, если такое предложение последует, но “возможен путь и без официального поста, как это видно на примере Дэн Сяопина в Китае...”. Как говорил один литературный герой, кажется, чеховский: съест ли он съест, да кто же ему даст?!

27 февраля

Павлодар — в центре международного скандала: в Бресте белорусские пограничники задержали автомашины нашего производственного объединения “Гамма” с газовыми пистолетами, предназначенными для Казахстана. Эта информация прозвучала по “Маяку”, а затем — по одному из российских телеканалов. И сегодня генеральный директор “Гаммы” А. Петренко объясняет в нашей газете: белорусы перестарались, груз имеет все необходимые документы, и теперь проблема решается на уровне правительств двух стран... Ещё Петренко говорит, что в планах “Гаммы” — производство газовых пистолетов в Павлодаре — по кооперации с западными партнёрами. Кроме того, объединение ежемесячно выпускает более 70 тысяч штук керамической посуды, которая пользуется очень широким спросом. Собираются тут наладить и выпуск цветных телевизоров, под что немцы готовы инвестировать десять миллионов марок.

Хорошо было бы поближе познакомиться с этим Петренко. Откуда они вообще такие берутся?

При павлодарской мечети открыто медресе — учебное заведение, где будут готовить мусульманских священнослужителей.

Председатель Кировского горсовета России Н. Липатников намерен уйти в отставку, поскольку не может полноценно исполнять свои обязанности в условиях непредсказуемости действий Верховного Совета и президента России. Лучше бы ушли последние двое — разве Хасбулатов и Ельцин полноценно исполняют свои обязанности? Но эти никогда сами не уйдут.

2 марта

В Москве прошли переговоры государственных делегаций России и Казахстана. Президенты двух стран “ещё раз подтвердили свои намерения активно использовать преимущества единой рублёвой зоны...”.

Перепечатаваем материал из “Экспресс К” — о жизни нашего знаменитого земляка Григория Потанина. Я знал о многих его заслугах, но не знал, что он был арестован по подозрению в организации кружка сибирских “сепаратистов”, пропагандирующих идеи отделения Сибири (!) от России, и осуждён на пять лет каторги. После освобождения много путешествовал — по Монголии, Китаю, Тибету.

Казахи любят Потанина: он знал их быт, традиции, дружил с Чоканом Валихановым. В одной из своих работ писал: “Можно предвидеть, что скоро родится “молодая Казашия”... Можно предугадывать, что казахская народность, подобно малорусской и польской, даст двуязычных писателей, которые будут писать и на казахском, и на русском языках... Многие черты этого молодого народа очень симпатичны”.

Советскую власть Г. Н. Потанин не принял и даже подписал против неё воззвание весной 1919 года... Он похоронен в Томске.

Прочитал в нашей газете выжимку из исследований американского экономиста Г. Джонсона: “Советская империя рухнула из-за многолетнего поддержания искусственных цен на мясные и молочные продукты. Цены на товары оставались по существу неизменными с 1962 по 1991 годы, что породило повышение спроса, особенно среди городского населения. Затраты на поддержание этих цен достигли в 1989-1990 годах суммы, равной или превышающей десятую часть валового национального продукта.

СССР был вынужден закупать в больших объёмах продовольственные товары на валюту за рубежом. Подобные закупки достигли в 80-х годах объёма 179 миллиардов долларов, что соответствовало половине валютных поступлений от продажи нефти...”.

Так это или не так — не знаю, но знаю, что многие годы СССР закупал в тех же США фуражное зерно, что трудно объяснить с точки зрения нормальной человеческой логики: неужели мы сами себя не могли обеспечить овсом, ячменём, другими кормами?

3 марта

Жизнь идёт относительно ровная и записывать стал реже.

Пошла новая пропагандистская волна, призванная объяснить народу Казахстана роль и значение принятой недавно Конституции. На днях получили из КазТАГ пространную статью председателя Верховного Совета С. А. Абдильдина под заголовком “Наша Конституция — священное писание для каждого гражданина, для каждого патриота отчизны”. Может, это перевод с казахского, но в стране, несколько поколений которой выросло в сугубо атеистических традициях, священное писание вряд вызовет священный трепет у большинства её граждан.

Вчера пришло рекомендательное письмо министра печати, в котором всем СМИ предписывается пропагандировать новую Конституцию — как ещё одно проявление демократии; а сравнивать её желательно с основными законами Прибалтики — гораздо менее демократичными (по отношению, например, к некоренному населению). Можно, впрочем, критиковать отдельные положения новой Конституции, однако лучше подчеркнуть её общее высокое качество в целом.

Понимаю — разьяснять надо, но не голые декларации, а улучшение жизни должно быть главным аргументом пропагандистской кампании.

У Б. В. Исаева родилась идея — высказаться по содержанию новой Конституции. Он позвал меня к себе и выдал готовый текст предполагаемых вопросов, которые я должен ему задать, и ответов на них.

Журналист, судя по форме и содержанию вопросов, выглядит таким нахлом-задирой, а председатель облсовета, наоборот, мудрым и рассудительным,

хотя всё время вынужден как будто оправдываться. И на фоне всего этого рождается трезвый взгляд на новый Основной Закон, в котором не нашлось места Советам в их нынешнем виде; нет главной цели, к которой граждане должны стремиться; где заведомо закладывается неравенство форм собственности (приоритет отдаётся частной) и т. д.

— Ну раз вы так всё хорошо, убедительно расписали, пусть это будет новый жанр — интервью с самим собой, — предложил я.

— Как это? — опешил он. — Такое разве бывает?

Словом, сразу эту мою идею Б.В. не воспринял, а поэтому я, наверное, с час записывал его вопросы (как будто мои) и уже готовые ответы на них. Сказал ему — через неделю принесу готовый текст. Срок в данном случае — несуразно большой, ведь всё и так практически готово, остаётся лишь почистить... Но я хотел дать ему время остыть, чуть-чуть отойти от столь возбудившей его (и не без основания) темы.

Разговор был утром, а вечером он позвонил и торжественно объявил:

— Интервью готово!

Более того, Б. В. даже не захотел прятаться за воображаемым журналистом, добавив к концу интервью приписку, раскрывающую его маленькую хитрость: спрашивающий и отвечающий — одно и то же лицо.

Материал вполне кондиционен. Конечно, он прозвучит диссонансом в сравнении с упоминавшейся статьёй председателя Верховного Совета и рядом других, уже появившихся в республиканских газетах. И я в лоб спросил Бориса Васильевича: отдаёт ли он себе отчёт в том, что его откровения совсем не вписываются в сладкоголосый хор воспевающих Конституцию?

— Осознаю, — услышал в ответ, — но кто-то ведь должен сказать то, о чём молчат другие, раскрыть глаза людям, отрезвить политиков...

Что ж, это поступок в его стиле. Будем публиковать. Хотя это и глас вопиющего в пустыне...

7 марта

Второй день отдыхаем и завтра ещё будем... По части отдыха мы большие специалисты — так бы работали!

Вчера проводил Ольгу с Димкой в Алма-Ату, в специализированный санаторий. Спасибо председателю облсовпрофа Аркадию Степановичу Малышкину — выручил с путёвкой. Ольга поехала с охотой и желанием отдохнуть — устала. К тому же и ей, и Димке надо подлечиться. Отправил их на поезде — на самолёте было бы накладно — до 12 тысяч рублей в одну сторону. Доперестраивались: авиарейсы закрываются пачками...

В пятницу поздравляли своих конторских женщин. Подарили им продуктовые наборы: чай, кофе, апельсины, тушёнку, сгущёнку — то, что они себе в сегодняшней жизни позволить не могут. Поставили несколько бутылок вишнёвого ликёра... Мужики демонстрировали свои таланты по части чтения стихов, пения и прочего артистизма — кто во что горазд.

Кажется, наша отнюдь не слабая "слабая" половина осталась довольна.

Б. В. Исаев дал обратный ход — забрал своё интервью, уже подготовленное к печати и запланированное в один из ближайших номеров. Отшутился:

— Прочитал у вас гороскоп — звёзды на этой неделе не советуют мне ввязываться в авантюры...

И добавил грустновато:

— А если серьёзно, то, думаю, не время — не поймут сейчас...

И он прав. Какие могут быть сомнения, тем более у человека, возглавлявшего одну из ветвей власти в области, после того как руководитель одной из ветвей верховной власти уже объявил Основной Закон “священным писанием”.

Кстати говоря, меня уже предупредили: после праздника в область прибывает высокопоставленная делегация из столицы с целью “идеологического обеспечения особой значимости новой Конституции для казахстанского общества”. Увидели бы они интервью председателя облсовета с самим собой — то-то бы порадовались!

Были сегодня с Пашкой на базаре. Цветы: гвоздика и тюльпан — 200-300 рублей за штуку, роза — до тысячи. Для сравнения: мясо — от 400 до 600 рублей за килограмм, картошка — 300 рублей ведро. Трижды подумаешь, прежде чем решишься, чем порадовать любимую: роскошной розой или тремя вёдрами картошки?

Разорились на тюльпаны...

Российский съезд народных депутатов вновь соберётся 10 марта. Хватит ли у депутатов ума отменить референдум с конфронтационными вопросами, способный расколоть страну? Ельцин даёт обратный ход — делает неуклюжие реверансы в адрес Гражданского союза и даже — отчасти — в адрес коммунистов. В России вообще, похоже, идёт процесс возрождения компартии, хотя вряд ли это может иметь в ближайшее время какие-то последствия.

Чемпион-штангист Юрий Власов (внешне он всегда мне нравился: не гора мяса, как его собратья по этому виду спорта, а вполне интеллигентный, подтянутый человек) всю “гвоздит” в “Правде” и “Советской России” демократов. Не исключает прихода к власти коммунистов, если партия действительно будет реформирована.

Продолжение следует.

Малая родина Юрия Гусинского

Он ушёл от нас в новогоднюю ночь десять лет тому назад.

Его жизнь оборвалась в самом её расцвете. Как писала последняя спутница Юрия, известная московская поэтесса Татьяна Реброва в посмертном сборнике “Бакены лета”: “Он жил в России, деля её судьбу, как делят кусок хлеба на двоих. Две эпохи, его и её судьба — перекалди-на одного креста.

А вот что думают и чувствуют, неся его, что происходит с душой, когда распинаяют на нём, — это уже содержание его книги. Она своевременна, как свеча в доме, когда перегорели пробки...”.

Юрий Яковлевич Гусинский родился в 1940 г. в Петропавловске. Окончив среднюю школу, уехал в Полудино, где работал в местной газете и первым секретарём райкома комсомола. Служил в армии. Был редактором на Петропавловской студии телевидения.

В 1965 году уехал в Москву учиться в Литературном институте. Многие годы работал в столичной печати. Стал членом Союза писателей, автором книг “Ценой любви”, “След ветра”, “Путь зерна” и др.

Стихи и поэмы Ю. Гусинского публиковались в “Литературной газете”, в журналах “Новый мир”, “Юность”, “Москва” и многих других изданиях.

Добавлю к этому от себя, что, живя в России, он никогда не забывал о своей родине, о Петропавловске, где так горячо и ярко в юности проявилась его поэтическая душа, и куда он постоянно стремился “прилететь издалека, перелётной хмурой птицей”, “хоть на час, хоть на минуту”.

Он не вошёл, а буквально ворвался в местную поэзию, представленную в то время такими яркими личностями, как его однофамилец Август Гусинский, Георгий Шапов, Олег Мухин...

Молодой, горячий, всегда с распахнутым воротом рубашки, он, казалось, задыхался от избытка молодости, степного разнотравья и горячего ветра перемен, ворвавшихся в нашу жизнь в 60-е годы с хрущёвской оттепелью, когда поэзия “переполняла” залы и аудитории учебных заведений, подмостки клубных сцен, выплёскивалась на площади и улицы.

Что-то в юношеских стихах Юрия Гусинского было от яростного Павла Васильева, наполненной экспрессией Марины Цветаевой, задорного Артюра Рембо, с томиком которого он не расставался...

Среди многих ярких юношеских строк стихов особенно запоминались бросающие вызов ханжеской морали, серой обывательской жизни, которую поэт всем существом своим активно не принимал.

И хотя талант его проявился ещё в юности, он, не в пример иным нынешним “молодым да ранним”, ещё ничем не проявившим себя, но устраивающим шумные презентации весьма далёких от художественного совершенства брошюр (были бы деньги, издавай что хочешь); которые в лучшем случае годятся разве что для семейного пользования, не спешил с изданием сборников. Когда они наконец-то вышли в Москве, то сразу же обратили на себя внимание.

Но вечная спутница подлинного таланта — неудовлетворённость собой — проявлялась у Юрия Гусинского и тогда, когда, казалось, пришло признание, появились крупные поэтические подборки, поэмы в популярных московских литературно-художественных журналах “Новый мир”, “Наш современник”, “Молодая гвардия”.

Он постоянно что-то отметал, что-то совершенствовал, был в вечном поиске. В конце 90-х Юрий Гусинский был известен больше как организатор, генератор идей и редактор газет “Оракул” и “Незримая сила”. Как он сам говорил о себе в одной из своих поэтических радиопередач: “Сейчас я очень много занимаюсь альтернативными науками, которые и науками-то ещё не признаны. К примеру, парапсихологией. Но одновременно изучаю и мифологию”.

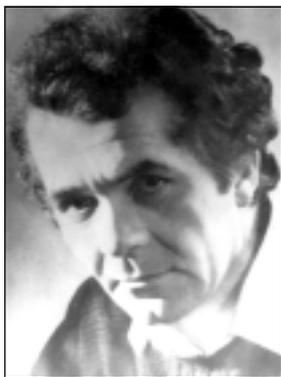
Одно из творений Юрия Гусинского “В памяти” можно считать своего рода поэтическим завещанием:

*Я стану придорожной пылью,
А может, злаком на стерне,
Я не хочу, чтобы забыли
Меня на дальней целине.*

Нет, не забыли мы тебя, Юрий! Помним тебя, издавая поэтические альманахи, ставя томики твоих стихов на достойное место в музее школы № 1 им. Айтхожина, где ты учился, в литературном отделе областного музейного объединения, представляя на книжных выставках библиотек, читая твои творения на поэтических вечерах и читательских конференциях и просто вспоминая в кругу друзей.

И пусть напомнят о тебе помещённые ниже твои стихи о малой родине, о которой ты всегда тосковал, которую стремился навестить, но так и не успел.

Владимир ШЕСТЕРИКОВ.

Юрий ГУСИНСКИЙ

“И сердце
разрывает
радость...”

Я край отлично этот знаю

Вода зелёная и злая,
Цветы здесь пряны и остры,

Я край отлично этот знаю.
Его я заново открыл.
Его суровость, щедрость, свежесть,
Весёлость сосен и осин
И первобытнейшую нежность
Его серебряных долин,
Его рассветов синих сырость,
И звёзды, моря зеленей,
И буйную хмельную сытость
Хлебами стонущих полей.
Всё необычно, резко, рьяно,
На все лады и голоса, —
И сердце разрывает радость,
И солнце хлещет по глазам.
Я вновь открыл дороги, тропы,
Пургу, метели, пот и труд,
Со мной в рабочих рыжих робах
Колумбы юные идут.
Все белозубы и безусы,
Шагают, песнями звеня,
Простоволосы, смуглы, русы
И прозаичны, как земля.
Они встают в её долинах,
В полынной горечи степей,
Они поят её бензином
У тёмных выжженных стерней,
И ярость бурная, земная
Клокочет песней по вискам,
Я край отлично этот знаю
По их натруженным рукам,
Когда по степям и обрываю
Рванулась жадно борозда,
Они тебя, мой край, открыли
Опять. Но только навсегда.

Малую родину я покидаю.
Пыль на дороге.
А в сердце — зима.
Что оставляю родимому краю?
Серые, вросшие в землю дома.

Тусклый булыжник трёх улиц мощёных.
В жёлтых акациях старый вокзал.
Малая родина!
В даях зелёных
Я никому про тебя не сказал.

Рыжие травы да ржавая птица,
Что не устанет над степью кружить.
Малая родина!
Чем тут гордиться?
Что в своём сердце до смерти носить?

Ветры родню разметают по свету.
Будут дома, где я жил, снесены.
Малая родина!
Что ж ты к ответу
Требуешь нынче, врываешься в сны?

Вместо асфальта пылают рябины,
Вместо газона блестит солончак.
Малая родина —
Край ястребиный!
Что ж ты мне сердце сжимаешь в кулак?

Топот табунный, кривые берёзы
Бьются о стёкла и рвут провода.
Малая родина —
В сердце заноза.
Вынешь — и канешь во тьму без следа.

По зову предков

На целине нет праздника без скачек.
Тревожно кони стыннут на лугу.
Беру седло. Я из семьи казачьей.
По зову предков запишусь в байгу.
Дымит толпа. Домбра звенит. Хлопочет
Судья. Поодаль бабы варят бешбармак.
Мой конь косит кровавым глазом. Хочет
Рвануться первым. Не дают никак.
Хлопок бича! И расстелились кони
По всей степи. Рябит в глазах ковыль.

Нас не видать. Лишь розовая пыль
Укажет след бушующей погони.
Попоной рыжей мчит навстречу степь.
Меня хлыстом огрел крутой соперник.
Догнать! Но пыль глотаю. Не успеть...
Но врѣшь — не ты сегодня будешь первым!
Прости, мой конь. Я вынужден тебя
Послать в полёт над голубым оврагом.
Ага! Тюльпаны дикие губя,
Теперь нам дышит в спину вся ватага.
Летит навстречу пѣстрая толпа,
Визжит и нас разглядывает жадно.
Мы первыми мелькнули у столба!
Весь в мыле конь. И проигравших жалко.

Борозда

Рассвет.
Нам надо торопиться —
Водою ледяной умыться,
А если выйдем, то побриться,
Да миской с кашею разжиться,
Да сухарей взять про запас.
Как говорится,
Дан приказ —
Мы поднимаем первый пласт.

Степь тихо ржёт, как кобылица,
Звенит, как утренняя птица,
Щебечет в древней тишине,
Над ней туман ещё струится,
Под ним трава ещё дымится,
Под ней —
В сплетении корней,
Которые давно ослепли,
Тоскуя в сумраке и пепле
О ясных факелах огней;
Под ней —
Горчит сплошной дерниной
Упрямый и неодолимый,
Призвавший нас —
Тысячелетний и целинный,
Наш первый пласт.

Ковыль струной из серебра
Трепещет, стонет, как домбра.
А дальше —
То мелькнёт, то меркнет

Напуганный мотором беркут.
А дальше —
В мареве тумана
Пылают красные тюльпаны.
Запоминайте, не мигая, —
Здесь будет красота другая!

Здесь будет красота иная.
Сейчас, отныне, навсегда
Всю степь от края и до края
Моя изменит борозда!

Зависть

Верно, возраст мой опасен,
Коль всё чаще снится мне
В чёрном поле трактор красный.
Рядом пахарь на стерне.

Курит жадно,
Дышит жарко...
Вот немного отдохнёт,
Руки вымоет в солярке,
Кепку шумно отряхнёт,
Подмигнёт одной доярке,
Дальше весело пойдёт.

Он пройдёт в цветной ковбойке
Вдоль весёлого села,
Независимый и бойкий.
— Как дела?
— Идут дела!

По плечу ему удача.
Что не так — переиначит,
На свой лад перевернёт
Или заново начнёт.
Сам везёт — ему везёт.

Землю всю вспахал покуда.
Победил.
Ему вослед
Ни смешка, ни смерча нет.

Я завидую отсюда
Парню.
Кто он и откуда?
Это я в семнадцать лет.

Песню напевая осторожно,
Сапоги повесив на плечо,
Пыльный и прямой, как подорожник,
По тропе шагает мужичок.

Он зачем весёлою походкой
Устремился к городу босой?
Если пьёт — то, может быть, за водкой.
А не пьёт — тогда за колбасой.

Вам-то до него какое дело!
Ах, попридержите языки,
Мол, о нём одном душа болела...
Выжил он заботам вопреки.

Многokrатно в жертву принесённый
Пламени решительных идей,
Выжил он, шагая непреклонно
Неприметной тропкою своей.

Он себя собою только мерит,
Он идёт себе куда-нибудь,
Ни во что вокруг пока не веря,
Только в свой непостижимый путь.

Я к воле, как будто в неволю,
У низких небес на виду
Пройду через русское поле,
По русской дороге пройду.

Где слева татарник лиловый,
Где справа заржавленный куст,
Где песня не ведает слова,
Где колос таинственно пуст.

Осыпались зёрна, седея.
И пыль под ногами, как прах.
Здесь мне ли с верёвкой на шее,
Иль предку идти в кандалах?

Всё спугали странные токи,
Пронзая меня со спины,
Где ели молчат, как пророки,
Забытою верой темны.

Но горбя покорную спину,
Бреду я туда, где одне
Кровавые руки рябины
Уже простирают ко мне.

Но ужас так долгод и краток,
Что стал как бы и нипочём.
Но чем он так дорог и сладок?
Не знаю я в сердце своём.

Прилечу издалека
Перелётной хмурой птицей,
Я не выдержал пока
Испытания столицей.

Я внезапно захотел
Убежать от горькой смуты,
Возвратиться в свой предел
Хоть на час, хоть на минуту.

Чтобы щёки мне ожёг,
Бил крупной оледенелой
Петропавловский снежок —
Самый колкий, самый белый.

Пусть на Пушкинской, в конце,
За панельными домами,
Будет дом,
А на крыльце
Снег хрустит под сапогами.

Пусть всю дымит труба
И струится дым дрожащий.
Подели меня, судьба,
Меж бывлым и настоящим!

Пусть в окошке ветра след,
Что увёл меня когда-то,
Нарисует мой портрет,
Помечая снегом даты.

Пусть в распахнутом пальто —
Словно крылья расправляя —
Вновь узнаю, что есть что,
Имена припоминая...

Мглою морозною дыша,
Дымом родины тревожным,
Отогреется душа
Постепенно, осторожно.

Иван БОЛУЧЕВСКИЙ,
ветеран войны и труда, кавалер ордена «Отан»

От Ишима до Дуная

О боевом пути 387-й Перекопской стрелковой дивизии

*Так вспомним, товарищ,
Как вместе сражались,
Как нас обжигала гроза,
Когда нам обоим сквозь дым улыбались
Её голубые глаза...*

Мой рассказ о мужественной сестре милосердия и о боевом пути 387-й стрелковой дивизии.

Раиса Ефимовна Чунихина (в девичестве Баканова) родилась 15 сентября 1921 года в селе Верхняя Орловка Сергиевского района Самарской (в прошлом Куйбышевской) области — фактически она моя ровесница. В 1931 году родителей с детьми выселили в Казахстан, местом жительства определили так называемую 11-ю “точку” Осакаровского района Карагандинской области. Там Рая закончила семь классов неполной средней школы и в 1939 году поступила в двухгодичное медицинское училище в Акмолинске.

Июнь 41-го... Учащиеся готовились к сдаче выпускных экзаменов. И тут — война, ставшая для советского народа Великой Отечественной и перепахавшая судьбы миллионов людей. Учащиеся медучилища в спешном порядке сдали экзамены. Медицинские сёстры Рая Баканова и её подруга Мария Плескачевская получили направление на работу в больницу Энбекшильдерского района Кокчетавской области. И почти сразу подружки написали заявления в райвоенкомат с просьбой отправить их добровольцами на фронт. Просьба девчат была удовлетворена.

В то же самое время, точнее сказать, в августе 1941 года, в Акмолинск прибыла группа строевых командиров во главе с полковником Михаилом Андреевичем Сущенко, которой за короткий срок предстояло сформировать 387-ю стрелковую дивизию. Полковник Сущенко стал её командиром, полковой комиссар Артём Дмитриевич Шкутский — военным комиссаром, майор Данилевский — начальником штаба, батальонный комиссар Яков Михайлович Сикорь — начальником политотдела.

Штаб размещался в кирпичном доме, который и сейчас находится на проспекте Абая Астаны, напротив семиэтажного здания, именовавшегося ранее Домом Советов. Указанное выше помещение сейчас принадлежит “Казахтелекому”, а до этого его занимала городская телефонная станция. На западной торцевой стороне имеется мемориальная доска: “В этом здании в конце 1941 года размещался штаб 387-й стрелковой дивизии”.

Соединение это формировалось из лиц, призванных на военную службу по мобилизации из Карагандинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Акмолинской областей.

Формировалась 387-я, так же как и другие соединения, в составе трёх стрелковых полков: 1271-го, 1273-го и 1275-го, одного 1949-го артиллерийского полков, отдельного 211-го истребительно-противотанкового дивизиона, 448-й роты механизированной разведки, 471-го медико-санитарного батальона, 664-й роты химической защиты и других служб обеспечения и снабжения. Общая численность личного состава — одиннадцать тысяч человек.

Командирами полков и батальонов были назначены кадровые военнослужащие Красной Армии, а роты и взводы возглавляли молодые строевые командиры, досрочно выпущенные из Алма-Атинского, Ташкентского и других военных училищ, а также призванные из запаса.

Военкомами полков и батальонов стали кадровые политработники, а комиссарами батарей и рот — призванные в порядке общей или партийной мобилизации партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники. Упомянутые области дали и основной костяк младшего командного состава (сержантов и старшин) и рядовых бойцов в возрасте от 25 до 40 лет. Они представляли собой сплочённую фронтовую семью, в состав которой вошли лица почти тридцати национальностей.

Большую помощь в укомплектовании дивизии партийным и комсомольским составом оказал первый секретарь Акмолинского обкома Компартии Казахстана Каирбек Жантаев.

Немалое количество призванных на военную службу в 387-ю дивизию ранее служили в Красной Армии, некоторые из них принимали участие в боях с самураями у озера Хасан в 1938 году, другие — на реке Халхин-Гол в 1939 году...

Две молоденькие выпускницы Акмолинского медучилища Мария Плещакевская и Раиса Баканова с предписаниями райвоенкомата “для прохождения дальнейшей военной службы” снова возвратились в город на Ишиме, где началась их юность. Явились в штаб 387-й дивизии и, что называется, с распротёртыми руками были приняты начальником штаба майором Данилевским. Что им бросилось в глаза с первого взгляда — его стройная выправка, подтянутость и огромная копна вьющихся кудрявых и чёрных, как смоль, волос. Поздравив девушек, любезно усаженных на стулья напротив своего стола, с прибытием в стрелковую дивизию, сказал: “Как перелётные птицы прилетают из тёплых краёв весной в места гнездования, так и вы, девицы-красавицы, как ласточки-касатки, прибыли к нам, чтобы начать свою военную службу. Будете служить в медико-санитарном батальоне, который так же, как и вся дивизия, только формируется. Со временем мы призовём в него и других сестёр милосердия, окончивших, как и вы, Акмолинское медучилище. Вместе учились, вместе и служить будете, а как говорят, гуртом и батьку легче бить, так и военную службу вам будет легче нести”.

Пожав им крепко руки, майор пожелал подругам всего наилучшего: “Берегите себя, девочки, чтобы с победой возвратились домой”. А вот что поведала мне спустя многие десятилетия Раиса Ефимовна: “Окрылённые первой доброжелательной встречей с начальником штаба, мы с Машей направились в расположение своего подразделения. В период формирования соединения медсанбат размещался на территории городской инфекционной больницы, в которой мы во время обучения проходили практические занятия. Принял нас военврач второго ранга Васильев, а имя и отчество его точно уж и не помню — Анисим Александрович или же Александр Анисимович. В его кабинете сидел военврач третьего ранга Николай Николаевич Цыбенко. Расспросив нас о том, как учились, откуда прибыли, Васильев подробно рассказал нам о предстоящей службе, о функциях и задачах подразделения во фронтовых условиях. Мы узнали, что численность личного состава медсанбата 250 человек, в его распоряжении будет 30 автомобилей для вывозки раненых с поля боя и транспортировки их при необходимости в полевой госпиталь армии. Состоит он из отрядов: сортировочного, эвакуационного, терапевтического, хирургического, инфекционного, химической защиты, дезинфекционного и административного, в распоряжении которого столовая с кухней и моечная, имеется небольшой стационар для лечения выздоравливающих легкораненых и больных, примерно на 20 коек.

Я попала во взвод сортировки раненых, поступивших в санбат. Командиром взвода был Николай Николаевич Цыбенко, кроме него: военфельдшер, две медсестры, шесть санитаров и другой обслуживающий персонал. Поскольку тогда инфекционных больных в стационаре не было, то часть палат занимали мы, медсанбатовцы”.

Забегая в воспоминаниях далеко вперёд, Раиса Ефимовна сказала: “Когда мы попали на фронт, то в боевой обстановке нам приходилось работать сутками, так как с поля боя поступало много раненых. Тут было не до сна и отдыха, не было времени, чтобы присесть, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть. Да и поесть приходилось на скорую руку. Словом, крутились как белка в колесе, всё бегом да бегом. Нередко и раненых приходилось кормить с ложечки и поить из кружки. Иначе говоря, работы было хоть отбавляй. Но мы всё переносили, терпели.

Перед убытием на фронт большую помощь медсанбату оказала Шортландинская мебельная фабрика, обеспечившая столами, стульями, топчанами-лежаками и другой необходимой мебелью. Тюфячными, матрачными и подушечными наволочками и одеялами нас снабжали Петропавловская швейная фабрика, Карагандинская и Кустанайская пошивочные мастерские.

В хирургическом отделении медсанбата были очень опытные эскулапы, их с полным основанием можно отнести к настоящим чудотворцам, которые иной раз даже в боевой обстановке проводили трепанации черепа.

Укомплектование личным составом и материальной частью 387-й дивизии закончилось накануне всенародного праздника — 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. А 7-го ноября 1941 года командир дивизии приказал личному составу занять вагоны-теплушки с деревянными двухъярусными нарами на 32 человека, а материальную часть и другое военное имущество погрузить на платформы. И вот прозвучала команда: “По ва-а-а-го-о-на-ам!..” — и наш эшелон отправился со станции Акмолинск далеко на запад. Куда нас везут, естественно, никто не знал, за исключением командования. Но всем было ясно и понятно, что едем не на экскурсию, а на фронт, в действующую армию.

Через несколько дней состав, в котором мы ехали, остановился на станциях Беково и Вертичево Пензенской области. Тут наша дивизия вошла в состав 61-й армии генерал-лейтенанта М. М. Попова и разместилась в окрестных сёлах. Фронт был ещё далеко. Начали строить землянки, блиндажи, заниматься боевой подготовкой. В декабре повалил снег, ударили жгучие морозы. Строить и учиться стало всё труднее. А вскоре все строительные работы и занятия по боевой и политической подготовке пришлось прекратить. Поступил приказ на погрузку в эшелон. За сутки проехали Тамбовскую область. В Мичуринске и Кочетовке разгрузились...”

Сформированная в Акмолинске 387-я стрелковая дивизия походным порядком двинулась вслед за войсками Юго-Западного фронта, шла по горячим следам только что закончившихся сражений.

Армии генерала Попова предстояло развивать наступление на Орёл и Болхов. Первую боевую задачу 387-я получила 26 декабря сорок первого. Ей предстояло прорвать оборону врага на участке Троицкое (ныне Троицко-Бачурино) — Средние Ростоки, несколько южнее города Белёва (Тульской области), с тем чтобы выйти к Оке, форсировать её и во взаимодействии с соседями взять Болхов.

Начало боевых действий соединения было весьма успешным. В ночь на 27-е декабря внезапным и сильным ударом 1275-й стрелковый полк освободил село Троицкое. 27 и 28 декабря очистил от врага правобережье реки и освободил от фашистов Большие Сальницы, Тышлинцы, хутора Городище и Красное.

Самое тяжёлое положение сложилось на левом фланге 1273-го стрелкового полка, ещё накануне понёсшего значительные потери в личном составе. В ночь на четвёртое января сорок второго года этой части всё-таки удалось выбить гитлеровцев из села Сивково, но продвинуться дальше и подойти к Болхову с юга она не смогла. Противник ввёл в бой не только крупные силы пехоты, но и танки, для успешной борьбы с которыми соединение ещё не получило на своё вооружение противотанковые и зенитные орудия.

В ночь на 6-е января дивизия по приказу командования передала свой участок обороны соседям и походными колоннами двинулась вдоль фронта на север. Шла в трёх-четырёх километрах от переднего края противника. Обойдя Белёв с севера, она повернула на юго-запад, а затем строго на юг. Уничтожая небольшие группы прикрытия фашистов, казахстанцы прошли через Чернышёво, Сорокино, Уколицу, Песчанку и Нагую.

В ночь на 23 января 1273-й стрелковый полк ворвался в посёлок Городок, разгромив при этом штаб немецкой пехотной дивизии. Но не успел как следует укрепиться, как гитлеровцы перешли в контратаку и выбили полк из посёлка. С подходом на помощь 1271-го полка посёлок Городок снова оказался в наших руках. А потом были взяты Новонинская и Турья. И теперь без промедления была организована огневая система обороны от вражеских войск, благодаря чему наступление противника с треском провалилось.

К 25 января войска правого крыла 61-й армии освободили Белёв и километров на 50 вклинились в оборону немцев, охватив с запада их группировку. На Болхов 387-я наступала с севера, до города ей осталось пройти километров 45, а её соседи слева — 350-я стрелковая и 91-я кавалерийская дивизия находились в 8-10 километрах юго-западнее от него. Угроза окружения Болхова нашими войсками для фрицев на западе и севере стала реальной. В связи с этим враг передвинул свои ударные силы на запад и северо-запад. В начале февраля гитлеровцы мощнейшим ударом пехотных и двух танковых дивизий обрушились на наши войска. Численный перевес и превосходство в авиации, танках и артиллерии позволили противнику остановить продвижение советских соединений, вклинившихся в его оборону. Поэтому 387-я дивизия после многократных и изнурительных боёв вынуждена была оставить Городок, Ягодное и Ржавку. Только на рубеже Петуховка и Крапивка контрнаступление врага удалось остановить, что позволило стабилизировать линию фронта на её участке.

Активные боевые действия разыгрались у села Весенины. В схватке за этот населённый пункт смертью храбрых погибло 66 отважных воинов-казахстанцев. За их гибель враг заплатился пятьюстами трупов своих солдат и офицеров. О страшных боях у этого села писала тогда армейская и фронтовая печать, а затем и "Красная звезда", рассказавшие о героизме и мужестве коммунистов Ваганова и Горностаева, о беспримерном подвиге бойца Прокопьева, уничтожившего в рукопашной схватке восьмерых гитлеровцев, о пулемётчиках Фёдорове и Ромаданове, расстрелявших в упор 28 вражеских солдат — целый взвод, и других воинах, отличившихся в боях.

Приказом командования 387-я, передав свои позиции 50-й стрелковой дивизии, передвинулась километров на 25-30 к западу и заняла оборону у Дудоревского стеклозавода, сёл Медынцево и Михайлово.

Здесь было относительное затишье. Закончилось оно одиннадцатого августа. На рассвете после мощнейшей артиллерийско-миномётной подготовки и ударов авиации противник ввёл в бой пять танковых и до десяти пехотных дивизий. Удар они нанесли в центре и на правом крыле 61-й армии, чтобы выйти к Юхнову и поставить под угрозу войска нашего Западного фронта, обеспечить успешное продвижение своих войск на Кавказ и Сталинград.

На участке 387-й дивизии противник сначала ограничился сковывающими её боями. Но на другой день, прорвав оборону соседней дивизии, объявился в её тылах. Нависла угроза окружения.

В ночь на 12 августа командиру дивизии полковнику Петнишину разведка доложила, что противник готовится к нанесению артиллерийско-миномётного удара, чтобы ликвидировать последний "коридор", который удерживали наши артиллеристы и где выходили из окружения ослабленные части и соединения. Комдив отдал приказ скрытно сниматься с огневых позиций и вслед за пехотинцами уходить на север. Так противотанковая группа обеспечила выход из окружения двух соединений.

Первыми 15-16 августа прибыли к сёлам Красный Октябрь и Вяльцево Ульяновского района остатки 1273-го стрелкового полка. Затем туда же прорвалась боевая группа 1275-го стрелкового полка. Выходили и мелкими группами. Многие погибли в скоротечных схватках с врагом в лесных просеках и на просёлочных дорогах на пути к реке Жиздре. Другие пропали без вести, и из них лишь единицы возвратились домой после войны: они угодили в плен к фашистам, там находились на каторжных работах и чудом выжили в концлагерях смерти.

Великое мужество, подлинный героизм и отвагу проявили в те труднейшие дни санитары, медицинские сёстры и врачи 471-го медсанбата. Они под ураганным огнём врага оказывали необходимую помощь раненым, прятали их в укрытиях и полевых складках местности. Нередко и им приходилось брать в руки оружие и вступать в смертельную схватку с гитлеровцами. А чего стоило, например, вынести раненых к Жиздре, к месту переправы, чтобы спасти их от неминуемой смерти или фашистского плена. Вот их имена: Мария Плескачевская, Александра Бакишева, Галина Руденко, Людмила Новкова, Александра Голик, Мария Полещук, Матрёна Постановичева, Валентина Курилкина, Лидия Серебрякова, Клавдия Леткова и т. д.

Несколько слов о Раисе Ефимовне Бакановой. Кроме обязанностей по службе она занималась ещё и ответственной общественной работой — была заместителем секретаря комсомольской организации 471-го медсанбата. Летом 1942 года девушка решила вступить кандидатом в члены партии. И получила первое партийное поручение начальника политотдела соединения батальонного комиссара Я. М. Сикаря: вынести из окружения и спасти, а в крайнем случае — уничтожить партийные и комсомольские билеты, протоколы партийных собраний и списки коммунистов соединения. Это поручение Рая выполнила успешно. А в члены ВКП(б) она была принята в следующем 1943 году.

Раиса Ефимовна говорила об этом так: "Перед выходом из окружения свою санитарную сумку я заполнила до отказа партийными документами. Вниз положила партийные и комсомольские билеты, на них перевязочные бинты, вату, затем протоколы партсобраний и списки коммунистов, а сверху снова уложила марлю и пакеты первой помощи бойцам. Натискала в сумку всего столько, что свою пайку хлеба всунуть в неё было просто невозможно. Спасибо подружке, Маше, которая несла и мой хлеб насущный. Так вместе с другими сослуживцами медсанбата я и вышла из окружения.

Как-то ночью вражеские танки, прорвав оборону соседней с нами дивизии, вошли в расположение нашей дивизии и остановились в нескольких сотнях метров от оврага, в котором мы маскировали тяжелораненых бойцов. Не помню уже, как мы пережили этот кошмарный день, а ночью буквально из-под носа немцев на носилках стали выносить раненых в лес за несколько километров. Руки были в кровавых мозолях. Казалось, физические силы покидают нас. Но, передохнув несколько минут, возвращались за остальными пострадавшими в бою. Трое суток без пищи, отдыха и сна двигались мы по лесу, унося на руках раненых.

И вот впереди показался небольшой хуторок. Послали разведку — узнать, нет ли там фашистов. К счастью, немцев в нём не оказалось. Разместились в одном из свободных домов. Не прошло и часа, как услышали громкий гул моторов и лязг гусениц. А вскоре увидели на перекрёстке дорог танки противника, которые двигались к занятому нами хутору. Все мы решили достойно принять смерть, а она была неминуема. И вдруг чудо: на бреющем полёте из-за леса вынырнула группа наших штурмовиков, сразу же атаковавшая немецкую колонну и уничтожившая пять танков. Внезапным нападением наши самолёты вызвали в стане врага панику. Не ожидая такого дерзкого и внезапного удара с воздуха, противник дрогнул и повернул вспять. Через какое-то время за нами прибыли автомашины, они вывезли раненых и нас, еле живых, у которых фактически не осталось сил для того, чтобы самостоятельно передвигаться...”.

До двадцать четвёртого августа 1942 года продолжался выход из окружения частей и подразделений 387-й дивизии. Перед прорывом пришлось утопить в болоте или привести в негодность орудия и миномёты. А лошадёй загнали в лес и отпустили в надежде на то, что их подберут местные жители. Оставили только стрелковое и автоматическое оружие. А самое главное — воины вынесли боевые красные знамёна полков и дивизии, сохранили фронтовую честь, верность присяге и Родине.

В конце августа подразделения 387-й, вышедшие из окружения, были сведены в один полк под командованием капитана Горинова, занявший оборону на северном берегу реки Жиздра. С горечью и печалью говорила Раиса Ефимовна о потере своих подруг, медицинских сестёр, на огненной дороге от упомянутого выше Дударевского стеклозавода к переправе на Жиздре — Людмилы Новковой и Александры Голик. Всего на шесть месяцев пережила их Мария Полищук. Спасая раненых, она погибла восьмого февраля 1943 года под хутором Красный двор Ростовской области...

Передав свой участок обороны на реке Жиздра, 387-я по железной дороге снова возвратилась в Мичуринск, от которого начала свой боевой путь. Девятого сентября сорок второго она вошла в состав войск Первой ударной армии и сразу же началось её доукомплектование личным составом и перевооружением. Маршевыми ротами и отдельными группами прибывало пополнение. В числе первых прибыл и новый командир, полковник Александр Константинович Макарин, окончивший высшие командные курсы “Выстрел”, военную академию имени М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. За его плечами были Гражданская война и начальный период Великой Отечественной, в том числе и оборонительные бои под Сталинградом. В спешном порядке в район ожесточённых боёв была передислоцирована и 387-я дивизия. Десятого-двенадцатого декабря она выгрузилась на станциях Аркада, Лог и сразу же двинулась на юг. Шла по бездорожью, сквозь морозные ночи и дневную оттепель, сквозь пургу. Дивизия составляла резерв 2-й гвардейской ударной армии, командовал которой генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский — будущий Маршал Советского Союза. Сапёры 666-го инженерно-сапёрного батальона соединения стали минировать подходы к переднему краю обороны. Танки, не имея горючего, были зарыты в землю и готовились к активным боевым действиям в качестве мощных наземных огневых артиллерийских точек.

Впереди отчётливо уже виделись ожесточённые бои с фашистами полков 3-й и 49-й гвардейских дивизий. Из 387-й принять участие в них довелось только огневым расчётам 949-го артиллерийского полка полковника Мухина. В ночь на 21 декабря по команде: “В ружьё!” они были сняты с занимаемых позиций и

только с пушками и необходимым количеством снарядов вышли к Васильевке, к которой прорвались вражеские танки из армии генерала Германа Гота и пехота на машинах. Лишь один стрелковый батальон нашей 387-й дивизии вёл неравный бой с фашистами. Но на выручку ему вовремя подоспели пушкари 949-го артиллерийского полка. Огневые расчёты с ходу развернулись и открыли ураганный огонь по фашистам. Картечью они выкосили до батальона вражеских солдат и офицеров, бронбойными снарядами подбили и сожгли более десяти автомашин и несколько танков. Гитлеровцы в страхе бежали из Васильевки. Не прошли они и на других участках, занимаемых армией. Командарм 2-й гвардейской, подводя итог дня, сказал своим ближайшим помощникам: «Сегодня мы остановили грозного и сильного противника. Теперь сами перейдём в наступление и погоним его прочь с родной земли».

В результате боёв с 10-го января по 2-е февраля 1943 года были разгромлены 22 дивизии вермахта. Только войска Донского фронта генерал-полковника Константина Константиновича Рокоссовского за этот же период взяли в плен 91 тысячу гитлеровских солдат и офицеров, в том числе две с половиной тысячи офицеров и генералов во главе с командующим 6-й армией Фридрихом Паулюсом, которому 30 января Гитлер присвоил высшее воинское звание генерал-фельдмаршала.

На поле брани нашими похоронными командами было подобрано и передано земле 147200 трупов вражеских вояк.

Общие же потери немецко-фашистских соединений в героической Сталинградской битве за время наступления наших войск с 19-го ноября сорок второго по 2-е февраля сорок третьего составили свыше 800 тысяч человек, около двух тысяч танков и самоходных орудий, более 10 тысяч пушек и миномётов, в том числе и реактивного действия, до трёх тысяч боевых и транспортных самолётов, десятки тысяч автомашин, в их числе много бронетранспортёров на гусеничном ходу, а также много другого военного имущества. Вермахт полностью лишился 30 дивизий и трёх стрелковых бригад, а шестнадцать других соединений потеряли от 50 до 75 процентов личного состава. Это был настоящий, сокрушительный разгром германской армии. «Поражение под Сталинградом, — как об этом пишет в своих воспоминаниях немецкий генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль, — повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшного поражения и гибели такого количества войск».

Многие десятки километров с ожесточёнными, изнурительными и кровопролитными боями прошла и 387-я дивизия. В схватках с непримиримым и коварным врагом она истребила более пяти тысяч фашистских солдат и офицеров, сбила семь самолётов противника, подбила 64 танка, уничтожила 28 бронетранспортёров, 19 артиллерийских и 28 миномётных батарей. Было захвачено большое количество боевой техники и стрелкового, главным образом автоматического, оружия и патронов к нему. Главное же — её воины освободили от гитлеровских оккупантов десятки больших и малых сёл, деревень и хуторов, избавили от немецкого гнёта тысячи советских людей.

С выходом на реку Миус на юго-востоке Украины и Ростовской области, впадающую в Азовское море, начался очередной этап боевого похода 387-й дивизии.

Перед соединениями Южного фронта простирался форпост, объявленный фашистами как образец современной неприступной обороны и названный ими «железными воротами», закрывающими Донбасс.

В середине марта 1943 года 2-я гвардейская армия была введена в состав резерва Южного фронта, 387-я дивизия расположилась в сёлах Кутейниково, Денисово и Акимово. Поскольку Вторая гвардейская армия затем была переброшена на другой участок фронта, то наше соединение вошло в состав войск 51-й армии и продолжало на месте дислокации подготовку к штурму мощнейших миусских укреплений врага.

После отдыха, непрерывного обучения и подготовки к боевым действиям 12 июля 387-я дивизия, сменив части первого эшелона, расположилась на рубеже хутор Безымянный — Хунбышевка — изгиб реки Миус. Через пять дней началось наступление. Ей предстояло прорвать вражескую оборону на своём участке и обеспечить ввод в прорыв быстроподвижные силы фронта. После артиллерийской подготовки 387-я и соседствующая с ней дивизия перешли Миус. Наиболее успешно действовал 1273-й стрелковый полк. Он первым форсировал реку, прорвал оборону противника и захватил важную господствующую высоту. Гитлеровцы сразу же начали контратаковать. Ожесточённые бои продолжались, можно сказать, непрерывно. Высота дважды переходила из рук в руки. Но осталась за батальоном капитана Гулиги.

Июльские бои на Миусе не только сковали действия гитлеровцев, но и привлекли к себе новые силы противника.

Восемнадцатого августа начался новый штурм вражеских позиций при значительной поддержке штурмовой авиации.

Взятый в плен немецкий офицер при допросе откровенно заявил: «Наступление ваших войск было для нас неожиданным, а артиллерия была по нашим позициям и рубежам очень метко, буквально разрушила у нас все оборонительные сооружения. Потери личного состава в моём батальоне составили 90 процентов убитыми и ранеными. Ваши снаряды, мины и бомбы рвались беспрерывно, люди сходили с ума и тут же гибли, поражённые осколками...».

Вслед за шквальным артиллерийско-миномётным огнём и бомбёжкой авиацией с воздуха в атаку ринулась пехота. Казалось, что после такого смертельного и разрушительного огня в стане врага ничего не осталось. Но когда стрелки подошли к переднему краю вражеской обороны, то фашисты встретили их сосредоточенным, массивованным огнём. Пострадавших было очень много. Медицинские работники едва успевали оказывать раненым необходимую помощь и выносить их с поля боя.

Несмотря на это, в первый день наступления наши войска продвинулись вперёд на 15-20 километров. На другой день части соединения сумели освободить от немцев сёла Ольховское и Подлесное, а 20 числа — Вишкеровку и Ново-Александровку.

Очень тяжёлые и упорнейшие бои велись и за Саур-Могшу. Так назывались село и высота, господствовавшая над местностью. Фашисты с высоты были выбиты. Но не желая терять очень важную для себя позицию, они бросились в контратаку. Её отбили. И в последующие дни частям соединения легче не стало. 30 августа противник дважды переходил в контрнаступление. И каждый раз, неся большие потери в личном составе, откатывался назад. Наконец части дивизии при поддержке танков заняли посёлок Саковеш. Оборона противника на всю глубину нашими войсками была прорвана. Командованием в прорыв были введены танковый и кавалерийский корпуса. Восьмого сентября гитлеровцы оставили город Сталино (ныне Донецк), и освобождение Донбасса завершилось.

В ходе наступления на миусские рубежи противника 387-я дивизия уничтожила и вывела из строя до семи тысяч вражеских солдат и офицеров, два танка, 16 орудий, 197 крупнокалиберных пулемётов, восемь автомашин, много другого оружия и боевой техники. Немалые потери были и с её стороны.

К началу сентября, когда 387-я была выведена во второй эшелон, а потом в резерв фронта, она имела в своём составе всего полторы тысячи человек. Остальные погибли или выбыли из строя по ранению. Потребовалось почти полтора месяца (дивизия в это время находилась под Днепропетровском), чтобы полки восстановили свою боеспособность, приняв в свои ряды новобранцев из освобождённых сёл и городов Донбасса. Новый командир дивизии полковник Александр Петрович Рослов на инспекторской проверке в середине октября подвёл итог боевой подготовки и признал её вполне достаточной. Вскоре полки соединения по железной дороге отправились на Горловку, Токмак-Ясиноватую и Гуляй-Поле. Выгрузились в районе Молочино Запорожской области и дальше походным порядком проследовали к месту дислокации.

К тому времени войска Южного фронта закончили освобождение Северной Таврии и вышли к гнилому Сивашу, отделяющему Крым от материка. Наступающий впереди стрелковых частей 19-й танковый корпус во взаимодействии с 36-м кавалерийским корпусом 1-го ноября 1943 года с ходу прорвались через вражеские позиции на Перекопском перешейке и завязали ожесточённые бои за Армянск. Однако противник подтянул к месту прорыва резерв и, отразив наступление наших войск, вновь овладел перешейком. На помощь им командование двинуло 387-ю дивизию, находившуюся в районе Аскании-Нова. До перешейка ей пришлось преодолеть около 60 километров. Чтобы ускорить помощь оказавшимся в окружении танкистам, командир дивизии сформировал мощный передовой отряд, посадил его на автомашины и направил на Армянск. Двигался он на максималльно возможной скорости, сметая на своём пути мелкие группы прикрытия противника. Ворвавшись в Павлову-Почту, разгромил её гарнизон, а 260 солдат и офицеров неприятеля взял в плен. Затем мобильный отряд за четыре часа преодолел расстояние до Турецкого вала и, развернувшись в боевой порядок, отогнал противника.

Однако взять вал с ходу не удалось, так как фашисты успели занять ранее сооружённые огневые точки, укрепили многие оборонительные сооружения. Через каждые 80-100 метров горбились доты и дзоты с амбразурами, изрыгающими шквальный пулемётный огонь, прикрывающие все подходы к валу. До прибытия тяжёлой артиллерии части стрелковой дивизии очистили от вражеских войск только небольшой участок от Перекопа до Каркнитского залива.

Штурм Турецкого вала 387-я дивизия начала 3-го сентября утром. Несколько раз бойцы поднимались в атаку, но к полудню добились немногого. На правом фланге приблизились на расстояние 200-300 метров. Несколько дальше продвинулись подразделения на левом фланге. И только в центре, где находился 1275-й полк майора Петра Лепёшкина, наши захватили узкий перешеек шириной 1600 метров, перевалили через вал и соединились с танкистами.

Прорвавшись к танкистам, 387-я пыталась продолжать наступление, но развить успех ей так и не удалось. Линия фронта между противоборствующими сторонами на некоторое время стабилизировалась.

Узкий клин, вбитый дивизией в оборону гитлеровцев, с помощью других соединений расширенный до 3,5 километров по фронту и до четырёх в глубину, обеспечил разгром фашистов в Крыму только весной 1944 года.

К тому времени Красная Армия освободила левобережную Украину и северную часть Молдавии, что улучшило условия для разгрома немцев в Крыму.

Следует напомнить, что полуостров связан с материком перешейком всего около 10 километров шириной. Ещё в древние времена перешеек был перекопан (оттого и получил название Перекоп) широким рвом глубиной до десяти метров.

Земля из рва была вынесена на его правый берег, где образовался прямой вал. В 15-17 веках турки усилили его. С тех пор он и называется Турецким — высота его была до 10 метров. Ров и вал немцы превратили в мощный бастион.

Не довольствуясь естественными и построенными ранее преградами, противник на всех выгодных рубежах создал целостную систему оборонительных сооружений. В частности, Перекопский перешеек прикрывали три линии обороны: Перекопская, Ишуньская и Чатерлыкская.

На Керченском полуострове, за восточную оконечность которого зацепились советские войска, враг имел четыре столь же внушительные позиции. На рубеже переднего края и в резерве он располагал двенадцатью дивизиями с частями усиления и поддержки, что составляло более 260 тысяч солдат и офицеров, насчитывалось около 3600 орудий и миномётов, в том числе значительное количество реактивных, 5400 крупнокалиберных пулемётов, 215 танков и самоходных артиллерийских установок. Большие надежды по удержанию Крыма в своих руках противник возлагал на свой флот в Чёрном море.

“Крым на замке, — утверждал командующий отрезанной в Крыму 17-й германской армией генерал-лейтенант Эрвин Ениске. — В мире ещё нет таких сил, которые были бы способны прорвать немецкую оборону. Пусть немецкие и румынские солдаты спокойно отсиживаются в своих землянках и блиндажах. Здесь они перезимуют до нашей победы. Путь большевикам в Крым навсегда отрезан!”

Ставкой нашего Верховного Главнокомандования освобождение Крыма было возложено на войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии генералов Ф. И. Толбухина и И. А. Ерёменко, а также Черноморского флота, во главе которого стоял прославившийся в боях с фашистами вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, и Азовскую военную флотилию контр-адмирала С. Г. Горшкова.

План наступательной операции предусматривал нанесение одновременно удара с Керченского полуострова, Сивашского плацдарма и через Перекоп в общем направлении на Симферополь. Для участия в ней привлекались соединения бомбардировочной авиации дальнего действия и эскадрильи морской авиации Черноморского флота.

387-я стрелковая дивизия входила во 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова. Участок её обороны начинался примерно в двух километрах севернее Армянска к валу и далее проходил на восток до Сиваша.

Восьмого апреля после трёхчасовой массированной артиллерийско-миномётной подготовки и ударов авиации с воздуха войска фронта на всех направлениях перешли в решительное контрнаступление. Оборона противника на Перекопе и Сиваше была прорвана. Наши войска овладели Армянском, Джанкоем и Евпаторией, а 13 апреля заняли Симферополь. Преследуя отступающие фашистские войска, соединения Отдельной Приморской армии одиннадцатого апреля овладели Керчью, а 20 апреля вышли к Севастополю.

В освобождении Армянска активное участие приняла 387-я дивизия. В тяжелейших боях погибали и наши воины, скошенные вражескими пулями и осколками от снарядов и мин. Где, согнувшись вопросительным знаком, короткими перебежками с места на место, а нередко и по-пластунски, спешили санитары и санинструкторы из 471-го медсанбата, в том числе и Раиса Баканова. Оказывали пострадавшим в бою первую помощь и отгаскивали их в места сосредоточения для последующей отправки в лазарет.

В прорыве обороны врага на Чатерлыке важную роль вновь сыграл второй батальон 1271-го полка, на этот раз он был высажен в тылу у фашистов на южном берегу Каркнитского залива, перед этим на больших и малых лодках преодолев шестнадцать километров водной поверхности в непроглядном тумане в ночь на одиннадцатого апреля.

Благополучно высадившись на пустынном берегу, батальон Диброва приступил к выполнению боевой задачи. Вперёд ушли разведчики, за ними двинулась группа прикрытия. Быстро на берег из больших лодок была выгружена боевая техника. Разведчики определили, что десант высадился именно в намеченном месте у населённых пунктов Новый и Старый Кызыл-Беки и Айман-Онча. Затем батальон двинулся в направлении Воронцовки.

Высадка десанта у этого крупного населённого пункта явилась для врага полнейшей неожиданностью. Его лёгкие группы прикрытия бежали прочь, бросая вооружение, технику и боеприпасы.

Батальон Диброва оседлал дорогу между Воронцовкой и Ишунью и в срочном порядке стал окапываться. Три роты из четырёх укрылись вдоль дороги. Пушки были поставлены на окраине села. Миномётчики оборудовали огневые позиции у населённого пункта Коланчек, расположенного рядом с Воронцовкой. К полудню разведчики обнаружили, что со стороны Ишуньи к Воронцовке движется до полка вражеской пехоты под прикрытием примерно десятка танков. За полкилометра до Воронцовки вражеская пехота, развернувшись в цепь, открыла автоматный огонь. Танки противника отстали от своей пехоты, устремившись к позициям, занимаемым нашими артиллеристами. Разбив обе наши пушки, немецкие танкисты повернули и двинулись на Колончак.

Тем временем пехота противника приблизилась к позициям рот. Миномёты десантников открыли ответный огонь, поддержанный пулемётными и автоматными очередями наших стрелков. Однако фашисты продолжали наступать, пустили в ход гранаты. И тут во фланг врагу ударила 5-я рота капитана Михаила Рябова. Немцы на какое-то время растерялись, перестали стрелять. В этот момент на линии огня в сопровождении нескольких автоматчиков появился военфельдшер Пётр Михайлович Брехов. Он давно добивался перевода в разведку. На этот раз комбат уступил его настоятельным просьбам. Отважный медик поднял два белых флажка и зашагал в сторону гитлеровцев. Навстречу ему вышли два вражеских офицера — командиры батальонов. Как оказалось, один из них неплохо говорил по-русски. Брехов предложил им сдаться. Офицеры, перебросившись между собой несколькими фразами, согласились, и 230 гитлеровцев сложили оружие.

В этот момент зазуммерила рация. С командного пункта 387-й командарм потребовал доложить обстановку. Доклад Фёдора Диброва был краток: десантники разгромили до двух батальонов вражеской пехоты, уничтожив около трёхсот фашистов, 230 взято в плен. Фёдор Давыдович спросил, как поступить с пленными — ведь батальон находится в тылу у врага. Генерал приказал: «Пленных укрыть и сохранить всех до единого! А от нового боя по возможности уклониться!..».

Пленных пришлось разместить в находившемся неподалёку противотанковом рву. А бой у Колончака, куда подошли немецкие танки, продолжался. Вражеские бронированные машины ворвались на позицию миномётной роты, её личный состав героически сражался, подорвав два танка. Но силы были неравными. Один за другим погибали защитники рубежа. Осмелев, фашисты выбрались из танков, обошли поле боя и выстрелами из личного оружия добились одиннадцать раненых советских воинов. Из всей миномётной роты в живых остался только Пильчек. Фашисты выстрелили и ему в голову, но пуля лишь скользнула по черепу, разорвав кожу. Пильчек потерял сознание и пришёл в себя уже на носилках, когда его обнаружили санитары.

В целом же батальон капитана Диброва успешно справился с поставленной задачей, командование и политуправление фронта высоко оценили его боевые действия. В результате проведённых советскими войсками совместных операций

“стальные ворота Крыма”, как и раньше “железные ворота Донбасса”, были сокрушены. Все воины второго героического батальона 1271-го полка, совершившие дерзкий бросок через Перекопский, а затем и Каркинтский заливы в самое жаркое пекло боёв, были награждены орденами и медалями Советского Союза, в том числе посмертно — павшие на полях сражений. А комбат Фёдор Давыдович Дибров был удостоен самого высокого звания Родины — Героя Советского Союза. 387-я стрелковая дивизия получила почётное наименование — Перекопская. Войскам 4-го Украинского фронта, в том числе и 387-й стрелковой дивизии, Москва четыре раза салютовала 24-мя артиллерийскими залпами из 324-х орудий.

После успешного прорыва третьей линии обороны перекопских позиций врага боевые части 2-й гвардейской армии начали стремительно преследовать отступающего противника. В их числе была и 387-я, теперь уже Перекопская, стрелковая дивизия. Командир соединения сформировал мобильный отряд под командованием заместителя командира 1273-го полка майора Н. И. Голубева. В состав отряда вошли 3-й батальон 1273-го полка, 271-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион и 19 автомашин.

Сметая с пути мелкие группы прикрытия немцев и обойдя их узел сопротивления, отряд приблизился к Найдорфу. Разведчики сообщили, что в селе до батальона пехоты противника, много автомашин и орудий. Голубев решил атаковать. Основными силами отряд обошёл Найдорф с юга, а рота под командованием капитана Антикина подошла к нему с севера. Батарея лейтенанта Власова на большой скорости приблизилась к селу с северо-запада и, развернувшись, открыла огонь по скоплению германских автомашин и прислуге артиллерийских орудий. В атаку пошли автоматчики и стрелки. Разведчик-акмолинец Якуб Рахматуллин и Семён Шевченко первыми оказались на южной окраине села. Шевченко гранатой уничтожил расчёт крупнокалиберного пулемёта, Рахматуллин гранатой подорвал головную автомашину, к которой спешили фрицы, чтобы спастись на ней бегством. Тем временем в Найдорф ворвались и основные силы отряда. Неприятельское подразделение было разгромлено — убито 70 фашистов, разбито три орудия и две автомашины. Остальные пушки и автомобили стали трофеями. Из Найдорфа отряд двинулся к Айбарани, куда отступили остатки румынской пехотной дивизии, и ударил по ним. Бросая технику и оружие, румынские вояки разбежались, а сорок солдат сдались в плен. Затем был ожесточённый бой у станции Кияжевичи, где отряд перерезал железную дорогу Симферополь — Евпатория. На станцию и в ближайшее село Авель только что прибыло артиллерийское подразделение противника с целью прикрыть огнём отход на новые позиции своих пехотных дивизий. Питлеровские пушкари не ожидали стремительного нападения, однако попытались оказать сопротивление.

Наши воины дрались с немцами с невероятной храбростью, можно сказать, каждый за десятерых. Например, ефрейтор Иван Петрович Коржов, автомеханик противотанкового дивизиона, призванный из села Черноярское Кокчетавской области, в бою за Авель обнаружил две батареи противника, которые тут же подавила своим огнём наша артиллерия. После этого Коржов захватил в плен немецкого унтер-офицера и трёх солдат. Снова отличились разведчики Рахматуллин и Шевченко. На этом участке противник оставил 170 убитых, более 30 гитлеровцев сдались в плен. В числе трофеев оказались 26 орудий, 19 тягачей и бронетранспортёров, более десятка автомашин, склады с боеприпасами, горючим, стрелковым и автоматическим оружием.

Тринадцатого апреля в Авеле был сформирован второй мобильный отряд во главе с заместителем командира 1275-го полка майором Ломовым. В отряд вошли второй батальон этой части и дивизион 1949-го арtpолка. На двенадцати автомашинах он выступил в направлении станции Джанджурек, где и встретился с противником. В двухчасовом бою подразделения гитлеровцев были частично уничтожены. Преследуя врага, подвижной отряд утром четырнадцатого апреля был уже в двух километрах севернее Бельбека. Коротким ударом он захватил высоту с отметкой 121,0, удерживал которую до подхода основных сил. Всего отряд Ломова уничтожил до 40 и пленил 75 фашистов, захватил богатые трофеи, а главное — обеспечил свободу манёвра для основных сил дивизии, двигавшихся на юг вслед за отступающим противником, иногда преодолевая за сутки до полусотни километров.

Форсировав реку Качу, они в коротких стычках с фашистами выбили их из ряда населённых пунктов на реке Альме и 15 апреля вышли в долину реки Бельбек.

Во многих книгах по истории Великой Отечественной войны река эта даже и не упоминается. Но ветераны 2-й гвардейской и 51-й армий помнят её хорошо: течение в Бельбеке очень быстрое, берега реки отвесные, а русло каменистое. На Бельбеке были три вражеские позиции, за овладение которыми велись кровопролитные бои.

Перегруппировав отступающие войска, восстановив и укрепив оборонительные рубежи, гитлеровцы массированным огнём и контратаками сдерживали наступление наших войск. Только на участке 387-й дивизии за сутки фашисты до десяти раз поднимались в атаку, неся при этом значительные потери и всякий раз откатываясь назад.

И всё же части 387-й шаг за шагом теснили их к Бельбеку, улучшая свои боевые позиции. Они стремились перейти реку, за которой находилась высота, превращённая гитлеровцами в мощнейший узел сопротивления.

Семнадцатого апреля батальон капитана Аликина атаковал противника севернее села Любимовец и занял первую линию вражеских окопов.

Бронебойщик Моисеенко подбил вражеский танк. Пулемётчик Чёрный огнём прижал к земле немецких пехотинцев, попытавшихся обойти батальон. Около сорока гитлеровских солдат уничтожил Чёрный, но фашисты продолжали наступать. Раненого пулемётчика сменил лейтенант Плотников, сваливший ещё сорок наступающих немцев.

На следующий день 1271-й и 1275-й полки атаковали вражеские позиции на участке от морского побережья до дороги Мамашшел — Бартеповка. Ожесточённый бой завязался на участке первого батальона 1271-го полка. В наступление вместе с пехотинцами двинулись и артиллеристы полевой батареи капитана Тодовского, поразившие огневые точки противника. Отважно сражался парторг батальона Ислам Ахметжанов. С группой бойцов он пробился к вражескому дзоту и взорвал его. Штурмовая группа лейтенанта Коровина ворвалась в траншею и захватила её. Батальон едва успел закрепиться, как под прикрытием восьми танков и трёх бронетранспортёров в атаку устремилась вражеская морская пехота. Подразделения Чуканова сражались с особым мужеством. У комсомольца Слесарева кончились патроны, но он продолжал отбиваться от немцев гранатами. Рядовой Надолинский был тяжело ранен в голову, но, пересилив боль и слабость от кровопотери, продолжал вести прицельный огонь по врагу. Он один в этом бою истребил более десятка фрицев. Артиллеристы Шариков и Климов меткими выстрелами подбили два танка. Третий остановили бронебойщики Гагарин и Плескаченко. Связисты под ураганным огнём восстанавливали порушенную связь и сами не раз вступали в бой.

Находчивость и мужество проявил связист Иван Петрович Боровой из села Новоишимка Акмолинского района. Был он крепкого сложения, настоящий силач.

В разгар боя ему тоже не раз приходилось отправляться на поиски перебитого кабеля, чтобы восстановить связь. И вот на последнем выходе с ним произошёл, можно сказать, невероятный случай. Найдя порыв кабеля, Иван Петрович сел на камень, неспешно достал из сумки плоскогубцы, отсоединил от проводов резиновую обмотку и начал соединять концы перебитого кабеля. И тут вдруг перед ним возник фашист с автоматом в руках и потребовал сдаться. Не обращая внимания на строгий окрик, связист спокойно продолжал обматывать соединённые концы провода. Потом медленно встал. Неторопливо подойдя к фрицу с поднятыми руками, Боровой ловким ударом подножки свалил немца на землю, схватил его за горло и изо всей силы стал его душить. Заломив фашисту руки за спину, связал их обрывком провода и поволок фрица в своё подразделение.

Радист сержант Ступин, захватив немецкий крупнокалиберный пулёмёт, обстрелял противника из его же оружия. У противотанкового рва к позициям артиллеристов пробилась вражеские автоматчики. Командир огневого расчёта Примаренко и его товарищи, взяв в руки автоматы и карабины, многих прорвавшихся немцев перебили. Оставшиеся отступили. В этом бою командир первого батальона Чупыло получил смертельное ранение, но до последней минуты жизни оставался в строю. Усилим воли успел прошептать своему заместителю, старшему лейтенанту Николенко: “Командуй батальоном!..”. И умер на его руках.

Трое суток, почти непрерывно, продолжался бой на дальних подступах к Севастополю и на участке батальона Диброва. Временами линия обороны распадалась на отдельные участки, но всё же держалась. На одном из флангов разведчик Терняхин обнаружил группу подкрадывавшихся ползком немцев. Автоматной очередью и гранатами он уничтожил шестерых фашистов — половину группы. Коммунист Мирошниченко в течение двух суток вёл исключительно гранатный бой с врагом и устоял. Артиллеристы картечью били по прорвавшейся пехоте противника. В этом бою погиб командир противотанкового дивизиона капитан Иван Васильевич Лещенко. Стойко отражали контратаки гитлеровцев и шаг за шагом продвигались вперёд, занимая всё новые и новые рубежи, подразделения 1273-го полка. Поистине героический подвиг в долине Бельбека совершил снайпер Насим Хасенов из Узбекистана. Опередив стрелков, он первым поднялся на высоту и выбрал среди камней удобную для себя позицию. Стрелков же отбили автоматно-пулёмётным огнём немцы. И снайпер в одиночестве провёл ночь. А рано утром, после сильного артобстрела, началась контратака фашистов. Они спокойно приблизились к высоте. И тут Хасенов открыл огонь: сделал шесть выстрелов — и шесть фашистов остались лежать на земле. Отстреливаясь, снайпер менял позиции, скрывался то за одним, то за другим камнем. По высоте открыли огонь вражеские миномётчики. Насим получил осколочное ранение в руку. Перевязав её индивидуальным пакетом, он продолжал выжидать. И вот пошла в атаку вражеская цепь. Снайпер сделал двенадцать выстрелов, и лишь одна пуля пролетела мимо цели. Гитлеровцы, не ожидавшие сопротивления, отступили. Насим в одиночестве отстоял высоту и покинул её, когда на вершине появились наши автоматчики. Коммунист Хасенов при освобождении Крыма уничтожил 57 вражеских солдат и офицеров.

Впереди был Севастополь. Пятого мая 1944 года после артминподготовки учебные роты 387-й дивизии, её 1275-й стрелковый полк подполковника Антонова и 1273-й полк подполковника Закирова начали наступление на высоту 121,9. Им противостояли полк немцев и два гренадерских батальона румын.

В этот же день артиллерия подавила многие огневые точки неприятеля и вместе со стрелковыми подразделениями сковала фашистскую пехоту. Однако приблизиться к переднему краю врага 1275-му стрелковому полку не удалось. И только в ночь на 8-е мая движение к Севастополю возобновилось.

В боях за освобождение Крыма отважно сражались и воины 837-го отдельного батальона связи, которым командовал тогда гвардии капитан Тофтан. В их числе бывший колхозник сельхозартели “Красный Октябрь” Мамлютского района Северо-Казахстанской области рядовой Дмитрий Трофимович Скулов, рядовой Моисей Тихонович Марущак, до призыва в армию проживавший в селе Успенно-Юрьевка Кокчетавской области.

За успешное выполнение боевых заданий ездовой транспортной роты 1275-го стрелкового полка рядовой Григорий Егорович Мороз, призванный на фронт ещё в Акмолинске в период формирования дивизии, был награждён медалью “За боевые заслуги”.

Такой же медалью был отмечен и ратный труд командира автомобильного взвода 1949-го артполка старшего лейтенанта Георгия Андреевича Михайлова, мобилизованного из города Макинска Акмолинской области в августе сорок первого.

Основной объём перевозок в дивизии выполнял личный состав 501-й отдельной автороты капитана Агирина. Такие водители, как актюбинец сержант Василий Яковлевич Холитко и кустанаец рядовой Иван Осипович Осипов постоянно занимались транспортировкой орудий на открытые огневые позиции, доставкой разведгрупп и подвижных отрядов в расположение противника. При этом нередко шофёрам приходилось брать в руки автоматы, гранаты и плечом к плечу со стрелками отбивать атаки и контратаки фашистов. Эти и многие другие воины-автомобилисты стали кавалерами орденов Красной Звезды, Славы 3-й степени и медалей “За отвагу” и “За боевые заслуги”.

Пять дней длился небывалый штурм Севастополя.

Ранним утром 8 мая была предпринята попытка взять Сапун-гору. Парторг второго батальона 1275-го стрелкового полка Каиржан Батырханов где-то раздобыл красную скатерть, сделал из неё несколько флагов и раздал штурмующим группам. После сигнала к штурму бойцы захватили небольшую высотку, однако продвинуться дальше не удалось. И только с наступлением темноты начался новый штурм. Наконец-то наши войска достигли вершины Сапун-горы и на ней водрузили красный флаг. Штурм Сапун-горы по праву считается одной из блестящих страниц Великой Отечественной войны.

В результате трёхдневного небывалого напора к исходу десятого мая Севастополь был освобождён от врага. В честь этого долгожданного события вечером десятого мая Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта 24-мя артиллерийскими залпами из 324-х орудий.

Следует напомнить, что если немецко-фашистским войскам в сорок первом-сорок втором годах чтобы овладеть Севастополем, потребовалось 250 дней (последний воин покинул его 9 июля 1942 года), то 4-му Украинскому фронту и Черноморскому флоту для того, чтобы взломать вражескую оборону в Крыму, разгромить противника и освободить город русской славы Севастополь, понадобилось всего лишь 35 дней.

Беспримерный подвиг наших воинов, освободивших Крым от врага, особой страницей вошёл в золотую летопись Великой Отечественной войны и был высоко отмечен Коммунистической партией и Советским правительством. Многие тысячи бесстрашных фронтовиков были награждены орденами и медалями Советского Союза, а 126 особо отличившихся удостоены звания Героя Советского Союза. Свыше 39 тысяч бойцов награждены медалью “За оборону Севастополя”. А самому Севастополю было присвоено звание “Город-Герой”. Многие части и соединения получили почётные наименования: Перекопских, Сивашских, Крымских, Феодосийских, Симферопольских и Севастопольских. Перекопской, как уже отмечалось, стала и наша 387-я стрелковая дивизия.

Фашистское командование дорого заплатило за Крым. По официальным данным, только в боях с 8 апреля по 12 мая противник потерял 100 тысяч солдат и офицеров, не считая значительного количества потерь в личном составе, ушедших на дно морское с кораблями при эвакуации из Крыма в порты Румынии, 3 тысячи орудий и миномётов, свыше семи тысяч автомашин и множество другой боевой техники.

После освобождения Севастополя 387-я дивизия получила благодарственное письмо: “Севастопольский городской Совет депутатов трудящихся, городской комитет ВКП(б) шлюет бойцам, сержантам и офицерам Перекопской дивизии горячий севастопольский привет!

Дорогие перекопцы! Ваш героический боевой путь по Крыму от Перекопа до Стремной бухты, через три полосы мощнейших укреплений из бетона и стали, через Северную бухту, показал высокое военное искусство командиров, храбрость, бесстрашие, мужество и отвагу бойцов. Ваши ратные подвиги — восхищающий меч, наполнивший наши сердца теплотой и благодарностью к воинам, освободившим Севастополь — город русской славы на Чёрном море — наш! Пусть он разрушен и изранен. Мы залечим его раны. Мы отдадим все силы, чтобы превратить его в могучий, красивый, достойный своей высшей славы город!

Председатель исполкома Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся Ефремов, секретарь горкома ВКП(б) Лесник”.

65 лет минуло после освобождения Крыма от фашистских полчищ, но мы не должны забывать, какой ценой добыта эта победа. Наша 387-я стрелковая дивизия в боях у Турецкого вала и под Ишунью, на Бельбеке и у стен Севастополя потеряла более шестисот славных воинов-красноармейцев, младших командиров и офицеров. Кроме того, 2400 человек получили увечья, тяжёлые ранения и контузии.

После освобождения Севастополя и непродолжительного отдыха 2-я гвардейская армия по приказу Ставки Верховного Главнокомандования была переброшена на север и вошла в состав войск Ленинградского фронта, принимала участие в освобождении городов и весей Прибалтики, в разгроме фашистских войск в Восточной Пруссии. Свой боевой поход закончила на территории Латвии, точнее сказать, в Курляндии, где и встретила долгожданный День Победы.

А 387-я дивизия осталась в Крыму. Её части продолжали охрану территории полуострова. Некоторые бойцы и командиры были включены в состав войск, обеспечивавших безопасность и охрану участников Крымской конференции, руководителей трёх великих держав: Советского Союза во главе с маршалом И. В. Сталиным, президентом США Франклином Делано Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. Заседание Большой тройки проходило в Ялте с 4-го по 12 февраля 1945 года.

Одновременно с несением службы личный состав соединения принимал активное участие в восстановлении народного хозяйства. А в свободное время истосковавшиеся по личной жизни бойцы и командиры группами собирались в круг, отдыхали под шутки-прибаутки, задушевные песни и задорные пляски, вовсю наяривали баяны, аккордеоны и голосистые гармошки.

Виртуозно играл на баяне Пётр Цветов, нередко аккомпанировавший бойцу Чилину, который прекрасным баритоном исполнял даже оперные арии. Вера Карнаухова, машинистка штаба дивизии, замечательно пела цыганские песни и романсы. Многие воины любили слушать русские, украинские народные песни в замечательном исполнении медицинских сестёр Клавдии Лепковой и Лидии Серебряковой. Часто звучала и песня о 387-й дивизии — на мотив известной советской песни “Три танкиста”.

*Сквозь шквал огня прошла ты, боевая,
Прошли солдаты, Родины сыны.
И славный путь сегодня вспоминая,
Гордимся мы героями войны.*

*Славься, грозная и боевая,
Армия наша на запад идёт,
В битвах жестоких врага побеждая,
Счастье, свободу Отчизне несёт.*

*Живут в сердцах герои Сталинграда,
Герои битвы на реке Миус.
Мы в бой идём. Бессмертье рядом с нами
И с нами ты, прославленный Союз.*

*Мы штурмовали Перекоп и Севастополь,
Покрыв знамёна славой боевой.
Удар суворовских стальных штыков пехоты
Изведаль враг в атаке огневой.*

Бесхитростно, но от сердца идущие слова этой песни на память привела Раиса Ефимовна Чунихина, а вот кто их сочинил, вспомнить не могла. В своё время мне довелось побывать в Севастополе. Посетил многие исторические места: панораму обороны города в Крымскую войну 1853-1856 годов, музей Черноморского флота. Поклонился праху выдающихся русских флотоводцев М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина и П. С. Нахимова, склеп которых был осквернён немецко-фашистскими захватчиками. Осмотрел бастион, которым когда-то командовал молодой Л. Н. Толстой, другие достопримечательности, в том числе связанные с именем выдающегося русского учёного, основателя военно-полевой хирургии, замечательного врача Николая Ивановича Пирогова и его доброй помощницы по имени Даша, ставшей первой в России сестрой милосердия и получившей в народе славное прозвище Севастопольская.

Посетил мемориальный комплекс "Сапун-гора" и его монумент Славы. Золотыми буквами на лицевой стороне памятника написано: "Героям битвы за Севастополь", а на противоположной стороне слова:

*Слава вам, храбрые, слава, бесстрашные!
Вечную славу поёт вам народ,
Доблестно жившие, смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрёт!*

На гранях пьедестала установлены мемориальные доски с наименованиями всех формирований 4-го Украинского фронта, Особой Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и авиационных соединений, освобождавших Севастополь. Значится там и наша казахстанская 387-я стрелковая дивизия.

9 мая 1970 года у обелиска Славы зажжён Вечный огонь, доставленный сюда с Малахова кургана. Каждые пять минут звучит мелодия Бориса Мокроусова "Заветный камень".

... 17 марта 1945 года 387-я стрелковая, погрузившись в эшелон, отправилась на запад. Её штаб разместился на самой окраине Бухареста, а её части расположились в других местах пригорода.

На румынской земле доблестные воины дивизии отпраздновали долгожданный День Победы. А в середине июня 387-я была передислоцирована в Болгарию и расквартирована в городе Стара Загора. Но через некоторое время поступил приказ о её расформировании.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 года началась демобилизация старших возрастов из Вооружённых Сил страны. В разные места державы разъехались и славные воины доблестной 387-й Перекопской стрелковой дивизии.

В звании старшего сержанта медицинской службы с боевыми наградами возвратилась в родные края Раиса Баканова. Четырнадцатого июля сорок пятого она перешагнула порог дома в посёлке Шакат Осакаровского района Карагандинской области и оказалась в объятиях родителей.

После положенного по закону отпуска Раиса Ефимовна стала работать воспитательницей в детском садике колхоза “Победа”, потом уже в сорок шестом — акушеркой в фельдшерском пункте. Вышла замуж за фронтовика Ивана Петровича Чунихина, родила трёх сыновей и дочь. Неоднократно избиралась в местный Совет. А в марте 1969 года была избрана депутатом Осакаровского районного Совета народных депутатов.

Однако в этом же году семья переехала в Целиноград, Раиса Ефимовна стала работать медсестрой во второй детской железнодорожной больнице.

С ноября 1976 года бывшая фронтовичка на заслуженном отдыхе. Часто встречаясь с молодёжью в городском и железнодорожном медицинских училищах, она, вспоминая огненные годы, рассказывала о своём 471-м медсанбате, о боевом пути родной 387-й Перекопской стрелковой дивизии, в составе которой прошла всю Великую Отечественную войну, о мужестве и отваге боевых друзей.

Раиса Ефимовна Чунихина награждена орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями “За боевые заслуги”, медалями “За оборону Сталинграда” и “За победу над Германией”, а также “Ветеран труда” и многими юбилейными медалями.

Все дети получили высшее образование. Старший сын был кандидатом исторических наук, преподавал в Москве в сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, к сожалению его уже нет в живых. Средний — работает преподавателем в Карагандинском пединституте, младший — инженер по санитарному оборудованию, трудится по специальности в Астане. А дочь, получив высшее педагогическое образование, работает воспитательницей в одном из детских дошкольных учреждений столицы. Своими детьми Раиса Ефимовна довольна и гордится ими.

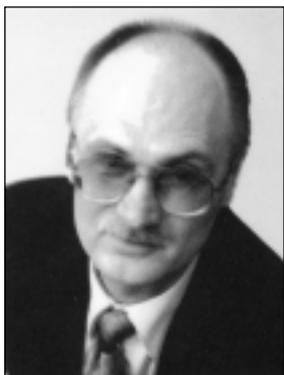
Считаю необходимым отметить, что благодаря стараниям и заботе столичного совета ветеранов и его председателя Михаила Сергеевича Бутенко, но главным образом составителя и редактора сборника “Поклонимся и мёртвым, и живым” ветерана войны Михаила Афанасьевича Куликова при содействии городского акимата вышли в свет два тома воспоминаний фронтовиков. Сейчас готовится к выпуску и третья книга. Но, к сожалению, некоторые участники Великой Отечественной в силу тех или иных причин выпали из поля зрения. В частности, мой хороший фронтовой друг и тамыр Каматай Нурмагамбетов хотя и прописан в Астане, тут получает и пенсию, однако ныне живёт в селе Романовка Целиноградского района. А ведь он участвовал в боях с фашистами в 387-й стрелковой дивизии в Крыму. Другой пример. Фронтовик Фёдор Антонович Краснобаев, участник боёв за Севастополь, проживает в райцентре Коргалжин. Как о том, так и о другом не будет рассказано в третьем томе. Думаю, что это упущение ещё есть время исправить.

Р. С. При подготовке данной публикации я использовал воспоминания Раисы Ефимовны Чунихиной, которыми она поделилась при встречах со мной, но основным источником стала брошюра “Перекопская стрелковая дивизия”, выпущенная в свет массовым тиражом республиканским издательством “Казахстан” в 1986 году. Её авторами являются П. С. Белов, И. В. Калиенко и И. И. Смолин.

Василий КОНОПЛЁВ

“О, сколько нам открытий чудных...”

Василий КОНОПЛЁВ, автор поэтических сборников, живёт и трудится в Петропавловске. Со дня основания североказахстанского литературно-художественного журнала “Провинция” является членом его редколлегии. Как публицист, Василий Коноплёв активно пропагандирует творческое наследие А. С. Пушкина. С юношеским задором он вступает в спор со сложившимися стереотипами и искажённым представлением о жизни и творчестве великого русского поэта. Можно соглашаться или не соглашаться с его точкой зрения, но нельзя не обратить внимания на оригинальность суждений Василия Коноплёва, на аргументированность его позиции. Мы предлагаем вниманию читателя главы из будущей книги Василия Коноплёва о Пушкине.

А БЫЛ ЛИ СМУГЛЫМ ПОЭТ?

(О парадоксах вокруг Пушкина)

Казалось, ещё недавно шумно и торжественно отмечали мы двухсотлетие со дня рождения великого Пушкина, а вот уже и двадцать первый век сменил двадцатый и Александру Сергеевичу — 210 лет. Удивительно, что, как бы ни удалялась от нас пушкинская эпоха, интерес к ней не угасает. Написано множество трудов о жизни и творчестве поэта, они опубликованы многомиллионными тиражами. Но, видимо, личность эта столь велика в истории народов, столь гениальна, что невозможно сказать о ней окончательно всё. Спустя века он притягивает к себе, как мощный магнит, и мы постоянно открываем в нём, а через него и в себе что-то новое.

Своей поэзией и, собственно, всем своим творчеством, своей судьбой, сво-

ей общеизвестностью и тайной Александр Сергеевич Пушкин продолжает удивлять нас и сегодня.

Вся его жизнь — череда парадоксов. Вот некоторые из них.

Великий русский поэт в юности писал свои первые опыты на французском языке. Он и кличку-то имел в лице Француз лишь потому, что лучше всех

своих сверстников знал и язык, и литературу французскую.

Удивительно, что любимым женским именем Пушкина было Мария, а не Татьяна, как может показаться знатокам “Евгения Онегина”. В восьми своих произведениях он называл героинь Мариями. В честь ли Марии Алексеевны, своей бабушки, или в честь иной Марьи, но первую свою дочь Александр Сергеевич назвал Машей.

Кто знает, как сложилась бы судьба поэта, стань он военным. Ведь многие из его одноклассников вышли из стен лицея офицерами. А не попал он в гусарский полк, потому что его отец Сергей Львович на гвардейское обмундирование поскупился.

Легенды вокруг Пушкина рождались как при жизни, так и после его гибели. Одна из них — преувеличенное сходство со своим прадедом арапом Абрамом Ганнибалом. Во многом этому способствовала первая прижизненная публикация портрета писателя. История её такова.

Когда А. С. Пушкин прислал из Южной ссылки свою поэму “Кавказский пленник” издателю Н. И. Гнедичу, тот по собственной инициативе решил заказать для публикации портрет поэта. И молодой гравировщик Е. Гейтман, взяв за оригинал акварель лицейского периода жизни Александра Пушкина, превратил кудрявого бледнолицего парня в арапчонка. Растиражированная книга укрепила мнение читающей аудитории об африканском происхождении автора поэмы. Опальный поэт был очень недоволен, но был не в силах изменить о себе созданный чёрно-белый образ. И, к сожалению, ещё много лет публике не были известны цветные портреты Пушкина, написанные О. Кипренским и В. Тропининым, на которых запечатлён светлолицый гений.

А магия навязанной точки зрения Гейтмана, который так никогда и не встретился с поэтом, овладевала умами. Заблуждалась спустя почти сто лет и Анна Ахматова, жившая в Царском Селе. Она гуляла в парке Екатерининского дворца, и ей представлялось, как “смуглый отрок бродил по аллеям”.

*Так случается в жизни порою,
Что не всё нам дано распознать,
Но во времени правду не скроют
Ни случайность, ни чернь и ни знать.*

*Находился поэт в Южной ссылке,
Когда “Пленника” Гнедич издал
И портрет, поэтически пылкий,
Некто Гейтман в гравюре создал.*

*Никогда не встречался художник
С тем, кого он по меди резцом
Начертал. И остался заложник
Пушкин тайны со смуглым лицом.*

*Не по домыслам был, а по правде
Бледнолицым до боли порой,
Рыжевато-кудрявые пряди,
Нос по-гречески тонкий, прямой.*

*Возмущён был поэт, не иначе,
Налагая на оттиск запрет:
“Если мнение моё что-то значит,
Не печатайте этот портрет”.*

*Так случилось, что публике книга
Предложила арапа-юнца,
И живёт, развиваясь, интрига,
До сих пор не находит конца.*

*Но оставил портрет нам Тропинин —
Ничего там арапского нет.
В чертаньях лица тонких линий
С голубыми глазами поэт.*

Молчаливый укор

(О матери поэта)

Неудивительно ли, что в творческом наследии Александра Сергеевича Пушкина мы не найдём ни одного стихотворения о матери или об отце поэта. И это на фоне искренних стихов о дружбе, чувственной любовной лирики, поэтических посланий к дяде Василию Львовичу, брату Льву и сестре Ольге, нежных стихотворных обращений поэта к своей няне, Арине Родионовне.

Не Пушкиных, конечно, подразумевал Лев Толстой, когда говорил, что счастливы все семьи одинаково, а вот несчастны каждая по-своему.

Надежда Осиповна, мать А. Пушкина, по воспоминаниям современников, довольно холодно относилась к старшему из своих сыновей, Александру. Не баловала его вниманием и отец, практически не занимавшийся воспитанием своих детей. Трудно судить о причинах этого. Известно другое, что у поэта помимо Ольги и Льва была ещё пять братьев и сестёр, умерших, правда, в детском или младенческом возрасте. Постоянная беременность, роды, похороны, видимо, не улучшали характер темпераментной, властной, раздражительной Надежды Осиповны.

В 1811 году дядя, а не отец, повёз из родового имения в Петербург юного Александра для поступления в лицей. Мать была на сносях. Отец же, Сергей Львович, рад был переложить ответственность за судьбу сына на своего старшего брата. И фактически семью будущему поэту заменили впоследствии сверстники-мальчишки, жившие с ним неразлучно в течение шести лет. Им, лицеистам, доверял он и свои стихи, и душевные переживания, с ними вырос, о них и сохранил на всю жизнь в душе своей и в поэзии самые тёплые родственные чувства.

С 1817 года выпускник лицея Александр Пушкин жил в родительском доме. К сожалению, длительная разлука только усилила отчуждённость родителей к сыну. Мать вновь была беременной, в свои-то 42 года. Последний из братьев Александра, Платон, не прожил и двух лет.

Не ведая материнской любви, поэт не смог создать ни одного образа матери для своих героев. Более того, ему, как автору, было проще оставлять своих персонажей без матерей. Примеров тому предостаточно.

В своём первом эпическом произведении “Руслан и Людмила” поэт, описывая свадебный пир, упоминает и сыновей князя Владимира, и то, что Людмила — его младшая дочь. А вот почему-то матери невесты просто нет на свадьбе.

В биографии Евгения Онегина упоминается и отец, и дядя, и Madam, и Monsieur L'Abbe, но мамы у него как будто и не было.

А вот какая фраза вложена в уста станционного смотрителя Самсона Вырина, рассказывавшего о своей дочери Дуняше: “... такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать”. Автору, наверное, проще было придумать, что у героини мать умерла, чем создавать её образ.

У соседей из повести “Барышня-крестьянка” к моменту развития сюжета были дети, но не было у них матерей. У Берестова жена “умерла при родах”, и Муромский “на ту пору овдовел”. Таким же образом начинает писатель и повествование о Троекурове и Дубровском-старшем. “В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребёнку”.

А сюжеты затем развивались без женского влияния. И даже если у Татьяны Лариной в живых была мать, отца к началу действия в романе уже похоронили, то всё равно героиня делится своими переживаниями с няней. А в последней главе такое действующее лицо, как мать, совсем исчезло.

Кстати, и Грибоедов в своей пьесе “Горе от ума” не находит места материнскому образу. “Не надобно другого образа, когда в глазах пример отца”. Последовал

примеру старших авторов и Лермонтов. Достаточно вспомнить поэму “Сашка”: “Он был дитя, когда в тесовый гроб / Его родную с пеньем уложили”. Но вернёмся к истории взаимоотношений в семье Пушкина.

В 1820 году молодой, задиристый чиновник Коллегии иностранных дел Александр Пушкин отправляется в длительную командировку на юг России, все называют это ссылкой. Проводить друга от Петербурга до Царского Села собрались только два бывших лицеиста Дельвиг и Яковлев. Вот как описывает домашнюю сцену прощания Юрий Тынянов, известный исследователь творчества и жизни Пушкина.

“Всё произошло, как и должно было произойти.

Он увидел в последний раз Арину. И простился как должно. Обнял её.

— Прощай, мать, — сказал он ей.

И Арина диву далась. Посмотрела, не шутит ли. Нет, не шутит. Взглянула на все стороны. Никого не было, слава создателю.

— Что вы, Александр Сергеевич, — сказала она, оторопев, — есть у вас мать.

— Есть, — сказал он серьёзно. — Ты и есть мать.

И слёзы полились у Арины, тихие, скупые. Привычные”.

В 1831 году Александр Сергеевич женится. Самые близкие его друзья-лицеисты развеяны ветром разлуки: “Иных уж нет, а те далече”. Всю свою любовь и заботу перенёс он на семью и детей. С ними он возился и играл. О них писал он нежно и ласково при вынужденных отъездах.

В 1836 году в конце марта умирает мать поэта, Надежда Осиповна, и Пушкин сам везёт её тело в Святогорский монастырь, это неподалёку от Михайловского. У могилы просил слуг, чтобы похоронили его рядом с матерью. В последний год жизни она была больна, и несколько месяцев Александр Сергеевич ухаживал за ней с такой нежностью, что мать поняла свою несправедливость в отношениях со старшим сыном, просила у него прощения, сознавая, что не смогла его ценить. После похорон поэт жаловался на свою судьбу, что она его не щадит, дав такое короткое время пользоваться нежностью материнской, которой до того времени он не знал.

Осенью этого же года Пушкин завершает свой исторический роман “Капитанская дочка”. Смерть ли матери, мудрость ли его самого как отца семейства, или, как всегда, гениальность автора повлияли на сюжетные линии, но сколько же в последнем произведении тёплых слов о материнской любви, о материнской судьбе, о счастье и трагедии матери. Это и заботливая мама Петруши Гринёва, и преданная мужу матушка Маши Мироновой, и спасавшая сироту после трагедии в Белогорской крепости попадья, и, наконец, по-матерински участливая императрица, воссоединившая любовь двух истрадавшихся сердец.

Судя по тому, сколько прожили дети Пушкина, сколько прожил отец и дядья поэта, естественная смерть застигла бы его в возрасте далеко за семьдесят лет. Возможно, не погибни Александр Сергеевич на дуэли, и появились бы из-под его пера стихи о матери.

Но, к сожалению, молчаливым укором памяти Надежды Осиповны остаётся отсутствие темы материнства в поэзии её сына.

“Еду, еду в чистом поле”

(О дорогах)

20 сентября 1833 года Александр Сергеевич Пушкин выехал из Оренбурга в Уральск. Настроение было приподнятое и не только потому, что успешно проходило накопление материалов по “Истории Пугачёва”. Утром его повеселил забавный эпизод.

Местный военный губернатор, Василий Алексеевич Перовский, перед тем как проститься, прочитал вслух письмо из Нижнего Новгорода. Нижегородский губернатор предупреждал своего коллегу: “У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должен признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об пугачёвском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях...”.

Посмеялись с Василием Алексеевичем от души. Из страха напридумывал себе губернский чиновник бог знает что. Небось, и подчинённых своих застрашал, что послали известного литератора тайно выслеживать неисправности всякие. Не знал только нижегородский губернатор, что Перовский с Пушкиным старинные приятели. Посмеялись они до слёз ещё и над тем, что приставленный к Пушкину соглядатай зовёт поэта всё время то графом, то генералом. Ну прямо сюжет для пьески. (Впоследствии по этой истории Гоголь и написал бессмертную комедию).

Но, пожалуй, страхи губернаторские были небезосновательны. И пусть не писал А. С. Пушкин докладов по итогам своей поездки в вышестоящие инстанции, но из-под пера поэта выходили обличительные строки, пусть даже и без конкретного адреса, но небезобидные по отношению к тем же губернаторам, отвечающим за состояние дорог.

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет.*

За жизнь свою исколесил немало он почтовых и столбовых, просёлочных и торговых, даже скотопрогонных дорог и для арестантов. От Петербурга до Крыма, от Бессарабии до Кавказа, от Москвы до Урала.

*Долго ль мне гулять по свету
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

Попадал он и в грязевую блокаду. Вот как с отчаянием, но и с присущей иронией пишет Александр Сергеевич своей невесте: “В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с какой проложены дороги отсюда до Москвы; представьте себе, насыпи с обеих сторон, — ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью, — зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят тот час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи...”.

А в справочниках и описаниях почтовых дорог говорилось нечто иное: “... только почтовые дороги могут считаться в лучшем состоянии; на них мосты исправно поддерживаются и, по сторонам, дороги обрыты канавами для стока воды”. Видимо, речь идёт только о тех местах, по которым должен был проехать император. Бюрократическое управление Россией процветало: забота о внешнем виде, которое может привлечь внимание начальства, и полное равнодушие к сущности дела. Ещё Радищев писал в своём “Путешествии”: “Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую её почитали все те, которые ездили по ней вслед Государя. Такова она была действительно, но на малое время”.

Дороги приводились в порядок для начальства и были в другое время в ужасном состоянии, при этом обычной деталью дорожного быта становилась поломка экипажей и ремонт их на скорую руку. А “сельские циклопы” (кузнецы) на “коляях и рвах отеческой земли” делали, как мы бы выразились сегодня, свой бизнес. Вот как ругается в их адрес поэт в письме жене: “Каретник мой — плут; взял с меня за починку 500 рублей, а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дело с полуталантами”. (Для сравнения скажем, что Пушкину как выпускнику лицея в Коллегии иностранных дел поставили в своё время оклад в 700 рублей годовых).

А вот как писал о том времени в своих воспоминаниях один французский дипломат: “Наши русские дороги, — сказал мне один очень любезный житель Петербурга, — коверкают в сорок восемь часов экипажи французские, английские и венские, но щадят наши национальные экипажи в течение восьми дней нашей беспримерной скачки — а это много”.

Но как бы ни ворчал Александр Сергеевич на неухоженность дорог, на месте долго просидеть он не мог. Не выезжай поэт из Петербурга, не было бы в его творческой биографии ни южных романтических поэм, ни чудесной Болдинской осени, ни “Капитанской дочки”. Вся жизнь с юности Пушкина была связана с дорогой. И в этих экипажных походах проходили порой удивительные встречи. Вот одна из них, произошедшая в 1829 году на Кавказе.

“Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил я их. — “Из Тегерана”. — “Что везёте?” — “Грибоеда”. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия... Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игральцем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

... Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...”.

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна,
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

И пусть порою “вьюга злится” и бесы мнятся, “надрывая сердце” поэта, без дороги он не может. “Прощайте, братцы: мне в дорогу, а вам в постель уже пора”.

По воспоминаниям Жуковского перед смертью поэт бредил и всё порывался куда-то идти: “Ну, пойдём же, пожалуйста, да вместе”.

А в стихах он остался уверенным в том, что

*Со временем дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.*

“Пою, чтоб слышать звук живой”

(Ершов и Пушкин)

Два этих имени в русской литературе, два этих явления культуры первой половины XIX века, два этих человека в истории России настолько связаны друг с другом, что нельзя не удивляться тому, как многое их объединяло, несмотря на разницу в возрасте (Пушкин старше Ершова на 16 лет) и кратковременное личное общение.

В 1834 году, когда вышла в свет сказка о Коньке-Горбунке, автору её, Петру Ершову, было всего-то девятнадцать лет. Как В. А. Жуковский после сказочной поэмы “Руслан и Людмила” признал в юном Пушкине поэта-преемника, так и Александр Сергеевич благословил студента Ершова после “Конька-Горбунка”: “Теперь этот род сочинений можно мне и оставить”. Ни сказок, ни поэм А. С. Пушкин больше не писал, он занялся прозой и журнальной деятельностью.

Схожи судьбы двух поэтов и после обретения ими первой славы. Пушкин в своё время оказался высланным из Петербурга, Ершов сам уезжает из негостеприимной Северной Пальмиры, где он похоронил отца и брата и где так и не смог найти для себя работы после окончания университета. И всю оставшуюся жизнь П. П. Ершов связал с сибирским городом Тобольском.

Прожить в те времена только на доходы от литературного труда было невозможно. Пушкин вспоминал, что получал тогда очень высокие гонорары, но средств от публикаций не хватало даже на самое необходимое. Вот и Ершов был вынужден работать учителем в провинциальной гимназии. Его, конечно, помнили в столице, ожидали новых литературных открытий.

Кстати сказать, многие произведения тобольского сочинителя увидели свет благодаря П. А. Плетнёву. Это тот самый Пётр Александрович Плетнёв, который занимался изданием произведений Александра Сергеевича и был ближайшим другом Пушкина в последние десять лет жизни поэта. В 1838 году Плетнёв вспоминал об этом так: “Я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром”. Напомню, что поэтические строки перед началом повествования в “Евгении Онегине” посвящены именно Петру Александровичу Плетнёву.

Плетнёв и с Петром Ершовым поддерживал постоянные дружеские отношения, хотя был старше своего тёзки на 23 года. Именно Плетнёв открыл для публики сказочника, когда обучал Ершова словесности в Петербургском университете. После смерти Пушкина Плетнёв взял на себя редакторские функции в журнале “Современник” и в нём публиковал стихи П. П. Ершова.

От Плетнёва узнал П. П. Ершов о гибели на дуэли Пушкина. П. А. Плетнёв же сообщил другую печальную весть — умер русско-украинский писатель Евгений Павлович Гребёнка. Ершов был дружен с ним по Петербургу, в один год они дебютировали как сказочники: Ершов с русской сказкой, а Гребёнка с “Малороссийскими присказками”. Пушкин тоже знал Евгения Павловича, знакомство произошло после перевода Гребёнкой на украинский язык пушкинской “Полтавы”, такая книга, кстати, была в личной библиотеке А. Пушкина.

Судьбе было угодно познакомить Петра Павловича Ершова и с близкими друзьями Александра Пушкина. Один из них — Иван Пущин. Он, декабрист, после каторги отбывал ссылку в Ялуторовске. В те времена это уездный городок Тобольской губернии. Встречи Пущина и Ершова случались многократно, доказательством тому известный факт, что несколько лет спустя после гибели Пушкина в “Современнике” было опубликовано неизвестное до того стихотворение поэта. Перед публикацией было указано, что оно передано в редакцию Петром Павловичем Ершовым. Это было дружеское послание Пушкина в Сибирь “Мой первый друг, мой друг бесценный!”, написанное Пущину и полученное тем в первый же

свой день прибытия в Читинский острог. Благодаря трём друзьям: Пушкину, сохранившему стихи, Ершову, передавшему их из Сибири в Петербург, и Плетнёву, редактору журнала, — до широкой публики дошли проникновенные строки о том, как счастлив был Пушкин, когда его, ссыльного поэта, в январе 1825 года посетил в Михайловском “товарищ милый, друг прямой”. А спустя два года уже Александр мечтал, чтобы заточенье Ивана Пушкина было через стихотворные строки озарено “лучом лицейских ясных дней”.

В 1846 году в Тобольск из забайкальской каторги прибыл Вильгельм Карлович Кюхельбекер, ещё один лицейский друг Пушкина — “брат родной по музе, по судьбам”. Ершов общался с ним почти каждый вечер, посещая этого полуслеплого, полуглухого, но не сломленного ни одиночным заточением, ни десятилетним ношением кандалов мужественного, неординарного, бесконечно преданного литературе человека.

Не мог не рассказать Кюхельбекер Ершову о той незабываемой встрече, когда его, осуждённого, в цепях, переправляли из одной крепости в другую, и на почтовой станции Пушкин, узнав в арестанте друга, бросился к нему в объятия. Жандармы с трудом растащили их в стороны. Потом из крепости Вильгельм напишет Александру: “Свидание с тобою, Пушкин, век не забуду”.

А Пётр Павлович, в свою очередь, рассказывал новому тобольскому другу о том, как впервые встретился с Пушкиным, как тот высоко оценил “Конька-Горбунка” и как подарил ему первые четыре строчки для начала сказки:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба на земле
Жил старик в одном селе.*

Ещё мечтал Александр Сергеевич Пушкин взяться за издание “Конька-Горбунка” для народа, с картинками, по возможно низкой цене и в огромном количестве экземпляров. Жаль — не успел. При жизни П.П.Ершова сказка издавалась семь раз. Журнально, отдельными книжками, в малых тиражах, с купюрными многоточиями. Зато в двадцатом веке произведение это триумфально зашагало по планете, звучит оно на десятках языков, постоянно переиздаётся.

Так свершается житейская несправедливость. При жизни гениев называют странными людьми. Более предприимчивые вообще считают своих талантливых современников неудачниками. И Пушкин, и Ершов не нажили богатства. Умирая, детям не оставили наследства.

Так пусть же им настоящим памятником будут миллионные тиражи да благодарная читающая аудитория XXI века. Как тут не вспомнить последние строки поэтического вздоха Пушкина:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал ...*

Оставил и Ершов проникновенные строки своего поэтического завещания с надеждой, что мы его услышим:

*Враги умолкли — слава богу,
Друзья ушли — счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней я справлюсь как-нибудь.
Затихше душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него ещё, быть может,
Проснётся кто-нибудь другой.*

“Храни меня, мой талисман”

(О суевериях поэта)

По-моему, все мы, и истинно верующие, и просто крещёные, и атеисты, — все мы одинаково язычники. Украшаем новогоднюю ёлку и дарим детям подарки от Деда Мороза. Обязательно едим блины на Масленицу. Шарахаемся от чёрной кошки, перебежавшей дорогу. Заглядываем в зеркало, если вдруг приходится вернуться домой сразу после ухода. Всё это, и ещё многое другое, называем то традициями, то суевериями. Более того, придумываем различные обереги, талисманы, амулеты; искренне верим в них, храним, носим с собой; обижаемся, если кто-то не понимает нашей веры в их силу; оскорбляемся, если кто-либо не разделяет наших чувств к придуманным символам.

Так было всегда. В этом отношении мы не далеко ушли от человека, жившего сотни лет назад или тысячелетия.

Я всю свою жизнь с уважением относился к тем, кто хранил крестик на груди, и к тем, кто берёт партбилет в кармане. Уважал, но не понимал, как не понимаю и не уважаю сегодня всякое проявление религиозного и атеистического экстремизма, фанатизма, радикализма и навязывания единственной точки зрения на мир, жизнь, счастье. Потому, наверное, с интересом читаю Библию, Коран, и греческую мифологию, и критику на них. А научил меня этому Александр Сергеевич Пушкин.

Взаимоотношения с религией у нашего великого поэта выстраивались непростые. Был он и верующим человеком, и атеистом, и масоном.

Родился Пушкин в светской, дворянской семье. Был, как это и положено, крещён младенцем. Слово божье изучал в лицее, день там начинался и заканчивался молитвой. В праздники, а в те времена они были только религиозными, пел вместе со сверстниками псалмы на церковных хорах.

Первое отторжение от веры началось после двухлетнего общения с лицейским надзирателем по учебной и воспитательной части Мартыном Пилецким. Про меж себя в лицейском братстве его называли интриганом и святошей. Высокий, худощавый, с лихорадочными глазами, с язвительной улыбкой на губах, всегда в чёрном и с крестом поверх одежды, он очень сожалел, что в лицее были отменены розги. Единственное, чего он добился, — это, чтобы шалуны читали молитву на коленях. Унизительное наказание в присутствии стоявших товарищей. За постоянное подглядывание и нравоучения, ханжеское и фамильярное отношение к сёстрам и родственницам, посещавшим воспитанников этого закрытого учебного заведения, лицеисты возненавидели Мартына Пилецкого. Возмущение привело к ультиматуму: или Пилецкий уходит — или лицеисты. Директор лицея В. Ф. Малиновский, чтобы не придавать огласке детский бунт, поспешил удалить подозрительного воспитателя. Пушкин придавал этому событию особое значение. Позднее в автобиографии он отмечал, что это был поход против ненавистного ему фанатизма и всякого сектантства.

В те времена, как и сейчас, пользовались спросом различного рода предсказатели и гадалки. Однажды, уже после выпуска из лицея, Пушкин со своими петербургскими друзьями заглянул к известной в Европе гадалке Кирхгоф. Та разложила карты и предсказала, что Александр скоро получит деньги, что ему будет сделано неожиданное предложение, что он прославится и станет кумиром соотечественников, что он дважды подвергнется ссылке и что он должен ждать беды от белой лошади, белой головы или белого человека. Как и положено, друзья посмеялись над гадалкой, но, когда стали сбываться все подряд предсказания, Александр Сергеевич стал болезненно суеверным.

В Южной ссылке, в Кишинёве, он вступает в тайную масонскую ложу. В этот период Пушкин пишет поэму “Гавриилиада”, пародию на библейский сюжет. Чуть позже в Одессе поэт берёт “уроки чистого атеизма”, что, собственно, и послужит официальной причиной его второй ссылки. Он будет изолирован от светского общества и выслан в Михайловское под административный и церковный надзор. Здесь, в деревне, фиксируется в его дневниках фольклорный сюжет о проделках хитрого работника, пошедшего в наём к жадному хозяину. Позже из-под пера Пушкина появится “Сказка о попе и его работнике Балде”, которая при жизни поэта так и не будет опубликована.

Александр Сергеевич любил рассказывать случаи с приметами в его жизни. Зимой 1825 года он собирался тайком поехать в Петербург к своим друзьям, а именно к Рылееву. Но из-за зайцев, перебегавших неоднократно ему дорогу, он вернулся. Эта недобрая примета спасла его от участия в декабрьском восстании на Сенатской площади.

Зная пристрастие поэта к различным предметам, оберегающим его от напастей и бед, многие друзья дарили ему соответствующие талисманы. Вот судьба одного из них.

Известно, что Александр Пушкин был небезответно влюблён в графиню Воронцову, жену одесского губернатора. Прощаясь с изгнанником, Елизавета Воронцова подарила ему на память о себе кольцо-талисман с сердоликом, как символ любви и поэтического вдохновения. Ей, южной красавице, поэт посвятил не одно стихотворение, среди них “Храни меня, мой талисман”. Сердоликовое колечко присутствует и на известном живописном портрете работы В. Тропинина. С этим талисманом Пушкин не расставался до смерти. После гибели поэта его друг В. А. Жуковский взял это кольцо себе. Затем оно перешло к писателю И. С. Тургеневу, который, в свою очередь, хотел передать кольцо Льву Николаевичу Толстому, но не успел. Полина Виардо после смерти Тургенева оставила колечко в лицейском музее. После 1917 года история кольца прерывается.

А вот другая история. Московский друг Пушкина Павел Воинович Нащокин очень переживал из-за вспыльчивости Александра, как мог, оберегал его и даже уладил однажды ссору поэта с писателем В. Соллогубом, приведшую к дуэли. Особенно переживал Нащокин после случая с поэтом А. Шишковым, который был убит прямо на улице в результате стычки с неким поручиком, оскорбившем его жену. Павел Воинович подарил Пушкину кольцо с бирюзовым камешком — талисман от насильственной смерти. В день трагической дуэли колечко это, к сожалению, лежало в шкатулке. А стрелял в Александра Пушкина белокурый Дантес — сбылось последнее предсказание гадалки. Помог бы талисман поэту, сохранил бы его или нет? Не знаю. Вопрос этот останется без ответа. А я расскажу об удивительном обереге, который был обнаружен в могиле поэта.

Малоизвестен факт, что перезахоранивали прах Александра Сергеевича трижды и ещё дважды после этого вскрывали склеп-могилу поэта. Так вот, в 1953 году директор Михайловского заповедника С. С. Гейченко во время реставрации памятника и могилы обнаружил под плитами надгробья рядом с гробом поэта два черепа и бедренные кости. Не удалось доказать, кому они принадлежали. Так и не смогли тогда объяснить, как эти человеческие останки попали в могилу А. С. Пушкина и почему это были только череп и бедренные кости?

Но известно другое. В начале 19-го века в Москве и Петербурге была образована масонская ложа “Мёртвая голова”, на главном штандарте которой были изображены череп и скрещённые кости. Члены ложи носили перстень с изображением черепа. Дотошливый читатель может обратить внимание на описание одного из героев пушкинской повести “Барышня-крестьянка”, Алексея Берестова, который “носил чёрное кольцо с изображением мёртвой головы”.

Известен и такой факт, что Жуковский и Вяземский во время отпевания А. С. Пушкина положили ему в гроб свои белые перчатки. Для окружающих этот поступок был непонятен. Для членов масонской ложи, каковыми были друзья поэта, белые перчатки — обязательная часть одежды “братства”. Во время похорон и перезахоронений поэта у его могилы небеспричинно присутствовал кто-нибудь из масонов. Только этим можно объяснить появление символического оберега под тяжёлым памятником.

Умер Пушкин как христианин. Священник Пётр исповедовал его и причастил, удивившись смиренности и благочестию поэта: “Я стар, мне уже недолго жить. Я для себя желаю такого конца, какой он имел”.

Не всё то, что рассказываю сейчас, я знал всегда. К примеру, информация о жизни поэта и его непростых взаимоотношениях с религией приходила ко мне постепенно. Но я ловлю себя на мысли, что для меня не важно, был ли поэт атеистом, масоном, истинно верующим христианином или язычником. Обогащаясь знаниями о деталях жизни Александра Сергеевича Пушкина, я всё яснее начинаю понимать и ценить его поэзию, и с каждым прикосновением к ней приобщаюсь к тайнам творчества одного из гениев русской литературы и к тайнам одной из звёзд мировой культуры.

Тернист путь к звёздам

(Об отзывах современников о поэте)

По сравнению с любым современником Пушкина, нынешний школьник — просто знаток литературного творчества великого поэта. Кстати, и великим-то его при жизни считали очень и очень немногие. То благословенное время было насыщено писателями и поэтами. Стихи писали все более-менее образованные люди. Неслучайно пушкинская эпоха названа Золотым веком русской поэзии. Десятки и десятки имён блистательных литераторов оставляли славу русской словесности. И Пушкин был тогда всего лишь одним из них, и надо сказать — не самым печатаемым.

Во все времена рядом со славой одних соседствовала зависть других, гениальности противостояла посредственность, чиновники считали себя нужнее и умнее поэтов, обывательское окружение пренебрежительно относилось к талантам.

Многие из сверстников-лицеистов были удивлены тем обстоятельством, что к Пушкину в лицей приезжали Жуковский, Батюшков, Вяземский, Карамзин. Почему известные поэты и писатели хотели пообщаться именно с Александром? Казалось бы, есть более талантливые и достойные среди лицеистов. Трудно им, юным, было понять этих странных взрослых.

Модест Корф — один из самых сановных чиновников первого лицейского выпуска — считал Пушкина неудачником в жизни и слабым автором в литературе. И такой точки зрения придерживался не только он.

Если Жуковский после “Руслана и Людмилы” признал поэтическое первенство за Александром Пушкиным, то критики ведущих столичных журналов “Сын отечества” и “Вестник Европы” обвинили автора “в подражательности и пошлости слога”. Не понимали новизну пушкинской поэзии и многие из близкого окружения Александра Сергеевича. Баратынский прохладно-критически отзывался о “Евгении Онегине”, не одобрял он и сказок, сочинённых другом... Представители декабристской среды были убеждены, что “одна поэма “Войнаровский” Рыльева стоит выше всех поэм Пушкина”. Языков считал “вздором” такие произведения, как “Моцарт и Сальери”, “Анчар”, “Домик в Коломне”. Дмитриев умолял, что Пушкин “научил только легко писать и возможности болтать обо

всём красиво и поэтически”. А Надеждин высказался ещё жёстче, назвав поэзию Пушкина “в целом пустой, хотя и блестящей игрушкой”.

Обидные выпады в адрес поэта периодически тешили самолюбие его литературных противников. “Пора на Пушкина прошла, на него не только проходит мода, но он явно упадет талантом”, — так развлекал публику в “Московском вестнике” писатель Мельгунов. Ещё более беспардонно обошёлся со своим автором редактор ежесычника “Библиотека для чтения” Сенковский, узнав, что Александр Сергеевич собирается издавать собственный журнал, в рецензии на стихи некоего Тимофеева приравнивал поэзию этого посредственного автора к творчеству Пушкина.

Кстати сказать, Александр Сергеевич никогда не оставался в долгу, участвуя в литературной полемике и давая оценки своим критикам. Небезобидные пушкинские эпиграммы на обидчиков передавались из уст в уста в светских кругах. В письмах, статьях и стихотворных посвящениях Пушкин не жалел своих оппонентов. Два известных соперника по творчеству и издательской деятельности, Греч и Булгарин, были названы им в противоположность соловью-разбойнику грачами-разбойниками. Фаддея Булгарина с лёгкой руки поэта величали Видок Филлярин, а критика Бестужева — Бесстыдным.

Всё это вовсе не означает, что поэта не понимали его современники. Его первый учитель словесности Н. Ф. Кошанский, профессор, доктор философии, в своих учебниках по риторике уже в начале тридцатых годов 19-го века называл Пушкина гением. Издатели постоянно повышали гонорары, добиваясь приоритетности публикаций произведений поэта. Вот как об этом пишет Лев Сергеевич Пушкин, помогавший издавать стихи своему ссыльному брату в 1826 году: “Вся годовая сумма Полевого равняется с платой, которую предлагает мне Аладьин за одну пьесу брата”.

Имя Пушкина было на слуху и в столичном свете, и в провинциальных кругах, и в купеческих рядах. Истинную оценку его творчеству дал в своих статьях Белинский, определив ему место как основоположнику реалистического направления в литературе. Но это известный критик сделал после выхода в свет многих произведений, которые были неизвестны широкой публике при жизни поэта. У меня с трудом укладывается в голове тот факт, что современники Александра Сергеевича Пушкина не читали ни “Арапа Петра Великого”, ни “Дубровского”, ни “Медного всадника”, ни “Сказки о попе и его работнике Балде”, ни многих его стихов из лирики о любви и дружбе, ни задушевных строк о его няне, ни потрясающих строф об осени: “Унылая пора! Очей очарованье!”. Да и “Капитанская дочка” вышла в свет буквально накануне дуэли, а “Евгений Онегин” отдельным изданием был выпущен при Пушкине только один раз.

Время всё расставляет на свои места. Кто нынче помнит злопыхателей и гонителей поэта? Кто знает, что писали в те времена самые печатаемые тогда авторы Загоскин, Шевырёв, Шихматов, Кукольник, Булгарин, Бестужев-Марлинский? Ну разве что очень узкий круг специалистов. Где теперь знаменитые в прошлом газеты и журналы, издаваемые критиками пушкинского творчества? А вот “Литературная газета”, открытая Пушкиным, выходит в свет до сих пор.

Как и подобает гению, Пушкин вполне осознавал своё место в литературе, потому и в поэтическом завещании писал: “Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык”. Так ведь и свершилось! И даже более того, спустя почти два века Александр Пушкин по-прежнему один из самых издаваемых авторов во всём “подлунном” мире. Предвидел гений и другое: “хвалу и клевету” надо принимать равнодушно; обиды в жизни неизбежны, но их не стоит страшиться; а слава ... “Не требуя венца... Велению божию, о муза, будь послушна”.

Ведя непримиримую полемику со своими критиками на страницах журналов, Александр Сергеевич тем не менее был дружен и регулярно общался со многими из них в жизни, встречаясь на дружеских обедах, у общих знакомых и в светских салонах.

Примечателен и трогателен такой факт из последних часов жизни поэта. В день дуэли Пушкина должно было состояться погребение умершего накануне младшего сына Н. И. Греча. И вот, находясь практически на смертном одре, Александр Сергеевич просит врача передать своему издателю-сопернику, многолетнему литературному противнику следующее: “Поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере”. Да, сложными были отношения у поэта с редакцией журнала “Сын отечества”, который возглавлял Греч, но ещё в юности именно в этом журнале стали появляться стихи поэта-лицеиста. Воистину: “Не помня зла, за благо воздадим”.

Только после смерти Пушкина у многих критиков наступило прозрение, кого потеряла литература. Надеждин, который точил своё критическое перо о творчество поэта, каялся в своём несправедливом отношении к славе российской словесности. Сенковский опубликовал в своём издании статьи, где Пушкин характеризовался как великий национальный поэт. А Мельгунов в 1837 году принял активное участие в написании книги на немецком языке с портретом, биографией и характеристикой творчества Пушкина, это издание активно содействовало популяризации нашего великого поэта в Европе.

Тернист путь к славе, но на всё воля божья. То, что не сумели понять и оценить живущие рядом с гением, стало достоянием следующих поколений.

*Великий Пётр в эпоху роковую
Окно в Европу делом прорубил,
А дверь в литературу мировую
Бессмертный Пушкин словом отворил.*

Неугасимая страсть

(О коллекционировании)

При всей глобальности эпохи Пушкина, которую сегодня изучают по дням, часам, минутам и мгновеньям, мне кажутся небезынтересными детали, связанные с бытом, повседневностью и детализацией жизни того времени, в котором жил поэт.

Как и многие мальчишки моего детства, я в своё время увлекался коллекционированием. То собирал фантики из-под конфет, то складывал в коробочку царские и первые советские монеты, то обменивался марками, то развешивал на широкие ленты значки. Позже появилась страсть к собиранию книг, альбомов, энциклопедий, и самая ценная коллекция среди них была посвящена Александру Сергеевичу Пушкину. Сотни томов: это и фолианты весом в несколько килограммов, и миниатюрные издания размером в несколько миллиметров.

Все эти увлечения заполняли моё свободное время и расширяли мои знания об истории и культуре отечества, особенно мне было интересно как можно больше узнавать о пушкинском времени.

Тогда-то ведь многое было совсем не так, как сегодня.

Разбираю монеты и вижу, что в ту эпоху по-другому называли деньги.

В допушкинские времена двухкопеечная медная монетка называлась “грош”. При Пушкине такое название закрепилось за монеткой в полкопейки. Так и изображалось на ней — “1/2 копейки”. О ней-то, как о самой мелкой денежке, и родилась поговорка: “Гроша ломаного не стоит”. А в народе эту монетку любовно прозвали “полушкой”.

При Пушкине старинный “алтын” (золото) был серебряным, хотя достоинством был всего-то в три копейки. По традиции “пяتيالтынным” называли пятнадцатикопеечную денежку.

Нынешняя “десятикопеечная” медно-никелевая монетка стала так называться только с 1931 года, а до этого на ней чеканилось наименование — “гривенник”. При Пушкине она, как и “алтын”, была серебряной. А вот на монете вдвое дороже чеканилась цифра “20”, хотя разговорное название закрепилось за ней — “двугривенный”.

Нумизматы знают, что ещё до 1961 года монета достоинством в 50 копеек изготавливалась из серебра. При Пушкине же в обороте она была как серебряная, так и золотая, а называлась тогда — “полтинник”, так и чеканилось это слово на монете.

Ещё одно из моих увлечений детства — собирание спичечных этикеток. Старшее поколение помнит, что в советских магазинах продавались не просто спичечные коробки, а целые коллекционные блоки в красивой упаковке, с прекрасными цветными картинками. Спички были разного размера и с цветными серными головками. Стоили они дорого и были вожделенной мечтой коллекционеров.

Как и марки, спичечные этикетки распределялись по темам. Когда же у меня накопилось более десятка спичечных коробков с изображением Пушкина, я задумался, а были ли спички при Пушкине?

Огонь в те далёкие времена играл иную роль, чем мы сегодня можем себе представить. Отопление всех помещений шло через печи и камины, освещение внутренних пространств зданий осуществлялось посредством лучин и сальных, восковых, стеариновых свечей, а также масляных лампад: “Я в комнате моей пишу, читаю без лампы”. В спальнях лица на конторке у каждого из учеников, кроме канделябра со свечой, находились и специальные ножницы для снятия нагара с фитиля свечи. В обязанности дежурного гувернёра входило зажигать свечи в “студенческих кельях” до прихода лицеистов. Получение огня в то время было ещё достаточно проблематично. В домах и служебных помещениях его предпочитали иметь всегда под рукой в виде углей в печи. Излюбленное место отдыха в холодное время года тогда было перед камином: “Пылай камин в моей пустынной келье”.

А что же спички? Что характерно, первые самовозгорающиеся палочки в Европе использовались поначалу как фокус. Дьявольский огонь, возникающий из ниоткуда, шокировал публику. Появившиеся затем для широкого употребления спички так и назывались — “Люциферы”. Продавались они упакованными в металлические баночки, размером намного больше, чем те, что мы употребляем сейчас, и стоили недёшево. Кстати, первые фосфорные спички были небезвредными. Они стали распространённым средством самоубийства, особенно среди экзальтированных барышень — достаточно было проглотить одну головку. Лишь в двадцатом веке спички стали абсолютно безопасными.

В России “спички самогарные” появились впервые, по некоторым сведениям, только в 1837 году, так что Александр Сергеевич воспользоваться ими, судя по всему, не успел. И слово-то при нём такое — “спичка” — использовалось в несколько ином значении. В знаменитом “Толковом словаре живого великорусского языка” Владимира Даля словарной статьи с таким словом нет. Лишь в статье про “спицу” в уменьшительно-ласкательном значении упоминается “спичка”. Значит, прикуривал Пушкин свои трубки, а их было у него несколько, скорее всего, от свечи.

Какие же увлечения были у Александра Сергеевича? Что я знаю совершенно точно, так это то, что у поэта практически не было постоянного места жительства.

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).*

Вначале — вынужденное изгнание, затем — уже привычка. “Прощайте, братцы, мне в дорогу...”. “Промчится год, и я явлюся к вам!”. “И, дремля, едем до ночлега — а время гонит лошадей”.

Накануне свадьбы Пушкин будет ворчать: “Долго ль мне гулять на свете?”. Обручившись, молодые супруги в первый же год сменяют четыре квартиры. Ежегодно будут рождаться дети, и каждый ребёнок — по новому адресу. Александр Сергеевич будет часто находиться в разъездах, иногда подолгу. А переезды с квартиры на квартиру будут происходить и без него. В мае 1836 года он пишет жене из Москвы в Петербург: “Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезли и перетащили тех и других?”.

Дети и книги. Пушкин объединяет их в своём письме. Он нежно любил своих детей, а книги — неугасимая страсть с детства. За десять лет до этого письма, когда завершилась его ссылка, и высочайше было ему дозволено жить в столицах, для перевозки библиотеки из Михайловского потребовалось двенадцать подвод. Вот потому так переживал поэт за свои книги.

Умирая в своём кабинете, на диване среди книжных стеллажей, на вопрос доктора: “Не желаете ли видеть кого-нибудь из близких приятелей?” — Пушкин, обернувшись к книгам библиотеки, произнесёт: “Прощайте, друзья!”.

Собирание книг было не только увлечением Александра Сергеевича. Он, зная многое из французской литературы наизусть, помнил высказывание Вольтера: “Вновь прочитать уже читанную книгу, значит вновь увидеть старого друга”. А к дружбе и к друзьям Александр Пушкин относился с трепетной нежностью. Свидетелем тому его поэзия и вся его жизнь.

Да здравствует лицей!

(О судьбах лицеистов)

19 октября 1811 года был открыт теперь уже ставший легендарным, сделавшийся образцом для других лицеев — Царскосельский. Исследователями всего мира исписаны тома об этом уникальном учебном заведении. И в основном интерес вызывает первый набор его учеников. Любая школа гордится своими воспитанниками. Чего же достигли лицеисты первого, так называемого пушкинского, выпуска?

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас не мудрено блеснуть.*

Век науки и техники при Пушкине ещё не наступил, престижность и популярность естественно-математических, экономических, инженерных профессий ещё впереди, и тогда, в первой четверти девятнадцатого века, главенствовали гуманитарные науки. В лицее преобладают словесность и риторика русского, французского, немецкого языков, латыни; история всеобщая и Священная; Закон божий и философия; эстетика и право; нравственность как учебный предмет.

Из шестидневной недели лишь три дня были отведены точным наукам, из сорока часов недельной нагрузки только шесть были посвящены физике и математике.

Лицейстов готовили к государственной деятельности. Двенадцать из выпускников выбрали военную службу, а шестнадцать — вышли в гражданскую. И начинали они своё восхождение по чиновничьей лестнице с различных департаментов, министерств и ведомств: юстиции, финансов, народного просвещения и коллегии иностранных дел.

Александр Пушкин, ещё не решившись громко произнести главное, что он поэт, поэтом и будет — и в этом смысл его бытия, пишет перед выпуском:

*Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора.*

Из двадцати девяти первых выпускников лицея восемнадцать достигнут высших офицерских и гражданских должностей. И это притом, что шестеро не доживут и до тридцати лет, двое проведут жизнь на каторге, а один, так и не поднявшись в “Табели о рангах” от выпускного лицейского уровня, станет просто... великим национальным поэтом.

Педагоги Лицея могли бы не без основания гордиться своими воспитанниками: семеро дослужатся до генеральского звания или в гражданском чине до действительного статского советника. Трое станут тайными советниками. Ещё трое — действительными тайными советниками. И одному из лицейстов присвоят высший государственный чин — канцлера.

Какие же должности будут занимать выпускники лицея? К сожалению, Пушкину об этом не дано будет узнать. Итак, лицейсты на государственной службе.

Сергей Комовский — глава Смольного института благородных девиц. Павел Юдин — управляющий главного архива Министерства иностранных дел. Дмитрий Маслов — статс-секретарь Департамента Госсювета. Михаил Яковлев — директор типографии Его Императорского Величества. Сергей Ломоносов — посланник в Бразилию, Португалию, Нидерланды. Александр Бакунин — сенатор и Тверской губернатор. Фёдор Стевен — губернатор Выборга. Фёдор Матюшкин — адмирал, сенатор, “Почётный гражданин Греции”. И, пожалуй, наиболее удачливый чиновник из лицейстов — барон Модест Корф, ставший графом. Он был директором Императорской публичной библиотеки, начальником Отделения императорской Канцелярии, членом Госсювета, госсекретарём и, наконец, доверенным лицом императора Николая I. Не столь блестящей была карьера князя Горчакова, но при императоре Александре II во всё время его царствования он был министром иностранных дел, занимая пост канцлера Российской империи, будучи фактически вторым лицом в государстве после императора.

Такую возможность предоставит этим “государственным мужам” Царско-сельский лицей, где все они учились “понемногу чему-нибудь и как-нибудь”.

*Благослови, ликующая муза,
Благослови, да здравствует лицей!*

Окончание в следующем номере.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Досье для Первого, или По нотам волчьей дружбы

*Исторические параллели.
Из цикла “На плахе XX века”*

Вместо пролога.

Если мэтр ведёт не туда

*“Ben — Анафема” — семейная кличка
Бенито Муссолини (29.VII.1883—28.IV.1945)*

*“Der Wolf— Волк” — партийный псевдоним
Адольфа Гитлера (20.IV.1889 — 30.IV.1945)*

В двухтомных мемуарах достославного зубра кремлёвской дипломатии и давнего напарника Д. А. Кунаева по членству в Политбюро ЦК КПСС А. А. Громыко “Памятное” (1988) довелось мне вычитать удивительное суждение. О том, что — дословно — режим Муссолини был *креатурой диктатуры германской свастики*.

От редакции.

Недавно известному казахстанскому писателю, историку, литературоведу, критику и политологу **Владиславу Васильевичу ВЛАДИМИРОВУ** исполнилось 70 лет.

Родился он в г. Чимкенте. В журналистике и литературе с 1957 года. В 1963 г. окончил КазГУ имени С. М. Кирова, в 1977 г. — аспирантуру при институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР (Казахстана), Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов, Казахского ПЕН-центра. Автор многих книг художественной и документальной прозы, литературно-критических статей, исторических исследований, эссе, в том числе повестей и романов “Просто Ивановы”, “Лирическое отступление”, “Закон Бернулли”, “Летайте “Буазеном”, “Вернуться и ничего не забыть”, сборников “Если дорог тебе герой”, “На стремнине”, “Родные ветры вслед”, “Что же сказать комиссарам?”, “Не переставая удивляться и удивлять”, “Не надо грустить, господа офицеры...” и др., а также ряда историко-аналитических циклов, опубликованных в прессе Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Разножанровые произведения В. Владимировича печатались в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске, Кишинёве, Душанбе, Таллине, Берлине, Гамбурге, Братиславе, Дели... Ему принадлежат переводы с казахского языка рассказов Ж. Жумаханова, притч О. Акипбека, пьес М. Дузенова, романа писателя-фронтовика Х. Рахимова “Алая кровь смуглых парней”.

В течение десяти лет с 1991 года В. Владимирович был членом редколлегии и редактором отдела журнала “Нива”, является постоянным автором нашего издания с первого номера “Нивы”. За 18 лет на страницах журнала увидели свет многие его творения, неизменно привлекавшие пристальное внимание читателей и ценителей литературы.

В. Владимирович — заслуженный работник культуры Казахстана, награждён орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, “Знак Почёта”, медалями.

Редакция “Нивы” сердечно поздравляет Владислава Васильевича со знаменательным юбилеем, желает ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, счастья, благополучия и новых творческих достижений!

Именно так и заявлено на странице 47-й второго тома этих примечательных воспоминаний.

Подумалось — нет уж, дорогой Андрей Андреевич, тут у Вас явно не так: ко времени своего партийно-державного возвышения Гитлер мог знать и безусловно знал многое о режиме Муссолини. Но сам-то дуче в Италии и за её пределами действовал все эти свыше десяти лет. И причём *независимо* от Гитлера. И — видит Бог! — до роковых общегерманских выборов и после ничуть не полагал Гитлера, по Громько, своим “крёстным отцом”. А посему Муссолини изначально никак не мог быть “*креатурой диктатуры германской свастики*”. Ибо креатура, как издавна объясняют академические словари и прочие надёжные источники, — *ставленник* влиятельного лица, послушный исполнитель воли своего покровителя. Так толкует Советский Энциклопедический Словарь 1979 года — с. 657. То же самое утверждает Словарь иностранных слов 1980 года — с. 265. И так далее.

“Ты прав, Владислав Васильевич. Аллах с ним, с Андреем Андреевичем. Он ведь, сердешный, как и я, доктор экономических, но не исторических наук. Ты же убедился, когда с тобой были у Индиры Ганди. Хотя ему вроде бы неудобно не знать таких вещей. Впрочем, ни те, ни другие доктора *правдой* народ уже давным-давно не исцеляют, а вот всякой хренотой залечить могут вконец”, — с горькой досадою молвил Кунаев.

Ему тогда уже стукнуло 76. Но голос звучал по-прежнему с лёгкой молодой картавинкой. И был он, как всегда, красив и строен, подтянут и совсем не похож на свои в один прекрасный день моментально сгинувшие прочь официальные портреты. На них он был *никакой*. Но их на демонстрациях в революционные праздники таскала вместе с портретами других членов Политбюро ЦК КПСС — от края и до края — вся Держава.

А год на дворе у нас и вокруг в тогда ещё вроде бы целом СССР был горбачёвско-колбинский — 1988-й, Кунаевым тихо, но не единожды проклятый. Димашу Ахмедовичу приходилось тогда не сладко. Враз по команде со Старой площади изо дня в день, из месяца в месяц оглашённо и занудно подвывали на весь Союз и планету на пресловутой “кунаевщине” до того считавшиеся едва ли не самыми лучшими публицисты “Правды”, “Известий”, “Литературки”, журнала “Огонёк”, прочих изданий. Насылаемые Центром следователи по особо важным делам перекапывали весь Казахстан вширь и вглубь, доискиваясь тайников с уворованными Кунаевым золотыми слитками.

Не докопались.

По той простой причине, что никаких тайников не было и не могло быть.

Да, к его чести, теперь уже навсегда вечной, Димаш Ахмедович сумел выстоять. И Андрею Андреевичу Громьке (Д. А. склонял его фамилию) сумел великодушно простить его, скажу так, ангельскую позицию невмешательства в костоломные экзекуции, замечательное умение намеренно не замечать их.

А до этого десятилетиями Громько насылал Кунаеву самые сердечные приветы. От себя лично и от своей супруги Лидии Дмитриевны. Держал в курсе дел не только державных.

Д. А. отвечал полной взаимностью.

Десятилетиями Кунаев и Громько виделись то на всевозможнейших партийно-советских вече и ристалищах в Первопрестольной и других местах необъятного Отечества, то на отдыхе в Крыму или подмосковной Барвихе, то за границей в архиотвественных поездках. В самом верном обоюдном союзничестве они протолкнули через Политбюро решение множества важных проблем.

А тут всю эту ДРУЖБУ как бритвой обрезало...

Ни единого слова не молвил о Кунаеве в двухтомном “Памятном” его автор. Зато Горбачёва одарил гирляндами сверкающих похвал.

Впрочем, (это уж теперь задаю я такой вопрос) стоит ли удивляться?

Со вздохом отнюдь не возмущения, а скорее некоей печали и грусти отозвался Д. А. о “Памятном”. Особенно о страницах, посвящённых Италии. Почему именно ей — скажу скоро, ждать совсем недолго. А покамест вслушайтесь чутко вот в эти слова, изречённые с тихой обидой, вовсе не от самолюбивой уязвлённости:

“М-да-а... Видно, подменили Громыку. Натолкал, сердешный, про Италию всяческой дребедени и чепухи. Будто комолая корова жуёт жвачку. Пустота торичеллиева! Ну посуди сам. Наш народ знает об Италии прошлых веков куда как намного больше и лучше, чем об Италии нашего века. Тут полный вычет. Или почти полный. Нам важно знать, чем дышит Италия сейчас. А чем она дышала при Муссолини? А ведь дышала же! И до-о-лго, причём! Вот ты и объясни, почему и как. Но Громыка пичкает нас старьём, как проходил Четвёртый и последний дипломатический конгресс “Священного Союза” во главе с императором России Александром Первым. Стало быть, ещё при жизни Пушкина проходил. Да об этом я и без Громыки в любом учебнике истории почитаю или, ещё лучше, в хороших книгах прошлого века...”

“Может быть, написать Андрею Андреевичу? — довольно простодушно предложил я. — Обычной почтой, понятно, не пойдёт. Опять попрошу Воронина. Теперь он в Москву летает через день. Доставит как надо. Парень из надёжных”.

“Нечего писать Громыке, — тут же посуровел Кунаев. — А твой Воронин нам ещё не раз сгодится”.

Память у него на всех и вся была поразительной.

Громыко же ненадолго пережил своё “Памятное”. Сразу же после выхода мемуаров в свет создателя их Горбачёв в том же 1988 году отправил на пенсию, а сам по совместительству с генсековской занял “громыковскую” должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Большая номенклатура такие метаморфозы переносит очень тяжело. Или же вовсе не переносит. Короче, летом 1989 года Андрей Андреевич скончался. 5 июля его схоронили на Новодевичьем кладбище.

Горбачёва на похоронах никто не видел.

Ну а теперь всё по порядку.

Правда, если он где есть, этот самый порядок.

Поэтому, дорогой и понимающий мой читатель, не ожидай от меня неукоснительно-жертвенной верности классическим канонам сюжетосложения. Не жди и в этой эссеистской мозаике всего такого, чего обычно с разной степенью снисходительности требует от литератора на зачётах маститая профессура самого престижного среди всех пишущих института — Литературного в Белокаменной, а будь милосерд и снисходителен ко всему, что я тебе доверяю как на духу.

Доверяю с поразившими меня словами, приписываемыми британскому адмиралу Харту и явившимися ко мне теперь уже много лет назад (в 1992-м) из эмигрантской перепечатки московским литературным журналом “Другие берега”. Это необыкновенный журнал. Его выпускают вдвоём Галина и Ася Гусевы — дочь и внучка одного из самых дорогих мне людей, каких я только знал на белом свете, — Николая Николаевича Гусева. Я ещё не раз скажу о нём.

А слова адмирала Харта — вот они:

“Dear God, give us strength to accept with serenity the things that cannot be change.

Give us courage to change the things that can and should be changed.

And give us wisdom to distinguish one from the other”.

“Мой Боже, дай нам силы — достойно принять то, что неизбежно.

Дай нам мужество — изменить то, что изменить можно и должно.

И дай нам мудрость, чтобы первое отличить от второго”.

Такие вот правильные и праведные слова.

Для меня, быть может, напрасно и мало веровавшего в астрономически безбрежные возможности Всевышнего, но когда-то в раздалёкой молодости слагавшего неумелые стихи и на английском, эти слова и поныне вроде двуязычной молитвы, способной укрепить истинно, а потому наедине с собой и миром я их повторяю с непризрачной уверенностью, что они, если самому очень захотеть, наверное, смогут помочь.

А ещё к ним я всегда добавляю краткий, но великий завет своего великого соотечественника, обращённый теперь уже поверх десяти десятилетий к себе и каждому из нас — слова бессмертного Абая:

“Адам бол — Будь Человеком!”.

Всегда и во всём.

Как я стал консультантом по дуче, фюреру и ещё кое по кому и кое по чему

В первых числах января 1971 года среди необычного завала срочных и сверхсрочных дел (поболее всего была морока с подготовкой материалов к грядущему XXVI съезду КПСС) Кунаев неожиданно спросил, где я встретил Рождество Христово.

“Западное Рождество — в Восточной Европе, с полного Вашего позволения, Димаш Ахмедович, как помните. А Новый год, естественно, дома”, — ответил я.

“Ах да, правильно. Ещё и как помню, — улыбочиво отозвался Димаш Ахмедович. — В Румынии и Болгарии... Ты там после своих Швейцарий, Норвегий, Франций впервые побывал? Ага. Ну да ничего. Ещё наездишься...”.

Он сидел широкой спиной к огромному окну за рабочим столом, к которому перпендикулярно примыкал стол подлиннее — для оперативных совещаний. Заседаний Бюро ЦК Компартии Казахстана у себя в кабинете Кунаев не проводил. Для этого предназначался особый зал, и традиция эта никогда не нарушалась.

Вот за этим огромным столом-аэродромом первое к Кунаеву кресло занимал я, внимая Д. А. со всем прилежанием уже вступившего в исполнение своих служебных обязанностей.

Разговор был очень обстоятельным. Остальных Д. А. заранее просил пока не беспокоить.

Прожигая лёгкие долгой затяжкой, Д. А. курнул брежневскую сигарету “Новость” ещё разок, упругими тычками указательного пальца стряхнул белый пепел в синюю чашу из богемского стекла, служившую ему пепельницей, и хитровато прищурился:

“Курица — не птица, Болгария — не заграница”. Так, кажется, твой друг — лётчик Воронин в Софии говорил? Или не говорил? А вот ещё что он сказал: “В Румынии вообще порядки аховы. Пора опять нам свои войска на постой вводить”. Так, что ли, выражался? И ещё калякают: “Склонен к контрабанде. Кроме того, обсуждал с приятелями, как Николае Чаушеску на члене Георгиу-Дежа вознёсся к вершинам румынской власти. Хотя так оно и было...”.

“Не слышал, не понял”.

“А что тут непонятного? — слегка возмутился Д. А. — Чаушеску смолоду промышлял карманными кражами. Ловкий был. Но всё равно попался. Запятили его в тюрьму. А там уже сидел Георгиу-Деж. За политику. Вот он его сразу и приголубил. От слова “голубой”. Стал тот обслуживать Дежа. А уже после войны с подачи Дежа Чаушеску круто двинул в гору”.

“Ин-те-рес-но!”.

“А ты как думал? В политике, брат, и не такое бывает. Но вот только не всегда об этом следует вслух распространяться. Правильно говорят: ешь пирог с

грибами, держи язык за зубами. Не то что твой Воронин... А про тебя пока ничего худого. Ну да очень хорошо, что оба благополучно вернулись”, — задумчиво вздохнул Кунаев.

Откинув массивные плечи на чёрную спинку высокого кожаного кресла и уперев правую ладонь в кипу секретных московских бумаг из увесистой красной папки Политбюро ЦК КПСС, занесённой ему Абдрашитовым, Димаш Ахмедович со слабо-затаённым любопытством и, мне показалось, неким удовольствием наблюдал моё, скажу так, лёгкое смятение.

Манжета его белоснежной рубашки была безукоризненно чиста. Чёрная “тройка” с иголки. Ладно повязанный импортный галстук. Московские часы “Полёт” на крепком запястье левой руки. Его потрясающая осведомлённость едва ли не о каждом моём со Славой Ворониным шаге опять обескураживала.

Спрашивал сам себя молча:

“Так кто же это такой приткий успел наклепать на Воронина? Выездной чекист, закамуфлированный под преподавателя физкультуры, профсоюзного активиста или сотрудника Госстраха? Или же, как говорят в народе, стукач на партийно-общественных началах? Да, скорее всего, он...”.

Этого-то прохиндея мы с Ворониным знали. Кривоногий Опекун — так его прозвали за глаза. Однажды поздней слякотной ночью румынский патруль доставил Опекуна откуда-то с центральных проспектов Бухареста, обильно разукрашенных рождественскими лампочками, а по витринам лавочек и магазинов горящими свечами и зелёными ёлками, в нашу густо пропахшую едким дустом гостиницу (там ещё с древнего дня её основания безуспешно боролись с разного вида тараканами, клопами и прочими их собратьями) вдрабадан пьяным.

Опекун матерно шумел, костеря местные порядки, икал с перепоею и отплёвывался на зашарпанный паркет, а в паузах оглашал весь холл куплетами из русских народных песен. Кажется, был составлен протокол. Наутро за стандартным завтраком только и было шушуканий об этом ЧП. Поэтому Опекуну с таким малосмыаемым компроматным пятном вряд ли было можно кого-либо закладывать. Но он, как и вся его братия, держался совсем иной логики.

Как только мог, я без промедления защитил Воронина:

“Лучше бы этот Опекун доложил про себя. Про свои художества. Хотя бы ещё и про то, как румынские стражи порядка его, в сиську бухого, катали по Бухаресту на мотоцикле, пока случайно не наткнулись на нашу гостиницу”.

“Ладно. Дыши глубже. Успокойся, — с насмешкой сказал Д. А. — Недавно тут у нас в оттепель и тоже на милицейском мотоцикле покатали известного тебе поэта. Ну так и что? Бабай с ним и с вашим Опекуном тоже. Мало ли на белом свете дуралеев?... Кстати, ты утренние сводки — чекистскую и эмвэдэшную читал?”.

“Нет, не читал”.

“А как МВД расшифровывается знаешь?”.

“Знаю. Малограмотные Внуки Дзержинского”, — Д. А. любил политфольклор, а эту расшифровку особенно.

“Верно! — тихо восхитился Кунаев. — И кто же тебе такую контрреволюцию сказал?”.

“Вы же и сказали, Димаш Ахмедович”.

“Правда?”.

“Честное пионерское!”.

“Ну тогда ладно... Вместе когда-нибудь из партии вылетим...” — и эта по молодости наповал поражающая моё воображение расчудесная фраза была у него для меня ходовой.

Он вполне миролюбиво свернул рождественско-новогоднюю тему, приуспокоил:

“А за Воронина не бойся. Ты со мной работаешь. Чуть что — мне сразу скажи. Или Дуйсетаю... А у нас с тобой наворачивается о-очень важная штука, — сообщил Кунаев и похлопал смуглой ладонью по стопе секретных бумаг. — Но ты пока никому не распространяйся. Даже Дуйсетаю. В нашем деле надо уметь всегда вовремя промолчать.. Есть у нас с тобой что-либо срочное? Кому что мы должны?”.

Заглядывая в свою рабочую тетрадь, доложил кратко.

На всё получил: (1) ЦУ — ценные указания, (2) БЦУ — более ценные указания и (3) ЕБЦУ — ещё более ценные указания. Такая градация Димашу Ахмедовичу нравилась.

“Вот и выполняй теперь. Да смотри, не надорвись. А как у Гусева его пьеса о Никосе Белояннисе и фронтовые рассказы?” — спросил Д. А., всё-таки взяв новую толстенькую сигаретку из пачки, уже с утра изрядно опустошённой.

“А никак!” — резанул я правду-матку.

Кунаев озадаченно воззрился на меня:

“В чём дело?”.

“Дело в шляпе”.

“В какой шляпе?”.

“В той самой, куда надо положить пиастры”, — несколько иносказательно ответил я.

“Поясни, пожалуйста, святой Владислав”, — сквозь зубы попросил Кунаев, потому что в зубах уже была “брежневская” сигаретка, а в правой руке бывшая моя зажигалка — сувенир из Румынии.

Тогда я вкратце обрисовал ситуацию:

“Гусев родом из Багуми. Вот и книгу свою пытается издать на Кавказе. А живёт уже не первый год тут. И семья здесь. А там, видимо, без взятки ни-че-го не получится у него с книгой”.

Д. А. выбил из дарёной зажигалки светлый язычок пламени, поднёс его к сигаретке и пыхнул дымком в сторону после первой затяжки:

“Ни-че-го? Да? Ну тогда пусть зря Гусев не старается. Мы ему и здесь поможем. Причём без единой монеты. А ты возьми на контроль. Самый строгий! И помощникам Шеварднадзе больше по ВЧ не названивай. Они ему помощники, но никак не Гусеву. Поэтому нечего зря перед ними шапку ломать. Понял?”.

Встал во весь свой большой рост.

Я тоже поднялся.

“Ну как не понять? — радостно отозвался. — Не дурнее же паровоза”.

“Сиди! Сиди! Тоже мне скажешь!” — он рассмеялся моей самооценке, ещё, разумеется, не ведая, что в прошлом сталинградец, шифровальщик Крымского фронта, сотрудник ГРУ — Главного разведывательного управления, корреспондент ТАСС в Афинах Николай Николаевич Гусев на многие годы станет одним из наших подшефных, а лично мне — верным, бескорытнейшим старшим другом до самого последнего своего дня — 8 ноября 1998 года.

“Да вот ещё. Передай Дуйсетаю, чтобы он проконтролировал письмо Лукьянца. Человек пятнадцать лет в самое трудное время работал зампредом Президиума Верховного Совета, а приличной квартиры и поныне нет. Всемером ютятся на пяточке. Или вот что. Пусть Дуйсетай ко мне сам после тебя зайдёт. Это же его вопросы. Там ещё директор “Казахфильма”, как его, да знаешь ты его — он всю жизнь только и улыбается — квартиру о-очень просит. Ну хотя бы фильм приличный поставили бы, а? Потом уже и разговор был бы другим!.. А то даже киргизы нас в кино по всем статьям обштопали!.. Прочно занимаем первое место. Но — с конца! Вся страна смеётся над нашим “Казахфильмом”... — досадливо сокрушался Кунаев, вымеряя широкими шагами расстояние между своим креслом и огромным застеклённым книжным стеллажом.

Уже немного зная его характер, я, возможно, и невеликий психолог, но, кажется, правильно решил, что в такой ситуации было бы лучше всего срочно отвлечь его. Попытался из всегдашнего своего резерва подать самую свежую народную байку, но он уже не поддавался, резким жестом крупной ладони скинул прочь моё намерение и продолжал с напором, да так, как будто бы и я был тут в ответе — упустил, недосмотрел:

“А этот твой, — Д. А. опустил уголки губ и по слогам и с лёгкой брезгливостью назвал фамилию худого, костлявого и невероятно злобного, однако назойливого и пробивного литератора, не вылезавшего из комфортных загранпоездок за госсчёт. — Представляешь, только что гостил в Иране, а теперь проездной билет Дели — Алма-Ата — Дели у меня выклянчил. Как тут, скажи мне, пожалуйста, ему в глаза откажешь? Ты — я тебя ещё раз о-очень прошу, о-очень! — ты всех этих настырных нахалов, пожалуйста, сде-е-ерживай! Как это Дуйсетай умеет”.

“Но, Димаш Ахмедович, ведь они мне не исповедуются. Обещают мне говорить у Вас совсем о другом. А как заходят, так и рожают просьбу за просьбой”, — попытался объяснить я.

Он снова принялся вышагивать по кабинету.

“А ты твёрдо их предупреждай, что у меня тут не домостроительный комбинат, не касса взаимопомощи и не собес. Не могу я им всем квартир, званий, госпремий, загранпоездок, дач, пенсий, всего прочего понадавать. Не могу, ты это понимаешь? Я не Аладдин, волшебной лампы нет. И даже не Старик Хоттабыч. И не надо тут китайских церемоний. Понял? Всё равно всем мил не будешь. Недругов, самых заклятых, у тебя теперь станет больше. Знаешь их сколько у меня? О-о-о! Пруд пруди! Кому поможешь, тому, значит, ты верный друг. По гроб. А кому откажешь, тому — недруг. Тоже по гроб. Вот и весь тут расклад!.. А ты теперь вроде как мне принадлежишь. Ну а я — тебе. Отвечать вместе за всё будем. Так что режь напрямик! Но, понятно, поделкатнее. Отказывать, брат, как говорил Калинин, тоже уметь надо. Вник?”.

“Попробую”, — пообещал я.

Он помолчал, успокаиваясь, потом пригласил меня взглядом присесть поближе и пододвинул ко мне уже раскрытую толстенно-краснообложечную папку с секретными и совершенно секретными материалами Политбюро (а иных там никогда не водилось).

“Так вот тебе ещё такое о-очень и очень серьёзное поручение есть...” — сказал и затем опять глянул в громадное окно на большой заснеженный сквер, толково разбитый и заботливо ухоженный его давним-предавним, как он сказал, “благодетелем, кормильцем и поильцем”, всемогущим Николаем Ефимовичем Бабкиным.

К тому времени я уже малость общался с этим интересным старцем — Бабкиным, у которого (мир тесен) — один из моих журналистских коллег (неугомонный Григорий Иванович Денисенко) был в помощниках, в принципе отзывался о нём неплохо и мог рассказывать о нём долго. Особенно про его разговоры со Сталиным, Ворошиловым, Берией.

Лично же с Бабкиным меня свёл Дуйсетай. Знакомство было в кулуарах какого-то значительного партийного курултая. Действо творилось в Казахском академическом театре оперы и балета имени Абая. В антракте между близнецовыми речами, горячо одобрявшими выступление Первого.

“А! — сказал мне в так называемой правительственной комнате с медовым вздохом, хитро прищулив мелкие глазки и сияя жёлтой, наголо бритой головой, Николай Ефимович, кособокий и кривоногий, очень похожий на утконоса. — Хорошо ты Димашу речь оформил. Молодец!”.

И неспеша отхлебнул из гладкого фужера минеральной воды.

Одевался Бабкин не как все. Но самым главным отличием от обычных партсмертных была его безгалстучность. Смотрелось в партприсутствии это прямо-таки необыкновенно. Без обязательных в любом случае строгих галстуков обходились разве что в партийных домах Прибалтики, но не где-либо в других местах по всему СССР. Это уж точно.

Я попытался представить его молодым и — никак не смог. Мне показалось, что он сразу родился таким вот, каким стоял передо мной и, подсапывая плоским утячим носом, хмуро скрипел:

“Ну-ну! Не дрейфь! Но и не радуйся. Радоваться теперь тебе ре-е-едко придётся! Хлебец у тебя больно трудный. Уж я-то знаю! Даже если будет он с маслом. Каторга! Но держись. Димаш тобой доволен. Вот, говорит, наконец-то дельный человек. Недаром у тебя с университета похвальный диплом! Говорят, ещё и диссертацию закончил? И Зухра Шариповна Димашу тебя и твою жену тоже в склад и лад осахарила. Хвалила её — умница, говорит. Во Францию вместе с Зухрой вы ездили. Было дело? Было! Давно? Ну так и что? Вся жизнь со временем превратится у каждого в это самое давно”.

Он отпустил мою ладонь, брезгливенько пошмякал толстенными губами, размеренно покачал лысой, как бильярдный шар, головой, вроде бы затверждая сказанное.

Чувствовалось, что старикан (сказывали, подолгу не вылезавший из дома Кунаева и часами беседовавший с его женой Зухрой Шариповной) при всей своей вседозволенности не чурается, так сказать, вполне здравых философических размышлений.

О Бабкине Кунаев всегда отзывался охотно и — с непременным пиететом. И на сей раз тоже:

“О-о-очень своеобразный человек! Раньше руководители по своим кабинетам не расслаживали. Бабкин тоже вертелся. Как белка в колесе”.

“Не очень-то он на белку похож”.

“Всё равно вертелся. И меня в это колесо втравил. Сосватал мягко, а спать до сих пор жёстко. А в войну спать было некогда. Сталин гонял всех. Как сидоровых коз. Да и сами понимали. Или мы. Или — он, Питлер. О Муссолини вообще речи не было. Первым секретарём ЦК у нас был Скворцов. У него родного брата Ежов арестовал. Так Скворцов и не пикнул. А попробуй-ка пикнуть! Вторым — Шаяхметов. Он всегда брился наголо. Сталин его не за это ценил. Предсовнаркома — Ундасынов Нуртас Дандабаевич. Умнейшая голова. Лингвист, филолог. Языковед, во всяком случае, не хуже Сталина... Работа была не мёд. На износ”.

“Но у вас-то есть запас прочности”.

“Есть, Владислав. Есть. Не хвалюсь, но белоручкой никогда не был”.

Для меня теперь совершенно бесспорно: Бабкин в неофициальной истории Казахстана и такой же биографии Кунаева — значительная фигура. За многие годы мне довелось разгрести монбланы материалов прошлого, перечитать несчётное количество всевозможных изданий записных партийных и прочих историков — сборников научных трудов, полувоспоминаний, диссертаций и т.п.

Никто из них и слова не обронил о Бабкине.

Лишь работая в 1998 году, объявленным Президентом Казахстана Годом памяти жертв политических репрессий, над выпуском в свет громадного тома “Депортированные в Казахстан народы. Время и судьбы” (с подачи главы Фонда изучения творческого наследия репрессированной интеллигенции Казахстана сразу мне понравившегося литератора и учёного Гарифуллы Анеса), я наехал на кое-какие документы военно-тыловой поры, лично подписанные замнаркома внутренних дел, а затем зампредсовнаркома Бабкиным.

Они очень его красили, эти строгие документы, — действительно как заботливого человека, которому не были до лампочки судьбы людей, жестоко

депортированных в Казахстан. И я молча (а зачем и кому говорить?) порадовался за покойного Николая Ефимовича.

... А в то утро январское солнышко забралось уже довольно высоко. Под его брызжащими лучами в самом центре сквера на фоне далёких бело-синих вершин Заилийского Алатау тяжеловесно-бронзовый Ленин на массивном гранитном пьедестале в полуснятом пальто и громадных ботинках (лучшей композиции выдающийся скульптор Вучетич не придумал) могуче простирал огромную ладонь куда-то в створ между далековатой от Алма-Аты Москвой и не очень далёкой китайской границы. На большом пальце любимого вождя сидела крупная ворона.

Я невольно проследил за взглядом Д. А. и, не дожидаясь, как он мне разъяснит своё очередное “о-очень и очень серьёзное поручение”, всё-таки не удержался от вопроса:

“Правду ли говорят, что в других столицах от этой могучей скульптуры все отказались, потому что Вучетич слишком дорого за неё запросил? Да и уж очень грузно она смотрится...”.

Кунаев с серьёзным поручением не поспешал, ответил, но всё же озабоченно приобнял толстенную красную папку с боков обеими руками:

“Не знаю-не знаю про запрос Вучетича. Знаю, что он большой талант. Есть и у него странности. А у кого их нет? Но он не шкуродёр, однако, и не промах. Своего не упустит. В любом случае этого Ленина когда ставили, то меня не спросили. Надо у Бабкина узнать. Он всё хорошо помнит. Живая энциклопедия”, — уважительно сказал Д. А., замедленно глянув на свой “Полёт” и тщательно фиксируя, как движется под гладким стеклом на его циферблате тонкая секундная стрелка. Было у него такое обыкновение. Но далеко не всегда оно означало, что пора свёртывать разговор, хотя многие это именно так и понимали.

“Бабкин насадил в этом сквере свыше трёхсот видов деревьев и кустарников. И все принялись. А раньше тут военный госпиталь был. Ещё с казачьих времён”, — с утепленным одобрением в голосе, чуть прикартавливая, сказал Кунаев, отвлекаясь от циферблата часов и своего задания мне.

Позже я всегда убеждался, что ни одного из, на его взгляд, трудных поручений мне он не давал просто так. Всегда старался их сдобрить каким-нибудь непринуждённым воспоминанием из своей или чужой жизни, бытовым или историческим анекдотом, обязательной шуткой, любопытной историей, нередко альковной или бахусной.

И на этот раз, усмешливо посматривая на припорошенного снежком бронзового Ильича и огромную ворону, он коротко поведал о том, как в приграничном районе два его главных лица умудрились добыть наличными деньги, предназначенные на сооружение в их райцентре статуи великого учителя и друга всего прогрессивного человечества, и успешно просадили их все до рубля и последней копейки на водку и в карты в столице братского Узбекистана.

“Вот только профуры, к их счастью, не были замешаны... Смех смехом, а ты над съездовскими материалами продолжай корпеть. Над моим докладом на нашем съезде. И над московской речью на XXIV-м. Крупные проблемы поставим... Да, вот ещё. Скоро полвека комсомолу Казахстана. Выбьем для него орден Ленина. Будем вручать. Тоже надо что-то доброе сказать. Готовь, пожалуйста... Только телефоны на столе не держи, а поставь их подальше. Как у меня”, — Д. А. простёр сильную длань в сторону специального столика для телефонов.

Поздним вечером их все до единого обследовал неразговорчивый малый. Молча приходил. Что-то замерял-обмерял. Потом так же молча уходил. Привидение в штатском. Было и — не было.

“А зачем — в угол, да ещё и дальний?” — спросил я.

“А затем, чтоб на каждый звонок отзываться не сидя, а стоя. Тогда геморроя не будет”, — серьёзно объяснил Д. А.

Я посоветовал запатентовать этот способ.

Он быстро переадресовал совет мне и уверил:

“Год у нас с тобой будет интересным. Но и пахать надо много. Как всегда. Главное нам дать стране Большой Хлеб. Он — всему голова!”

Кунаев произнёс это с очень большим значением.

“Ну и, понятно, индустрия наша тоже должна не подкачать, — продолжил уже в обычном деловом тоне. — Строительство тоже. Транспорт. Наука. Культура. Искусство. Театр. Кино. Библиотеки. На селе и в аулах тоже. Пора кончать с понятием “глубинка”. Дороги будем строить новые. Авиатрассы создавать... В этом году предстоит колхозникам пенсии повысить. Это огромные суммы понадобятся. Но сами они нам с неба не свалятся, и никакой добрый дядюшка не одолжит.. Оплата труда железнодорожникам заметно улучшится. С них Брежнев думает начать. Правильно. Саратовскую и Красноярскую гидроэлектростанции, наконец-то, до ума доведём. С Байконура на Марс пойдёт автоматическая станция. И не одна. Сначала посадка на Марс будет. А позже сделаем Марсу искусственный спутник. Пятеро наших космонавтов тоже стартуют с небывалой программой. Сначала двое, за ними ещё трое. Потом эти трое вернуться на Землю. Один родом из Казахстана. Актюбинский. Пацаев фамилия. Американцам нос утрут. Представляешь?” — Д. А. принялся раскуривать новую сигарету.

“Представляю. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”, — строкой из бодрой авиационной песни предвоенной поры откликнулся я.

Ворона тяжело взмахнула крылами, оставила большой ленинский палец и, грузно проваливаясь в морозном воздухе, полетела в направлении главного почтамта и довоенного Дома Правительства напротив него.

“Кому в космос, а кому, брат, — в Италию”

“Значит, как ты говоришь, в старой песне поётся — чтоб сказку сделать былью? Если угодно, то именно так, — серьёзно подтвердил Кунаев. — Хотя в жизни, сам хорошо знаешь, есть и страшные сказки”.

Никто из нас тогда, конечно, не мог и подумать о том, что возвращение на Землю трёх космонавтов Добровольского, Пацаева и Волкова закончится их внезапной и мучительной гибелью — от удушья.

“Ладно. Кому в космос, а кому, брат, — в Италию. Готовься. Полетим вместе. Вот тебе все итальянские бумаги, — наконец-то он раскрыл секрет и подвинул ко мне толстенную красную папку вплотную. — Это творения москвичей. Верни мне сразу же, какознакомишься, и садись за свои для меня. Современности у нас избыток. Нужно истории. Но не старья. И — не чуть-чуть. Понятно?”.

“Вполне”, — коротко ответил я.

“Ну вот и замечательно, — улыбнулся Кунаев. — Иного ответа от тебя я и не ожидал. Теперь ближе к делу. Не поспешай, но тем не менее побыстрее. Времецко ещё есть, но и оно поджигает, — кивнул на календарь. — Заведи, как это любят называть, досье для меня по Италии. И не только по ней. Раскопай всё, что можно и что нельзя... Про Муссолини особенно. Про его отношения с Питлером... С Черчиллем... Со своим монархом, как его там звали, вроде бы Виктором-Эммануилом, что ли... Надо побывать и в их шкурах. Отыщи, где и как итальянцы у нас воевали... Как американцы в войну шурували в Италии. О её партизанах тоже надо... Всё-всё разыщи. Чтобы полная картина была. Сделай в форме тезисов. Или как тебе будет удобней. Захочешь, в стихах. Или ещё как. Я не возражаю. Потом тебе же самому пригодится. Сам знаешь, в старину говорили: “Все дороги ведут в Рим”. Вот и мы двинем туда. В этот Вечный Город. Нет, не на съезд, а на торжественный пленум по случаю 50-летия Итальянской компартии.

Задание не парадное, а — ответственное. Пленум — это прикрытие. Отношения у нас с ними и французскими коммунистами не из простых. Мне предстоит выступать. И не только с трибуны. Придётся говорить по существу, а не одни здравницы. Будут переговоры-уговоры, встречи с историками тоже. Нам Италию терять нельзя. Надо подковаться как следует. Чтобы мы с тобой там не попали впросак, не опростоволосились... По возможности надо всё знать. Так полагает Леонид Ильич, — раздельно и негромко оповестил Кунаев о главном. — Тебе полмесяца сроку хватит? Короче, станешь для меня консультантом по Италии. И по Германии тоже. У нас так — сегодня Италия, а завтра Новая Зеландия. Или Старая Зеландия. А то и Антарктида... Ты уж постарайся, пожалуйста... Договорились?”.

Что я должен был сказать в ответ?

Конечно же, — да.

Где эта улица — Кларетты Петтачи?

Ловким щелчком Д. А. выгнал из пачки новую (кошмар: уже третью или даже четвёртую по счёту!) сигаретину, но раскурить её раздумал, только повертел замедленно, озабоченно вынул из толстенной папки несколько скреплённых страниц машинописи:

“Вот, для начала посмотри. Что-то мне этот московский проект нашей итальянской речи не совсем нравится. Шаблон. Трафарет. Суконная казёнщина. Вроде как по обязанности словеса... Надо подтянуть текст...”.

Он заботливо взял из прозрачного пластмассового коробка отдельный квадратик бумаги и стал на нём набрасывать фломастером только одному ему да ещё мне понятные иероглифы, приговаривая:

“Вот что надо обязательно и тепло вспомнить — про Антонио Грамши. Необыкновенный человек! — обозначил на листке что-то похожее на аббревиатуру АГ. — Он основатель партии, соратник Ленина, активный деятель Коминтерна. К слову, женат был на дочери русского народника Аполлона Шухта. Дай Бог памяти, звали её Юлией... В Италии у Грамши была любимая девушка. Тьфу ты, опять забыл, как её. Вроде бы — Пиа Карена... — Д. А. нарисовал ПК, слегка красуясь, демонстрируя свою память, и всё-таки опять потянулся за румынской зажигалкой. Пристально принялся её рассматривать, далее выговаривая каждое слово отчётливо и раздельно, будто вёл диктант:

“Но любовь к Юлии переселила. Муссолини закатал Грамши сначала в ссылку. Затем в тюрьму. Знаешь, какой приговор был? 20 лет 4 месяца и 5 дней. Потом скостили до 10 лет. Грамши пробыл в заключении от звонка до звонка. Его пытались наши выволнить, обменять. Но Муссолини упёрся. Ни за что! Ни на кого! Ни в какую! Он хорошо знал, если Грамши выйдет на свободу, то здорово укоротит фашистам их сроки...”.

“А Сталин? Почему не помог выволнить? Сумели же освободить Георгия Димитрова”, — спросил я, тоже помечая нужное мне.

“Антонио Грамши — фигура посильней Георгия Димитрова, — убеждённо заверил меня Кунаев. — Димитров — фигура, так сказать, пафосная. Оратор незаменимый. А Грамши не мог долго выступать. Он задыхался. Астма. Но зато он умел мыслить и писать. А это существенней. Его недаром смертельно боялись не только Муссолини с Герингом! Кстати, не забыть бы нам с тобой — будь жив Грамши, ему нынче 80 лет ровно было бы. Такой момент ты в речь непременно воткни! — Д. А. очень жаловал этот глагол во всех наклонениях, а про Сталина будто бы и не расслышал. Памятуя об этой его манере — не слышать, когда надо, я не стал повторять вопроса.

“И про Пальмиро Тольятти нам нельзя забыть, конечно. Боевой политик, хотя и в очках всю жизнь. Очень неудобно в очках”, — вздохнул Кунаев, выводя фломастером знак ПТ.

“Горький писал — не доверяю людям в очках. Кажется, в своём самом главном романе. В “Климе Самгине”, — почему-то сказал я. Скорее всего, потому, что Тольятти на его фотографиях мне никогда не встречался без неизменных толстых очков.

“Ну если бы твой Горький знал Тольятти, так бы не написал. Тольятти не заметал, как у них говорят, мусор под ковёр. Честный и открытый был. Его сам Сталин уважал!” — недовольно возразил Д. А., оставив сигарету и машинально трогая на столе свои очки, в которых его мало кто видел.

Потёртый футляр для них из зелёной замши (ценою, как однажды оповестил меня Д. А., в пять с половиной иранских риалов) тускло поблёскивал персидской позолотой на внушительной кипе свежих центральных и местных газет.

Сверху других возлежала многожды орденосная “Правда”. Чтобы тщательно прочесть её, не пропуская никаких материалов, то есть от призыва “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” до подписи “Редакционная коллегия”, требовалось более часу. Само собой, такую роскошь Д. А. себе позволить не мог — просматривал по диагонали. Но любую публикацию о Казахстане — основательно.

“И потом, знаешь, — Д. А. понизил голос, — святой Владислав, не всё правильно писал Горький...”

Он со значением поднял указательный палец и подержал его вертикально секунду-другую-третью:

“... Горький, например, когда грелся под итальянским солнышком у тёплого моря, Господа Бога для Ленина наискивал усердно, — вспомнил Д. А. — Ага, тебе это и без меня хорошо известно... А при Сталине он восторгался перевоспитанием заключённых. Да мало ли ещё... Приятное винцо на Капри Горький попивал... Да и женщин красивых не забывал. Хотя разница между красивым и прекрасным часто очень велика! Но великий классик наш, молодец, обожал жизнь, так сказать, во всех проявлениях. Не спешил домой ... М-да-а... Не всё так просто... Я стоял у гроба Тольятти. Настоящий был вождь! Ты знаешь, он составил весь план итальянского восстания на самом решающем этапе. Оно так и называется в Истории — Апрельское восстание Сорок пятого года. И сыграли нормальные итальянцы этот план, как Никколо Паганини по нотам! А ведь мы начисто забываем — ты спроси у любого, так вряд ли кто правильно скажет, когда Италия вышла из войны против Советского Союза. Ответит — в 1945-м. А она уже в 1943 году и в том же году объявила войну Гитлеру. Было, по сути, две Италии. Одна, королевская — против Гитлера. Другая, республиканская — за Гитлера... Ну это, разумеется, схема. Однако Муссолини почти до самого конца Гитлера возглавлял вот эту *другую* Италию... И про Луиджи Лонго тоже надо сказать. Сейчас он у них уже очень болен, еле-еле душа в теле. Ноги едва таскает. А почему? Да потому что в войну сам натаскался по разным партизанским тропам. В горах и на равнине. Представляешь? Как маршал Тито. Знает, почём фунт лиха. Прирождённый стратег. В войну из боёв не выходил... Пальмиро Тольятти тоже вояка был опытный. Короче, про Грамши, про Тольятти, про Лонго я долго могу толковать. А вот про последнего итальянского короля и про этого самого дуче Муссолини знаю куда меньше...”

Чувствовалось, что Д. А. выверяет на мне прилежно им читанное. Читанное, скорее всего, недавно. Быть может, четверть часа назад.

Говорят ли в доме повешенного о верёвке?

Кунаев помолчал, вроде бы пересиливая себя — прямых назиданий он не любил, обращался к ним неохотно, да и в собственной неосведомлённости всякий раз признавался без особого восторга. Как эхо прозвучал повтор оборванной фразы:

“... знаю куда меньше...”

Он поднял глаза и затаенным строгим взглядом приобщи́л и меня в виноватые: “А это, дорогой мой, в нашем с тобой положении просто непозволительно. Хотя в доме повешенного не говорят о верёвке. Муссолини, кажется, повесили итальянские партизаны? Москвичи ничего в своих бумагах об этом не написали. Дело, по их мнению, очень давнее”, — Кунаев полувопросительно посмотрел на красную папку.

“Муссолини партизаны повесили. Но уже после расстрела. Вверх ногами. Вместе с его любовницей Клареттой Петтачи”, — сказал я.

“Откуда знаешь?” — отрывисто спросил Д. А., опять вычерчивая фломастером на листке очередной знак.

“О! Ещё с газетной поры”, — сказал я не без удовлетворения.

Действительно, в конце 50-х — начале 60-х годов наши журналисты с историками очень интересовались европейским Сопротивлением нацизму и фашизму. Прежде всего на высокой волне благородного и небывалого открытия раньше мало ведомой нам истины — оказывается, не только один Советский Союз противостоял заклятому врагу! Оказывается, Сопротивление было, под стать самой войне, *мировым!*

Европейским...

Азиатским...

Африканским...

И эта тематика не только мною осваивалась увлечённо. Но, право, никаких для неё недоступных материалов практически не было. В ту пору ими охотно делились *все* отечественные и зарубежные гражданские и военные архивы, так называемые спецхраны — тоже.

Считаю страшные рассказы волгогоновых и иже с ними о недоступности спецхранов сущей ерундой. Достаточно было письменной просьбы от редакции газеты или журнала в соответствующую инстанцию (вот тут-то надо было точно знать, в какую именно), и такой “сим-сим” срабатывал чётко. Ни одного отказа не помню. Эффективно помогала и система межбиблиотечного абонемента. Через МБА *любую* книгу из любой библиотеки Советского Союза, других стран можно было получить через месяц и даже раньше. Причём бесплатно. Тогда ещё не ведали мы духовного безразличия и одичания.

За крохотную, чисто символическую плату любой госархив присылал фотокопии (тогда ещё там не было ксероксов) искомым материалов, а уж командированных туда жаловали совершенно необыкновенным вниманием и радостью.

“А ещё что ты знаешь про Муссолини?” — уже вроде бы окончательно передав мне толстенную папку, спросил Кунаев с выжидательным выражением большого интереса.

“Фашист он был главный”, — чересчур кратко отозвался я и вмиг опять ощутил, что слово действительно не воробей, да и сама интонация тоже не птичка небесная, а ещё почувствовал, как по закону земного притяжения красная папка тяжело оттягивает вниз мою левую ладонь, будто бы набитая кирпичами.

“Вот как? — деланно изумился Кунаев и досадливо пожевал губами, что для меня всегда было первым признаком-сигналом его скрытого неудовольствия. — Это, мой дорогой, я и без тебя знаю. Стало быть, выходит, дважды два — четыре. Лошади едят овёс. Волга впадает в Каспийское море. Иван — человек. А Муссолини — тире — главный фашист. А сообщники его — это банда палачей, клика мерзавцев. Короче, отпетые враги человечества и прогресса. Прямо-таки замечательный у нас с тобой кладёзь познаний”.

“Вполне на уровне Политбюро”, — подумал я.

Но, разумеется, не вслух, чтобы не злить Д. А., который за иные из моих ремарок мог выдать мне на орехи.

Правда, без грома и молний, однако внушительно. Как говорится, с толком, с чувством и расстановкой. Короткими фразами. Будто гвозди молотком забивал. Причём говорил чётко, а сам смотрел куда-то в сторону.

Никакого удовольствия эти внушения ему не доставляли.

Ну а мне и подавно.

Кто называл себя фашистом, а кто — нет и почему

*Политика — искусство превращать
невозможное в возможное.*

Альфред Розенберг “Миф XX века”

Так что держа в уме всё это, в ответ на его “замечательный кладёзь познаний” не стала вслух упоминать про уровень Политбюро, а сказал другое, уточнительно-козырное, что ли:

“Питлер — главный нацист. А Муссолини — главный фашист. Итальянский фашизм с 1919-го. Того самого — *незабываемого*. Даже раньше. Ещё в конце прошлого века “фашио” назывались революционные организации крестьян Сицилии. Это название Муссолини у них взял вроде как напрокат, а получилось навсегда. Подчёркивал тем самым вроде как коренную связь с народом. Он сам никогда не расставался со словом ТОВАРИЩ. “Товарищ Бенито”. Был бы он нацистом в Германии, звался бы “партайгеноссе Бенито”. То же самое. Но итальянский фашизм намного старше германского нацизма. Однако германский нацизм куда как бесчеловечнее и ужаснее итальянского фашизма. Не говоря уже об остальных разновидностях фашизма. Таких, к примеру, как испанский, португальский, венгерский, румынский, греческий, британский. Это человечеству давным-давно доказано, как дважды два — четыре. Уже с 1933-го, когда престарелый Гинденбург благословил в канцлеры Питлера”.

“Согласен. Это мне Ильичёв говорил. Леонид Фёдорович. И ещё он говорил, что если бы в 1923 году, когда после “пивного путча” Питлер с Гессом отсиживались в тюрьме — в крепости Ландсберг, их посетил отставной генерал, профессор Мюнхенского университета Хаусхофер, то вряд ли у них возникла мысль написать там эту самую Библию национал-социализма — книгу “Майн кампф” ... Это верно? Он им преподнёс чуть ли не библиотеку книг разных умников, и те сварганили свою писанину. Так, что ли?” — полуспросил Кунаев.

“Примерно так. Рудольф Гесс был тогда секретарём у Питлера”.

“А правду в детективах пишут: Гесс — онанист?”.

“Ну откуда бы знать? Гесс и Геринг из самых видных лётчиков Первой мировой войны. Гесс считался красавцем. Женщины сами к ним липли. Кстати, родился Гесс не в Германии, а в Египте — в Александрии...”.

“Был и я в Александрии. И в Каире — у Насера. Тот по молодости в офицерах на портрет Питлера молился. И на девиз Розенберга: “У каждого народа свой социализм!”. Знал бы об этом Никита Хрущёв, — не дал бы Насеру Золоту Звезду Героя Советского Союза”, — уверенно заметил Кунаев.

Да, Хрущёва он явно недолюбливал, никогда не называл его по имени-отчеству, всё Никитой да Никитой, но во времена его правления, подражая Хрущёву, к его наездам в Алма-Ату расшитую украинскую рубашку охотно надевал.

“Ладно. С Гессом всё ясно. Вернее, ничего не ясно. А если бы этот мюнхенский профессор-генерал не появился у Питлера с Гессом?”.

“Тогда появился бы кто-нибудь другой, — предположил я. — Но не другой, а именно Хаусхофер вторым ввёл в оборот любимый термин Питлера ГЕОПОЛИТИКА,

а первым был шведский профессор Челлен. В отцах германского национал-СОЦИАЛИЗМА числятся австрийский географ Ратцель, французский социолог Гобино, знаменитый философ Шпенглер, не менее знаменитый, раскритикованный Энгельсом антисемит Дюринг. Есть даже лидер правых из российской Государственной Думы, черносотенец Пуришкевич, который участвовал в убийстве Распутина”, — вспомнил я в ответ на полувопрос Д. А.

“Кто ещё был?” — опять уселся в своё кресло Кунаев и жестом показал — присаживайся тоже.

“Австрийский шовинист Юнг. Ещё один философ с голландской фамилией — Меллер ван ден Брук... Ратцель...”.

“Ратцеля ты уже называл. А как Ницше?”.

“Труды Ницше хорошо знал Муссолини. Гитлер не жаловал. Ницше ненавидел любимое Гитлером слово СОЦИАЛИЗМ”.

“Да. И это мне Ильичёв говорил... Он у нас по Алма-Ате ещё когда депутатом в Верховный Совет СССР избирался... И что же всех этих ратцелей и шпенглеров, остальных читали Гитлер с Гессом?”.

“Не только их. У Гитлера подручная библиотека была не меньше, чем у Ленина в Кремле — полторы тысячи томов. А в крепостной тюрьме у Гитлера была не камера, а две комнаты. И книг навалом”.

Д. А. окинул взглядом книжные шкафы в своём кабинете:

“Интересно, а у нас сколько?”.

“Можно посчитать”.

“И не трудись. Сколько есть — всё наше... А ещё Ильичёв рассказывал, как Черчилль обожал Муссолини. Между ними была переписка”.

“Между Ильичёвым и Черчиллем?”

“Не лови на слове! Ильичёв в войну речи Гитлера по радио переводил Сталину прямо с приёмника. А переписывались Муссолини и Черчилль. Долгие годы...”.

“И секретно, разумеется?..” — “О! Да у тебя, Владислав, соображения на троих!”.

“На троих не соображаю. Обычно вдвоём”.

“Лишь бы не в одиночку...” — пожелал мне Д. А., встал из-за стола, прошёлся по красной ковровой дорожке, прозванной в цэковском обиходе “кремлёвской”, от кресла до книжного стеллажа и вернулся на место, чтобы далее повествовать, как письма британского премьера попали в чужие руки и Черчиллю пришлось лично свояжировать за ними на материк. Вызволил за приличную сумму. Вот так избежал позора на весь свет. Всё осталось шито-крыто.

“Кстати, Ильичёву нравится, когда его за глаза называют нашим Черчиллем. Ты же сам видел, как он очень похож на Черчилля. Пьёт не меньше и курит много. Но не сигары”, — удовлетворённо кивнул Д. А. и затем пристальным, весьма поощряющим взглядом призвал меня немедленно продолжить, что я и сделал с приличной долей некоего азарта и с очень благодарной признательностью, когда точно ведаешь, что всё сказанное тобой не уйдёт в песок, что оно действительно нужно — и не только тебе одному.

Да, умел Димаш Ахмедович (вечная ему память и нескончаемое благоденствие в сладких мирах Всевышнего!) приободрить по-настоящему, как оно и следует, без малейшего налёта театральности и тем более без какой-либо партийно-казённой иерархичности, при которой, как говаривал он не раз, “каждая сосиска из себя колбасу ставит”.

“У нас же с полного благословения Мехлиса, Молотова, Вышинского и самого Сталина, благодаря радио и газетам, всей нашей пропаганде очень быстро уравнили фашизм с нацизмом. А это далеко не одно и то же. Федот, да не тот. Хуже и примитивнее не придумать: германскому национал-социализму надёжно и надолго, а быть может, теперь уже НАВСЕГДА, припаяли итальянский ярлык.

“Случайно припаяли?” — спросил Д. А.

Его интерес, казалось, был неиссякаем, но сочеталось это внимание с некоей повышенной настороженностью, отторгающей желание отставить давние представления в сторону и примерить себя если не к новым, то уж по крайней мере, прежде не слишком ведомым.

“Нет, не случайно. Ибо вникать в их различия, по-моему, было опасно. Тогда надо было бы опровергать неопровержимое...” — тут я в напряжении примолк, поскольку Д.А. опять недовольно пожевал губами, потёр правой рукой запястье левой выше часов “Полёт” и тяжело посмотрел на меня:

“Говори, говори. Вижу я, куда ты клонишь. Вот, мол, диктатуры, несмотря на все их различия, схожи. Наша, мол, тоже не исключение — диктатура пролетариата, а на самом деле диктатура от имени пролетариата. Это мы давно устали слушать от итальянских и французских товарищей. Себе и нам они голову капитально заморочили...”.

На следующий день я принёс Кунаеву тринадцатый том Сочинений Сталина и показал окончательное вето вождя на термин НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ. Оно было наложено в начале 1934 года. И не в узком кругу сталинских соратников, а во всеуслышанье — в Отчётном докладе XVII съезду ВКП(б).

Решительно, окончательно и бесповоротно поправляя Гитлера, своё категорическое запрещение Сталин оформил так:

“... Фашизм стал теперь наиболее модным товаром буржуазии. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который НЕПРАВИЛЬНО называется НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМОМ, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нём даже атома социализма”.

“Но вот что любопытно — Гитлер в принципе против сталинского выверта не возразил и потом никогда не возражал. Для него это был полукомплимент, который свободно освобождал его как младшего собрата по социальной идее от благодарности старшему — Муссолини. Хотя есть множество свидетельств тому, как Гитлер буквально боготворил Муссолини, восхищался им и его интеллектом. Да и сам Муссолини поначалу страсть как хотел быть у Гитлера в наставниках. Но Гитлер никогда не называл себя фашистом, а всегда только национал-социалистом. Самое слово ФАШИО чисто итальянское. Оно означает связку, пучок прутьев, которые на гербе Италии во времена Муссолини обвивали секиру. Секира символизировала неотвратимость возмездия для любых врагов единства Италии. Вся эта атрибутика была позаимствована у древнего Рима. Слово же ДУЧЕ — тоже из древнеримского обихода. Означает “военный вождь”, “провидец”. Примерно то же, что и немецкое ФЮРЕР. Но с безусловным оттенком античности...”.

Требовательно подал длинную трель самый важный из внутренних телефонов — тоже прозванный “кремлёвкой”.

Д. А. досадливо поморщился: нехстати звонок.

Но трубку снял. Терпеливо выслушал. Ничего и никак не комментировал. Лишь озабоченно поджал губы и напоследок попросил кого-то на “ты”, по-свойски:

“Послушай, у меня тут люди. Важное совещание. А то, о чём ты говоришь, с кондачка не решается. Перезвони через час. Но ещё лучше — завтра с утра. А вообще-то мне тут правильно подсказывают: не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра”.

По устоявшейся привычке трубку положил не сразу, а убедившись, что в ней уже короткие гудки. Этому Кунаева научил памятный ему (и мне) примечательный разговор по “кремлёвке”, точнее концовка разговора. Как-то один из его уж очень льстивых коллег по Бюро ЦК, наивно полагая, что Кунаев уже вырубился из связи, чересчур поторопился положить свою трубку. Положил криво, мимо рычага — связь не разъединилась. И Кунаев (при мне) отчётливо услышал,

как его Главлъстец громко сказал там, на противоположном конце линии, кому-то рядом с собой: “Ха-ха-ха! Да с этим баканасским Мамаем каши не сварись!”. Тот, кто там был рядом (тоже очень Кунаеву слышимо) с готовностью подтвердил: “Упрям татарин, как бык”. И — далее оба они ещё довольно долго продолжали в том же духе.

И в то время недруги Кунаева из среды завзято-жузовских трайбалистов упорно муссировали слухи о якобы неказахском происхождении Д. А. и его жены. Отца её — Шарипа Ялымова — записывали в яркие белогвардейцы — колчаковские каратели. Перечисляли имена его акмолинских жертв. Местом рождения самому Кунаеву определяли не Алма-Ату, а село Баканас. Говорили: семье Кунаевых к столу обеда и ужина доставляют спецвиарейсом с кремлёвских кухонь. Всякое утро он облачается в новый костюм с новой рубашкой, а на следующий день эту одежду сдают на продажу через комиссионный магазин. И т. п.

“Ну никогда б на него не подумал. Вот змей подколодный! — возмущался Д. А. — А тот гусь тоже хорош. Сам он бык! Двuruшники и подлецы несчастные. А сколько я им сделал!”.

В Мамаях ему быть явно не хотелось. А узнать, кто был в 10.30 утра в кабинете Главлъстеца, особого труда не составило.

Но очередное заседание Бюро ЦК Д. А. (вот выдержка!) провёл как ни в чём не бывало. И всё же вскоре Главлъстец и его собеседник убыли из Казахстана. Один на повышение — в Первопрестольную. Другой — в отдалённую область секретарить в обкоме).

Оба и сейчас на коне.

“Оставь-ка мне этот том Сталина, — попросил тогда Д. А. — Я полистаю. Он писал намного яснее Ленина”.

Свастика у индусов, на Древней Руси и у Керенского

А за день до этого спрашивал:

“Но ведь фюрер и дуче — идейно вроде бы схожи, однако разница между ними приличная? А нацисты, я где-то читал, свастику взяли напрокат у древних индусов. Это верно?”.

“Ещё задолго до нацистов, как символ добра и плодородия, свастика на Древней Руси украшала княжеские одеяния. Правая свастика, то есть с загибом конца креста вправо. А свастика с загибом влево считалась худым знаком”, — оповестил я Кунаева.

Он усмехнулся:

“Представляю. Правда, для мужика влево или налево — направления вроде бы привычные и не всегда худые. Ты их, говорят, очень признаёшь”.

Я намеренно не расслышал последнего полувопроса и продолжил о том, что среди советских художников первым о правой свастике на Древней Руси напомнил, кажется, везде успевавший Илья Глазунов, чем опять же шокировал его многочисленных опекунов-идеологов. Но урезонить они его не могли, поскольку Глазунов знал толк и в партийно-придворной живописи. Лучше его никто не мог рисовать портреты знатных зарубежных друзей СССР. (В 1973 году Брежнев с Кунаевым и Громыко возили Индире Ганди её изображение в полный рост. Оно ей — свидетельствую — очень понравилось).

А в Семнадцатом году свастика попала в том же качестве на российские деньги Временного правительства. Видимо, с одобрения Керенского. Он большой был знаток старины. Вот и благословил этот знак, предположил я, вспоминая, что дома у меня среди прочих раритетов лежат в старом-престаром

белогвардейском портмоне, дарённом мне давним партслуживцем, милейшим и эрудированным Артуром Игоревичем Артемьевым, потёртые кредитные билеты достоинством в 250 и в 1000 рублей. На первом — две свастики. Три — на втором. Обе кредитки снабжены сказочной надписью такого содержания: “Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы”. Тысячерублёвую кредитку украшает цветное изображение Таврического дворца, над которым огромное белое солнце испускало свои животворные лучи. На выпущенных впрок кредитках, помеченных 1918 годом, дворца уже нет, но свастики пооставались.

Задолго до Индии свастика, которую тот же, до 1938 года, военный министр Бломберг назвал “знаком германского возрождения”, часто встречалась у самых различных народов на большинстве земных континентов. Не в диковину она была на Кавказе, в Средней Азии, Западной Сибири. Некоторые исследователи древней символики склонны считать, что свастика, оставшаяся в наскальных росписях, схематично передавала первобытное устройство для добывания огня пещерными людьми.

Тоже коротко поведал об этом Д. А. Добавил:

“Есть у меня и монета, говорят, с изображением маркизы Кларетты Петтачи. Муссолини чеканил такие деньги вроде бы в честь своей возлюбленной. Всё это, может, и не так. Принести, показать?”

Всё это я не протараторил со скоростью утренней трели будильника, а сумел высказать, как мне тогда почудилось (да и сейчас кажется) довольно резонно и веско.

“Принеси, покажи, — одобрил Кунаев. — А то мне говорили, что ты только наши современные денежные знаки собираешь”.

“Побольше слушайте этих говорильщиков — не то ещё услышите”, — без удовольствия отозвался я.

“Да, на каждый роток не накинешь платок, — согласился Д. А. — А про Кларетту Петтачи Пальмиро Тольятти писал, что дуче ей в Риме отгрохал роскошный дворец. Даже пару дворцов. А сама она вроде бы из уличных проституток”.

“Вот бы Вы у Тольятти и уточнили. Проститутка или маркиза. Может быть, он сам хорошо знал эту улицу, с которой Петтачи?” — с довольно дерзкой наивностью спросил я. Посягать на святость партийных авторитетов братских и даже полубратских партий не было принято. Но, правда, не для Д. А. в своём кругу, точнее в треугольнике — не Бермудском, разумеется, а нашем (он, Дуйсетай, я).

“Чем чёрт не шутит, пока Бог спит. Может быть, действительно способен был кое-что уточнить по существу. Итальянцы нам не чета. Они народ очень живой. И Тольятти — тоже был не мумия. Это у нас спать ложатся — справа законная жена, а слева партийный билет. Но, право, поздновато уже уточнять. Теперь только при личной встрече с Тольятти. А я сам туда не очень спешу и тебе не советую, — Кунаев кинул короткий и уважительный взгляд под высоченный лепной потолок своего кабинета, там где-то намного выше крыши, в запредельных мирах, должна была располагаться общая для всех достойных коммунистов и беспартийных райская обитель, и мгновенно помрачнел. — Что ещё можешь сказать про фашизм, про нацизм? Про Гитлера? Про Муссолини?”

“Гитлер возжелал привить свой национал-социализм едва ли не половине планеты. Муссолини же заявлял: “Итальянский фашизм — это не предмет для экспорта”. Примечательные слова. Знаменитый немецкий писатель Эмиль Людвиг десять дней подряд, кажется, в тридцать втором году, в Риме беседовал с Муссолини. Потом написал о нём книгу. А вот о Сталине, с которым тоже Людвиг встречался, книги не получилось. Опубликованы, и Вы хорошо это знаете, в Собрании сочинений Сталина только лишь вопросы Людвигу и ответы Сталина”, — сказал я.

Кунаев непритворно вздохнул:

“Я тебя не про Сталина спрашиваю. Я про Сталина действительно кое-чего хорошо знаю и тебе сам могу рассказать много такого всякого...”

Всегда ли Гитлер думал одно, говорил другое, а делал третье?

Но он не стал говорить о Сталине, а не без укоризны заметил, что у Гитлера не было в мыслях “прививать свои взгляды половине планеты”. Национал-социализм Гитлер полагал привилегией только лишь германского народа, *арийской* расы.

“Я тебе сейчас дам на несколько дней одну книженцию. Она вышла в Западной Германии через шесть лет после войны. До обычного нашего читателя, наверное, не очень скоро дойдёт. А может быть, и вообще не дойдёт, — Кунаев в знак такого предположения слегка пожал плечами. — Но для Политбюро её уже перевели. Ты для меня и для себя можешь сделать нужные выписки. Пригодятся потом. Мы, выходит, уже с тобой кое-что знаем. Но ничуть не повредит знать ещё больше. Держи, пожалуйста. Однако с одним условием — никому не давай читать. Не то мне может крепко нагореть!”

С этими словами Д. А. протянул мне пухлый томик в белой обложке из самой обычной плотной бумаги.

Практически нескончаемая серия таких скромно оттиражированных книжек была мне знакома. И довольно хорошо. Она поступала из московского издательства “Прогресс” по специальному списку для высшей партийной элиты. На каждой такой книжке ставился в левом верхнем углу порядковый номер получателя. У Кунаева он был 007.

“Как у Джеймса Бонда — агента 007”, — подсказывал я ему.

“Спасибо. Знаю. Жена мне тоже говорила так”, — откликнулся Д. А. и пояснял, что создатель серии романов покойный Ян (Иэн) Ланкастер Флеминг был не только бойким писателем, а ещё и способным сотрудником британской разведки.

По прочтении литература уничтожалась. Тоже по списку и по акту. Сия аннигиляция была заботой Абдрашитова — я в этих действиях не участвовал, хотя знал в подробностях, как и где они происходят.

Обычно такого рода книжки Абдрашитов размечал мне, чтобы я о них вкратце докладывал Димашу Ахмедовичу, экономя его время. С обязательным возвратом не торопил. Но иногда порядка ради осведомлялся. Я отвечал, так сказать, по обстановке — или же книга у Д. А., или же она у меня в сейфе, очередь пока не дошла. На каждый служебный день выпадало просматривать невероятное множество всевозможной печатной продукции. Как мало-мальски полезной, так и разного хлама.

Но именно эту книженцию Абдрашитов утаил от меня и даже словом о ней не обмолвился, старый партийный конспиратор. Обижаться на него не было никакого смысла, потому что Д. А. в конце концов сам передавал мне любой из подобных “бестселлеров”. Верно, для обещанного мне Дневника Геббельса почему-то сделал исключение. Дневник рейхсминистра пропаганды ко мне попал позже.

А в этот раз умопомрачительный детектив назывался “Застольные разговоры Гитлера в его Ставке”. Правильнее было бы перевести — не в Ставке, а в Ставках, поскольку их у германского вождя было несколько. Но дело не в этом. Главное — две сотни разговоров обожаемого фюрера записали живьём, почти слово в слово, его два доверенных стенографа. Сначала министерский советник Генрих Гейм — с 21 июля 1941 года по 11 марта 1942 года. А потом доктор Генри Пикер — с 21 марта по 31 июля 1942 года. Записи просматривались рейхслейтером Мартином Борманом, которому Гитлер доверял, как Ленин управляющему

делами Совнаркома Бонч-Бруевичу или же Троцкому — безгранично. Спустя время, охота подробно витийствовать перед своими сотрапезниками у фюрера отпала. Видимо, он склонился к мысли, что не следует метать словесный бисер перед своими слушателями, и уже с августа 1942 года обедал, как правило, в гордом одиночестве.

На бред сумасшедшего записи в старательном переводе с немецкого на русский никак не походили.

Д. А. сразу же показал мне отчёркнутое его карандашом из говоренного Гитлером вечером 2 августа 1941 года в Ставке “Die Wolfsschaze” — “Волчье логово”:

“Я никогда не попрекну какого-нибудь маленького человека в том, что он был коммунистом. Попрекать в этом можно только интеллигента; для него беды народные были лишь средством для достижения определённой цели. Стоит приглядеться повнимательнее к этому бюргерскому отребью, как вас от негодования сразу бросит в жар... Тельман — типичный маленький человек... И как только с той страшной угрозой, которую таит в себе Россия, будет покончено, пусть себе идёт куда хочет...”

Если какая-нибудь страна, подобно России, отгораживается от всего мира, то лишь с целью лишить своих граждан возможностей для сравнения.

Сталин установил в Балтии большевизм потому, что солдаты его оккупационной армии были бы просто ошарашены, сравнив тамошнюю жизнь со своей. Сперва он этого не хотел.

Мы намерены так преобразовать Германию, чтобы тот, кто к нам придёт, избавился от своих прежних взглядов. **НО Я НИКОМУ НЕ ХОЧУ НАВЯЗЫВАТЬ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ.** Если некоторые заявляют, что они хотят остаться демократами, ладно, пусть в любых обстоятельствах остаются либеральными демократами. Французы, например, должны сохранить свои партии; чем больше у них будет социал-революционных движений, тем лучше для нас...”

Д. А. быстро пролистнул несколько страниц:

“А вот почитай-ка, пожалуйста, что он говорил ночью 9 сентября 1941 года”.

Раз мне предлагалось почитать, то это означало — почитать вслух. Негромкое чтение вслух Д. А. жаловал. Иногда говорил, что вечерами ему жена читает, а бывает, и он — ей.

Я заметил: привычка читать вслух — монархическая. Предпоследний российский царь Николай Второй на досуге её культивировал. Читал царице Александре Фёдоровне, царевнам-дочерям, царевичу-наследнику Алексею.

“Ну и правильно. А почему ты сказал — предпоследний царь?” — с лёгким недоумением поинтересовался Д. А.

“Потому, что последним российским царём был его родной брат Михаил. В его пользу Николай отрёкся, и Михаил пробыл на троне, точнее в качестве царя, ровным счётом восемь часов подряд, а потом отказался от императорства”, — объяснил я.

“Гм... Восемь часов. Полный рабочий день. Вот видишь, точность никогда не мешает”, — немного удивился Кунаев.

По его виду было ясно, что от зачтения мною изречённого Гитлером 9 сентября 1941 года Д. А. не отказывался, и я негромко зачитал:

“При заселении русского пространства мы должны обеспечить “имперских крестьян” необычайно роскошным жильём. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях... Вокруг них будут выращивать всё необходимое для жизни немцев... Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам достаточно будет сбросить пару бомб на их города... А раз в год проведём группу киргизов по столице Рейха, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия её архитектурных памятников...”

Д. А. прервал на этом месте:

“Представляешь, Гитлер всерьёз предлагал соорудить гигантский Восточный вал по линии Архангельск — Астрахань. Наподобие Великой Китайской стены...”.

“Это ещё зачем?” — спросил я.

“Чтобы защитить отхваченное у Советского Союза пространство, как он считал, от “среднеазиатских полчищ”. То есть от нас с тобой... А особенно от Абдрашитова. Вот он, а не я — татарин. Я знаю, как вы с Дуйсетаем над стариком издеваетесь. “Незванный гость хуже Хакима Шакировича”. Ваши слова? Молчишь? То-то!.. Хаким не из обидчивых. И я — тоже. Меня писатель Муканов знаешь как перед народом ославил?” — Д. А. усмешливо склонил голову.

“Нет”, — ответил я.

“Муканов говорил на каждом углу: “Кунаев — это мешок обещаний, который раздут, но пуст”. А сколько я ему добра сделал! Да только ли ему! И, в первых, если и кто мешок, так это он сам!” — Д. А. развёл обе руки от живота далеко в стороны, показывая, как толст Муканов.

“Ну и поверил народ-то?” — спросил я.

“А вот про это ты сам мне скажи. Ты ближе к народу, чем я, — определил Д. А. дистанцию между мной и народом, но дальше на ответе настаивать не стал, прикоснулся указательным пальцем к белой книженции. — Вот этого Гитлера сам чёрт не поймёт, когда он говорил правду, а когда бредил. Сначала, как ты, должно быть, сам знаешь, он вообще заявлял, что Германии не нужны никакие колонии. Путь у неё только один — на Восток. И то небеспредельный. Не далее той самой линии Архангельск — Астрахань. Потом начал твердить, что Германии не помешало бы включить под своё подчинение государства Средней Азии, Афганистан, Индию. Наконец, заявил: надо вернуть все африканские колонии. Но только после того, как будет победоносно завершена война с Советским Союзом. Короче, почитай-почитай, да повнимательнее. Хорошо?” — Д. А. сам закрыл необыкновенную книгу и опять спросил о Муссолини с оттенком недоумения, мне показалось, несколько искусственным — неужто тот был в самом деле образованней Гитлера.

“Почитай, да повнимательнее...”.

Дуче: “... бедная пролетарка Италия...”

“Хорошо... — теперь уже непритворно вздохнул я. — Обязательно прочитаю. Но заведомо могу сказать, Димаш Ахмедович, насколько знаю, Сталин вроде бы не писал статей для энциклопедий. Гитлер тоже. А Ленин писал. И Муссолини писал. В тридцать втором году вышел четырнадцатый том Итальянской энциклопедии. Её и сейчас не забывают приличные культуртрегеры и политологи. Там была его огромная статеица. В двух частях. Называлась — “Фашизм”. В ней он, кроме всего прочего, выдвинул призыв о том, что “бедная пролетарка Италия должна догнать другие страны”. В Италии тех времён быть богатым считалось зазорным. А призыв Муссолини очень напоминает сталинский лозунг: “СССР должен догнать и перегнать все капиталистические страны”. Сокращённо “ДиП”...

“Станки токарные в СССР были в годы сталинских пятилеток под таким названием — “ДиП”, — подтвердил Д. А. — А что, это правда, будто бы Муссолини был ещё переводчиком, писателем и музыкантом? Я в какой-то книжке по списку для Политбюро читал... Кажется, автором была вдова корреспондента ТАСС в Италии. То ли Кима, то ли Кина...”.

“Кина. Виктора Павловича Кина. Его настоящая фамилия была Сурувикин. От неё он взял последний слог — Кин. Хорошо отобразил Гражданскую войну на Дальнем Востоке в романе “По ту сторону”. Его, кажется, в тридцать седьмом году в ежовском НКВД сгубили, — уточнил я. — А жена, точнее, вдова, стала крупной итальяноведкой — Цецилия Исааковна...”.

“Значит, еврейка”, — полувопросил Д. А.

“Не исключено. Понятно, не чеченка”, — полуподтвердил я.

Так мы тогда и говорили — то сидя, то стоя. То он вышагивал по кабинету, то курил за столом или, слушая, разглядывал корешки томов за стеклом большого книжного стеллажа. То высматривал не ахти какую громадную площадь за окном перед памятником Ильичу.

Нет-нет, право, не пустой и долгий был разговор, но потом не раз казалось мне — пролетел он мгновенно, в несколько минут. Не праздная забава был этот разговор, а разговор — само дело. Разговор — испытание, разговор — экзамен (для меня, по меньшей мере), разговор — исповедь (и для Д. А. тоже), разговор больших предопределений и немалых вопросов, на которые и по сей день нет вразумительных и вразумляющих ответов...

Д. А. всегда умел слушать. Великое из искусств! Не все мои ровесники им овладели.

“У Цецилии Кин и не для Политбюро, а для всех немало публикаций об Италии. Кое-чего есть там и о Муссолини. Например, о том, как он ещё в самом начале XX века перевёл с французского языка на итальянский труд князя Кропоткина “Речи бунтовщика”. Был настолько очарован Кропоткиным, что заявил: “Анархизм — это священная идея!”. Безусловно, он знал, что Кропоткин не только революционер, но и значительный учёный — географ, геолог, историк. Кропоткин неоднократно встречался с Лениным. Эти встречи стали ему индульгенцией для места в советской историографии. Об этом уже Кин не пишет. Но если Вы не против, я её книгу принесу ровным счётом через минуту-другую. Она где-то у меня в келье”, — с готовностью пообещал я.

Кунаев в тот же миг укротил мой жаркий пыл холодноватым отрицательным жестом и призвал не отвлекаться, а уже договорить до конца без всяких там подручных материалов, рассмеялся моей шутке, когда я добавил ещё и про материалы *подножные*, то есть про те, о которые многие спотыкаются, но не берут себе в труд поднять их и внимательнее разглядеть. Потом я выписал специально для него из книги Кин главный вывод Цецилии Исааковны, звучавший в то время не то чтобы парадоксально, а даже дико для советского слуха.

Вот этот фрагмент, способный несмотря на все его дипломатические пассажи и оговорки, и сегодня шокировать любого человека, чересчур закалённого нашей сравнительно недавней пропагандой:

“... Муссолини был *итальянцем*, итальянским *интеллектом-фашистом*, это многое в нём объясняет... Мы привыкли к фильмам “Брак по-итальянски”, “Развод по-итальянски”... Вероятно, можно говорить и о “ФАШИЗМЕ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ”, что совершенно не уменьшает ни ответственности лично Муссолини, ни ответственности режима чернорубашечников за очень многие гнусности. Но не в масштабах Гитлера...”.

“И когда он успел?”

Выписал я для Д. А. фрагменты о том, что всё же самым значительным, самым гениальным мыслителем последней четверти XIX столетия Муссолини считал Фридриха Ницше: “Его книги излечили меня от моего социализма; они открыли мне глаза на лицемерную болтовню государственных деятелей... Но особо я впечатлился его девизом — “*Живите опасно!*”.

Довольно высоко ценил Муссолини труд французского философа Жоржа Сореля, приветствовавшего российскую Октябрьскую революцию, — “Размышления о насилии” — своеобразный гибрид Маркса, Прудона, Ницше.

Интеллектуально-философская оснастка позволяла политическому характеру Муссолини быть удивительно эластичным. 23 марта 1920 года он писал в

своей газете: “Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, сторонниками легальности и нелегальности в зависимости от обстоятельств, времени, места и окружающей среды”.

Сказал я Димашу Ахмедовичу и про антиклерикальный роман самого Муссолини.

“Ты глянь! Писатель! И когда он успел? В каком году?” — поинтересовался Д. А.
“В Девятьсот девятом”.

“О! Нас ещё в институте учили, и мы это усвоили, как “Отче наш” — в Девятьсот девятом году Владимир Ильич Ленин обосновал и развил важнейшие положения марксистской философии в своём гениальном труде “Материализм и эмпириокритицизм”. В нём Ильич обобщил новые достижения науки, ну и так далее, — торжественно возвестил Кунаев. — Выходит, каждому — своё. Один грызёт гранит науки, другой строчит романы. Небось, про любовь?”.

“Угадали. Роман назывался — “Клавдия Партичелла — любовница кардинала”. А печатался он более четырёх месяцев в еженедельном литературном приложении к газете “Рорло”. Причём успех творения был потрясающим”, — заверил я, будто сам следил в 1909 году за этим литературным приложением.

“Ну так я тебе и поверил”, — усмехнулся Д. А.

“А зачем мне выдумывать?” — даже не возразил, а равнодушно спросил я.

“И то верно, — неожиданно быстро согласился Кунаев. — Продолжай, продолжай. Ты, конечно, не Иракий Андроников. Тот мастер устного рассказа необыкновенный. Мы с ним давно знакомы. Через Снегина. А сейчас через дорогу живём... Настоящая фамилия Снегина — Поцелуев, а Андроникова — Андроникашвили. Есть мысль двинуть его на Ленинскую премию... Но и тебя слушать тоже можно...”.

“Спасибо за комплимент. Дело теперь за премией”, — ответил я.

“О! Как тебя украшает скромность!” — хохотнул Д. А. и взялся опять за сигарету — брежневскую “Новость”.

Сказал я ему о том, что несмотря на грандиозный успех своего романа, Муссолини в одной из бесед с немецким писателем Людвигом отозвался о написанном весьма самокритично. Может быть, хотелось порисоваться — ведь дуче не мог не знать, зачем к нему зачастил с душевными вопросами отнюдь не ординарный писатель.

Не знаю, зачем, но, говоря о романе Муссолини, пришлось вспомнить черчиллевский роман “Лаурания” — я заметил, что надо полагать, оба — и дуче, и его британский обожатель — обошлись без помощников. Добавил: в том же, 1932 году, Муссолини провёл большие торжества в честь и память великого краснорубашечника Гарибальди.

Кунаев снова вздохнул:

“В твоём колхозе “Жана талап” в Тургени, где ты жил, и мои родные тоже там обитали, Ницше не читали. Но жили опасно. И про романы Муссолини и Черчилля так и не узнали. Моё поколение, да и твоё тоже, воспитывали и всё ещё воспитывают на карикатурах. Гитлер на них всегда — с чёлкой на узкий лоб, короткими усиками и огромным топором в руке. Или у виселицы...”.

Д. А. помолчал.

Я добавил:

“А Геринг — пузатый, как пивная бочка. В маршальском мундире с орденами до пупа и ниже. Муссолини — низкорослый урод, всегда наголо бритый. В крайнем случае — в плоской стальной каске, обязательно с челюстью орангутанга. Ненасытный, так сказать, милитарист. И глазища законченного идиота. Иногда в руках бутылка касторки. А ножки непременно кривые. В начищенных сапогах или крагах...”.

“Да-да, — подтвердил Кунаев, — касторку, как сам знаешь, итальянские боевики литрами вливали в горло тем, кто им был поперёк дороги. Хватали прямо на улице или ещё где. Руки заламывали — и всё тебе тут. Любого в таком случае моментально прохватывал смертельный понос”.

“В НКВД тоже особенно с “врагами народа” не цацкались”, — негромко заметил я.

“Это уже другая песня, — не захотел он развивать мой тезис. — Я тебя не про Ежова спрашиваю, а про Муссолини. Какой-никакой, а всё-таки фе-но-мен! Посуди сам — надо же ещё раньше Гитлера и всяких гитлерчиков увлечь за собой миллионы людей! Разве так происходит случайно? Методы у него были свои, а не одна только касторка”.

Я же опять подумал, что Д. А. испытывает меня на ёмкость исторической осведомлённости и познаний прошлого, без которой трудновато в любом настоящем, а в будущем — подавно.

Футурист Маринетти и его компаньон Д'Аннуцио

“Да, свои речи дуче часто заканчивал призывом: “Пролетарская и фашистская Италия, — вперёд!” Итальянцы постарше это не забыли. Эренбург писал, что Муссолини превратил итальянцев в роботов. Встречаясь друг с другом, они подымали руку и считали, что это их возвеличивает. Но рядом с ними другие мыслили, издевались, рассказывали злые анекдоты, читали недозволенные книги. Гитлер жёл книги. При Муссолини их не жгли. Великий философ Кроче говорил о Муссолини как о политике, который стремился вдохнуть в итальянский социализм *новый дух*. Видный писатель и журналист Курцио Малапарте, он же Курт Зуккерт, был солидарен с Кроче. Причём, не только по молодости в свои 25-27 лет утверждал историческую роль фашизма, призванного якобы обновить европейскую цивилизацию. Это у Малапарте в публицистических книгах, начиная ещё при жизни Ленина изданной книги “Живая Европа”, — сказав это, я перевёл дыхание.

Кунаев молча дал знак — продолжай.

Продолжил:

“Но уже через пять лет новая книга Малапарте “Дон Хамелеон” с её сатирическими выпадами против фашистских политиканов попала под запрет Муссолини, а ещё через два года Малапарте опубликовал во Франции книги “Ум Ленина” и “Ленин — простой человек”. Заодно ещё и Гитлера расчехвостил в очередной книге — “Техника государственного переворота”. С приходом Гитлера к власти в Германии Малапарте был сразу же арестован в Италии, осуждён на пять лет ссылки, но уже через год ему позволили вернуться в журналистику...”

“Смотри, какой либерал был Муссолини, — заметил Д. А. — Не очень строго обходился со своими братьями по газетному ремеслу...”

“Да. Больше того — с началом войны против СССР Малапарте был корреспондентом на Восточном фронте. За его корреспонденции германское командование оттуда его удалило, но почти все они вошли в его книгу под названием “Волга начинается в Европе”. Она вышла в Сорок третьем, а через год был издан его лучший роман — “Капут”, где он в сатирических красках изобразил нацистского “сверхчеловека”...

“Можно было изображать, поскольку Муссолини тогда уже червей кормил, — с видимой долей скепсиса сказал Д. А. — Это как ступить на поле, уже надёжно разминированное. Согласен?”

“Не совсем, — ушёл я от однозначного ответа. — Малапарте метался. Он просто-напросто не знал, куда, к какому берегу ему причалить. Впадал в растерянность,

в пессимизм. Подумывал о самоубийстве. Полный духовный и душевный кризис, раздраз. Об этом его послевоенный роман “Шкура”. Такое состояние ещё Горький, перед тем как выстрелить в себя, называл зубной болью в сердце...”.

“Да, выстрелил, но, слава Богу, жив остался. Только лёгкое пробил, — подтвердил Д. А. — Ну а что там дальше с Малапарте было?”.

“Напоследок он нашёл в себе потребность, желание и силы сблизиться с итальянскими коммунистами. В Пятьдесят шестом году съездил в СССР и Китай. Книжку свою об этом так и назвал — “Я в России и Китае”... Однако она вышла уже на следующий год после его смерти... Но в Итальянскую Компартию успел вступить”.

“Вот как? — вроде бы непритворно изумился Д. А. — Интересная судьба! Но ведь от Муссолини к Пальмиро Тольятти далеко не все убежали... Вот ты мне про Маринетти расскажи. Про него ещё сам Луначарский писал! Большой фигурой был он, не так ли?”.

“Луначарский?” — сыграл я шутливо в наив.

Д. А. не рассердился, только головой покачал:

“Нет, не Луначарский, а — Маринетти”.

О! Это действительно была большая фигура. Причём настолько значимая, что с одобрения главного редактора советской Литературной Энциклопедии хрущёвско-брежневских лет, дважды лауреата Сталинской премии, автора знаменитой фронтовой песни “Бьётся в тесной печурке огонь” Алексея Александровича Суркова гордый фотопортрет пожизненно фашиствовавшего — с 1919 года — духовного сподвижника Муссолини Филиппа Томазо Маринетти (1876—1944) был помещён в статье о нём, напечатанной в четвёртом томе этой Энциклопедии (Москва, 1967, с. 617). Вопреки всем тогдашним идеологическим обыкновениям ни при какой погоде не печатать фотоликов классовых недругов. А тут нате вам — смотрит в упор бритый наголо, под Муссолини (но не под Котовского!) короткоусый академик с полубрежневскими бровями врзлёт и заносчивым, уверенным в своей правоте твёрдым взглядом надменных глаз, украшенный кокетливой бабочкой, но не галстуком — председатель Союза итальянских писателей, повторяю, неизменный соратник Муссолини, известнейший литератор-футурист...

Сын миллионера, а крупными надбровными дугами, широкими скулами, прямым носом, плотно сжатыми губами и твёрдым подбородком удивительно схож с усердным прислужником большевистских вождей, в своё время соседом Сталина по квартирам в Кремле широко известным поэтом Демьяном Бедным (Ефимом Придворовым).

Д. А. нравилась про Демьяна Бедного вот эта простецкая байка: заявился к администратору Малого театра СССР тов. Нежному тов. Бедный и настойчиво потребовал для своих знакомцев десяток бесплатных пригласительных билетов на премьеру, мотивируя — “ты же — Нежный!”. А тот ему в ответ: “Ничего-ничего, возмёшь за наличный расчёт. Ведь я такой же Нежный, как ты — Бедный!”.

Неожиданно Д. А. захотелось узнать — а как в сурковской ЛитЭнциклопедии насчёт фотографии классика норвежской и мировой литературы Кнута Гамсуна (Педерсена), известного своим активным сотрудничеством с гитлеровцами и после Второй мировой войны подвергнутому бойкоту “со стороны широких слоёв норвежской общественности” и отданного за “измену родине” под суд?

Оказалось — никак.

Уклончивая статья (автор — по фамилии Адмони) во втором томе (Москва, 1964, с. 57-58) есть, а фотографии классика-коллаборациониста нет. Зато надолго запоминаются дивные адмонические фразы из этой статьи: “Когда в 1959 норв. общественность отмечала столетие со дня рождения Г., прогрессивная печать провела грань между его позицией в годы оккупации и лит.-худож. наследием писателя. Произв. Г. продолжают рассматриваться как значительные

ценности норв. культуры, хотя передовая критика не закрывает глаза на многие их реакц. тенденции”.

Итак, после Бедного, Нежного и Гамсуна вернулись опять к Филиппо Маринетти.

Что я мог ещё сказать вкратце про него нашему Деду?

Одно время кумир Маяковского. Храбрость. Дерзость. Бунт. Война — единственная гигиена мира. Это девизы Маринетти. Он рассматривал футуризм как политическое течение и сделал всё, чтобы превратить свой футуризм в устойчивую разновидность политического бытия...

“По крайней мере для Италии”, — негромко обронил тут Кунаев, заставив меня вновь усомниться в его неосведомлённости.

“Опять прикидывается Дед несведущим простачком. А ведь знает куда как поболее моего, — подумал я, но вслух подтвердил: — Да-да, по крайней мере для Италии. Там к штыку политики приравняли не только перо футуризма, но и его отнюдь не безобидную практику. А в России футуризм дальше цветастых кофт на поэтах, литературных скандалов не шагнул. В таком обличье даже при всей своей экстравагантной громкоголосице футуризм никому не был страшен... В апреле Пятнадцатого года полиция арестовала Маринетти и Муссолини. На пару. Как тандем. А уже в мае их сторонники манифестировали в Милане: “Долой Австрию как угнетательницу Испании! Смерть императору Францу-Иосифу! Бомбы и кинжалы! Да здравствует Муссолини! Да здравствует Маринетти!”.

Я тогда не стал утомлять Кунаева своими выкладками о ещё одном “величайшем поэте Италии”. Так Муссолини называл полковника авиации Габриэля (Габриеле) Д’Аннунцио. Этот необыкновенный человек делил свою судьбу между страстной любовью к прекрасным женщинам и высокой поэзии, кровавой войной, политическим ораторством, футуристической публицистикой и художественной литературой, а также рисковыми авантюрами, смахивавшими в глазах многих итальянцев на подвиги. Он создал невероятно много прекрасных стихотворений, удивительных новелл, спорных драм и романов. Познаниями обладал поистине энциклопедическими, а свечу жизни яростно жёг сразу с обоих концов. Его, как, впрочем, Муссолини, хватало почти на всё и вся. Он умер 1 марта 1938 года, не дожив 11-ти дней до своего 75-летия, но никто и никогда раньше не видел его тихим и безропотным.

Знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан (великий французский скульптор Огюст Роден о ней: “... Дункан берёт у природы ту силу, которая зовётся уже не талантом, а гением”), побывавшая в России в Пятом году и уже после Октябрьской революции на вершине своей карьеры — с согласия Ленина и заручившись поддержкой наркома Луначарского — писала в своей незаконченной “Исповеди”:

“Габриэль Д’Аннунцио был таким великим любовником, что мог мгновенно придать облик небесного существа самой обыкновенной смертной”.

Себя-то, естественно, она таковой не считала, но ещё задолго до своего знакомства с поэтом Сергеем Есениным и связанного с ним скоротечного замужества видела в Д’Аннунцио “человека, от которого исходили свет и магнетизм”.

“Встретив меня в Париже в 1912 году, Д’Аннунцио решил меня покорить. Это не было особой честью, так как Д’Аннунцио ухаживал за всеми известными женщинами мира, увешивая себя покорёнными сердцами, как индеец скальпами. Но я сопротивлялась...”.

По словам Дункан, Д’Аннунцио был очень суеверен и верил всем гадалкам. При Дункан одна ворожея предрекла ему совершенно невероятные вещи.

Она сказала:

“Вы полетите по воздуху и не раз совершите страшное. Потом упадёте и окажетесь у врат смерти. Но вы её избегнете и через неё достигнете вершин славы”.

Прорицательства ворожей сбылись почти полностью.

Став незауряднейшим лётчиком, Д'Аннунцио в Первую мировую войну умело командовал звеном самолётов-бомбардировщиков. Тогда же издал сборник своих речей — «За великую Италию!» (1915). Не раз оказывался у самых «врат смерти».

Но Бог миловал.

После войны, когда союзники отдали Югославии принадлежавший Австро-Венгрии итальянский порт и город Фиуме (славяне же утверждают, что Фиуме — исконно их ключевой город на Адриатике и славянское название ему — Риека), этот футурист-писатель-пилот-политик со своими легионерами 12 сентября 1919 года полностью захватил власть в Фиуме-Риеке, чем, естественно, потряс мировую общественность. Правда, россиянам было не до того — больно припекали свои проблемы, в самом разгаре была Гражданская война.

Д'Аннунцио выступал серьёзным конкурентом Муссолини, но внешне вся троица выглядела друзьями «не разлей вода», и мир постепенно убеждался в том, что она сможет пойти далеко.

Зная о невероятном честолюбии и тщеславии Д'Аннунцио, Муссолини в 1924 году склонил короля даровать Д'Аннунцио титул князя ди Монтеневозо. Широко была разрекламирована книга его речей «Держу тебя, Африка!», изданная на волне противоабиссинской захватнической войны.

Незадолго до кончины Габриэль Д'Аннунцио стал президентом Итальянской академии. Это вполне устраивало его, потому как академия не являла собою подобие сонного царства, а постоянно пребывала в активных заботах по наращиванию интеллектуальной мускулатуры государства, сращиванию теории и практики фашизма, ликвидации элементарной безграмотности населения страны, особенно крестьянского, изданию творческого наследия прошлого, созданию конкретных сиятельных прожектов на будущее и т. п.

«Все трое уповали на молодёжь...» — я подумал, что бы ещё сказать покороче уже не про Д'Аннунцио, а про Маринетти, дожившем до 1944 года, но не пережившем Муссолини.

Муссолини был лётчиком, а Брежнев — танкистом

«Троцкий тоже ставил на молодёжь крепко. Лыстил ей», — в который раз при мне напомнил Кунаев. Кажется, в третий или в четвёртый. Он работы Троцкого читал ещё во студенчестве. Много находил в них совершенно разумным. Знал о *безграничном* доверии Ленина Троцкому. Ильич Первый, например, ставил на чистых бланках Совнаркома свою подпись и вручал их Троцкому, надеясь на то, что он никогда не злоупотребит таким доверием. А самого ссыльного Троцкого Кунаев видел в Алма-Ате.

«Гимн у Муссолини почти целиком посвящался молодёжи. Её сравнивали с весенней красотой, вешними водами в этом гимне. А вот, например, Достоевский, говорят, у Муссолини, как у Сталина, был не в чести», — смутно вспомнил я про литературные табу дуче.

«Вот как? — Кунаев с насмешливым недоверием посмотрел мне в глаза и недовольно пожевал губами. — Только ты забыл, а возможно, и не знал, что Сталин сразу же после войны, чтобы восполнить уничтоженные гитлеровцами библиотеки, приказал срочно переиздать миллионными тиражами русских классиков. Нелюбимого им и Лениным Достоевского — тоже. Ладно, продолжай, пожалуйста».

«У Муссолини ни у себя дома, ни в Абиссинии, ни в Тунисе, ни во Франции, ни в Югославии, ни в Греции, ни в Албании — ни в какой другой стране, с которой он воевал, не было таких концлагерей, какие были у Гитлера с Гиммлером в

Германии, Польше, в СССР. Не было у Муссолини ни крематориев, ни газовых камер, ни прочих “фабрик смерти”, — с желанием продолжил я. — Конечно, и тут упрощать не надо. Но иногда и Гитлер проявлял странности. В Дании, например, вплоть до 1941 года уже при нацистской оккупации не запрещалась компартия. Всем или многим известны его отнюдь не демократические, но и не диктаторские послабления Венгрии, Румынии, Болгарии, Норвегии, Финляндии... Ему тоже по-своему надо было уметь ладить с правителями этих и других государств. И далеко не все правители ему в рот заглядывали. Вспомнить Испанию Франко. Или Португалию Салазара. А мы чохом всех крестим — сателлитами, диктаторами, монархо-фашистами...”

“Да-да, у Муссолини были тюрьмы. Были ссылки на отдалённые острова. Но концлагерей не практиковали. Итальянский король не позволял, — опять одобрительно кивнул Кунаев. — Виктор-Эммануил Третий. Он, кажется, из законченной династии. Как её называли?”

“Можно вспомнить, записи перелистать. Время какое-то нужно. И потом точность”, — сказал я.

“Точность ты сам обеспечить обязан. Нам без точного понятия никак нельзя. Права на то нет! А времени я тебе даю взаймы, как уже говорил, пару недель. А в следующий раз могу занять и побольше. Мне уже скоро шестьдесят. А тебе... — он оценивающе, с ног до головы, всмотрелся в меня. — Тебе, наверное, всего лет двадцать пять”.

“Тридцать два”, — уточнил я, поблагодарив за приличное омоложение. Ростом я был ему по плечо, не выше.

“Ну тогда можешь взять у меня не десять, а двадцать лет. Вместе в самоволку от жён ходить будем”, — рассмеялся Кунаев и, не торопясь, убрал улыбку, очевидно ожидая, что же я ещё ему скажу про расстрелянного в местечке Донго итальянского диктатора.

“Муссолини — сын кузнеца. Одна из его профессий — школьный учитель. Другая — журналист. А ещё он — “Первый маршал Империи”. “Первый пилот Италии”. Такие у него среди прочих титулы. Сам практически на всех типах боевых и гражданских самолётов летал и почти безукоризненно. Не хуже Черчилля и Эйзенхауэра. Не хуже румынского короля Михая. Все они недурно освоили лётное дело, а Эйзенхауэр — так тот уже в приличном возрасте сдавал на пилотские права. И сдал. Без каких-либо поблажек. А вот за шофёрским рулём не сидел. Наши военачальники и полководцы — тоже не сидели. А Эйзенхауэра всю войну возила женщина”, — охотно оповестил я Димаша Ахмедовича, надо сказать, не поразившегося сверх меры, но тем не менее удивившегося.

“Вот бы и тебе такую водительшу”, — сразу же охотно пожелал он, намеренно проигнорировав мой скептический зигзаг о наших военачальниках и полководцах.

“Уже есть”, — немного разочаровал я его.

“Ну-ну. Правильно. Пока эта самая машинка действует... — вздохнул он. — Значит, лётчиком был Муссолини. А вот у нас Брежнев танкистом был. И сейчас лихо водит любую марку автомобиля. Есть ещё порох в пороховницах!..” — затвердил он свой весьма сдержанный восторг старой поговоркой.

Однако своё же сопоставление пилотского умения Муссолини и танкистско-шофёрского — Брежнева не понравилось Д. А. и он оставил рискованные параллели. Помолчал, потом повернулся ко мне всем корпусом:

“У тебя в Италии кто-нибудь живёт? Никого? Вот это правильно. А мне говорили, будто у твоего друга, нет, не Воронина, дай Бог памяти, вроде бы Шахтова, родная дочка замужем за итальянцем. Язык в Москве выучила. А остальному учить не надо. Природа сама всё сделает. Свет только надо выключать. И давно живёт с ним. Детей рожает. К отцу ездит в гости. И обратно тоже.

Её муж вроде как член Компартии Италии? Так что будем там, съездишь к нему в гости. А лучше наоборот, чтобы он к нам в посольство прикатил”.

“Спасибо. Прикатит. Его зовут Сандро. Но хуже было бы, когда б Лариса Ивановна не рожала?” — спросил я, а сам с тоской опять подумал об этих вездесущих “майорах Прониных”, чтоб им пусто было. Хотя и этих “Прониных” можно оправдать, поскольку любая бесконтрольность над ближайшим окружением Д. А. была бы, наверное, сущим безобразием.

Мало ли чего у кого на уме?

А вдруг кто в одночасье контактит с вероятным противником? С Центральным разведывательным управлением США, например.

Или с британской, западногерманской, израильской, французской да мало ли ещё какой разведкой?

Или просто вдруг “чердак” поехал? — наверняка не праздные вопросы у “Прониных”.

“Отчего же? Пусть рождает Лариса Ивановна. Кто против? Но лучше было бы, друг мой, если бы она рожала не итальянских, а наших детишек!” — со всей серьёзностью ответил мне Кунаев.

Профессор философии Лоттенели и его спутник Папа Карло

Чудом спасённые для грядущих поколений Советской Армией под занавес Второй мировой войны великие творения бессмертного Рафаэля и столь же бессмертного его соотечественника Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, известного человечеству больше под именем Джорджоне, — стали в Дрездене добрым поводом моего знакомства, а затем и не менее доброго общения с молодым и весьма словоохотливым толстяком — итальянским профессором философии Сандро Лоттенели, но не с его измождённого вида и совсем не по-итальянски жёлчным коллегой-ровесником.

Его труднопроизносимое имя осталось у меня на подаренной им визитке. Мысленно же я назвал его для себя и очередной своей тетради именем создателя знаменитого деревянного человечка Буратино из сказки Алексея Толстого “Золотой ключик” — Папой Карло. Уж очень был Папа Карло похож на папу Карло, если вспомнить давний-давний одноимённый советский фильм Александра Птушко.

Оба хорошо понимали русский — плен научил.

“Почему вы так боитесь правды?” — наседал мой Папа Карло, сжимая в тощей, но однако же сильной ладони фужер из полудюжинного сувенирного набора ему подобных. Набор был куплен накануне, кажется, на родине великого Гёте и не менее великого Шиллера — в Веймаре (Ваймаре). Там нас с женой поразила резкий контраст роскошной сановной обители Гёте и неказисто-скромного жилища его верного друга.

“Ну и Гетё! Что за друг такой развеликий? Не мог в своих апартаментах товарища разместить”, — негромко возмутилась Грета Георгиевна.

“У нас тоже есть аналогичные факты”, — согласился я с ней, успев ассоциативно подумать о некоторых творческих тандемах, которые въявь и долгие годы воплощают собой в родной и многонациональной литературе нерасторгаемо-вечный союз всадника и лошади, помещика и крепостного, голодного с буханкой хлеба).

Папа Карло со смаком, но экономно отхлебнул из фужера, приятно зажмурившись то ли от своеобразного огненно-мягкого вкуса напитка, то ли от изрекаемых им укоризненных для нас истин:

“У вас в СССР пропаганда только тем и занимается, что из года в год, из десятилетия в десятилетие долбит вам про катастрофическую опасность всего,

что не окрашено в родной ваш *красный* цвет. Позавчера это была кровожадная Антанта и её злые интервенты. Все до единого! Вчера — чудовища германского нацизма, итальянского фашизма, японского милитаризма, их неопишущие ужасы и трагедии...”.

“В детстве нас стращали Бабой Ягой и Кашеем Бессмертным”, — попытался я свести его наступление к шутке.

Но Папа Карло отвёл её серьёзным уточнением: действительно пугали сущими выдумками, тем, что в реальности совсем знакомо мало или же вовсе в жизни не встречается.

“По Вашей логике, выходит, Бухенвальд, Освенцим, Гиммлер, Хиросима — это досужие выдумки?” — спросил я.

“А, простите, Со-лов-ки, Ягода, Ежов, ГУЛАГ и всё такое прочее — это мифические призраки?” — отозвался он, приложил к большому носу худющий указательный палец и вроде как с преувеличенным интересом выкатил на меня свои округлые глаза.

Возражать по сути было нечего и нечем.

Но совсем не показалось мне странным, что в своём перечне Папа Карло не назвал Берию — опустил неспроста, ибо на Западе куда как раньше нас оценили его (Берию) в истинную величину. Причём не как отпетого садиста-злодея, а как здравомыслящего политика, намного опередившего в замыслах и действиях своих кремлёвских поделльников, а потому и поплатившегося за это жизнью.

Не стал я возражать.

К тому же за плечами у обоих итальянцев было куда как поболее, чем у нас. Оба воевали у Муссолини и за Муссолини. Точнее — за короля-императора и дуче. Профессор — в Северной Африке, затем под Сталинградом. Был танкистом. Папа Карло — сначала в Средиземноморье, потом близ Воронежа, на Дону — в России. О своих приключениях, вернее, злключениях на войне ни тот, ни другой особенно не распространялись. Хотя и особенно их не замалчивали. Папа Карло, например, хорошо выговаривал не только фамилии своих командующих в России (она была для него и Россией, и Украиной, и ещё Белоруссией), но и некоторых военачальников Красной Армии. Среди них — командующего войсками Брянского, затем Воронежского фронтов генерала Голикова.

Ах, этот “тихий” генерал Голиков...

“Ага, очень полезно знать того, кто тебя лупит! Очень, по крайней мере, мне знакомая личность — Филипп Иванович”, — видимо, вырвалось у меня вслух нечто такое нехорошее, атавистически-злорадное и уж совсем не очень пристойное нынче, когда человеколюбиво готовы искренне брататься позавчерашние самые заклятые недруги.

Грузным обличьем в чём-то схожий с дуче — возможно, крепко посаженной, всегда “под Котовского” наголо бритой головой генерал-лейтенант, генерал-полковник, а впоследствии Маршал Советского Союза Голиков в нашем общенародном бытовом и военно-историческом сознании полководчески никогда не стоял рядом с такими фигурами, как Василевский, Баграмян, Малиновский, Ерёмченко, Мерецков, Толбухин, Черняховский, Говоров, не говоря уже о Жукове, Рокоссовском, Чуйкове или Коневе.

Голикова активно не сопровождала, как, например, Будённого, Ворошилова, Тимошенко, когда праведная, а когда и не совсем — глухая или же явная неприязнь самих военных, а особенно историков-перевёртышей и разоблачителей вроде Волкогонова. Голиков всегда оставался (и остаётся) в густой тени поразительной безвестности — примерно такой же, в какой пребывают (и не покамест, а, увы, видимо, надолго) адмирал флота Октябрьский или же Главный маршал

авиации Новиков — этот настоящий Жуков горького неба войны. Хотя в отличие от Жукова, воевавшего — и это мнение не моё, а толковых военачальников — не числом, а умением.

В канун многогосударственного вторжения в СССР, обычно называемого гитлеровским, Голиков руководил у Сталина и тогда всезнающей армейской разведкой. ГРУ — Главным разведывательным управлением. К ГРУ были приписаны не только группы легендарного Рихарда Зорге, но и немало других асов этого смертельно опасного тайного ремесла. Голиков неоднократно и довольно смело предупреждал любимого вождя обо всех грозных симптомах и опасностях. Однако тот и ему не спешил верить, как, впрочем, себе тоже.

После полного разгрома Восьмой армии итальянцев (в том Голикову помогали его начальник штаба генерал-майор Казаков, член Военного Совета генерал-лейтенант Кузнецов, смежный Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта Макса Андреевича Рейтера и многие другие) в Кремле сочли нужным использовать Голикова на работе со всеми кадрами Красной Армии.

В апреле 1943 года Сталин отозвал его под свою руку — в заместители народного комиссара обороны СССР по кадрам. В дальнейшем вся жизнь Голикова была военной, вплоть до самых преклонных лет. Скончался он уже в ядерно-ракетную эпоху, пережив своё 80-летие почти на две недели — 27 июля 1980 года, окружённый многочисленной роднёй и тихим почитанием ветеранов-армейцев. Его большое счастье, что он не стал свидетелем развала родной державы и, стало быть, Советской Армии и Флота.

Папе Карло совсем не обязательно было знать всё о генерале Голикове. Но он без пространных комментариев согласился. Хотя его худое лицо приняло досадливое, даже злое и решительное выражение. Да, он слишком хорошо помнил, как в январе 1943 года в России его родная Восьмая армия разделила трагическую судьбу румынских и венгерских, а до того ещё и испанских войск, австрийских, прусских, баварских и прочих в конечном счёте гитлеровских добровольцев. Среди них Папа Карло встречал однажды даже большой отряд неких “донских казаков”. Скорее всего, это были люди бывшего белого генерала Краснова, после войны казнённого по советскому суду через повешение.

Но послевоенная судьба генерала Краснова, бежавшего от Гражданской войны из России в Германию, моего визави в момент нашего очередного разговора в достославном германском городе Дрездене мало трогала. Ему куда ближе и дороже были тысячи и тысячи судеб своих соотечественников: именно тогда, в начале теперь уже раздалёкого 1943 года ещё совсем недавно элитно-отборные итальянские дивизии обратились в человеческий лом и прах. В их числе “Равенна”, “Челере”, “Кассерия”, “Пасубио” и его родная-преродная дивизия “Торино”.

“Торино” всегда была на особенно хорошем счету у первого в СССР итальянского главнокомандующего Мессе, а потом и у второго — Гарибольди — не путать с Гарибальди!

Если верить графу Чиано, Гарибольди, этот “глупый и старый флегматик” с массивным носом и подкрашенными усиками, весьма почитал стратегию Генштаба Франции и очень сомневался, что русские вообще могут быть военными. Вот к такому полководцу и попал в прямое подчинение Мессе. Я так полагаю: здесь некое искажение у графа Чиано.

Говорили, а потом и писали, что Мессе был весьма строптив. Этот генерал, а потом маршал, якобы не скрывал правды, когда лично докладывал в Риме Муссолини о фронтовых делах. Очень может быть. Долг любого военного помнить о правде.

Верно, говорили ещё о том, что Муссолини слушал отчёты Мессе весьма рассеянно. Почему? Да всё потому, что дуче уже был сыт войной по горло и выше. Он

отменно прозревал её финал. По крайней мере для себя, для короля, для Италии. Ему надо было с почётом выходить из *ненужной* войны. Хотя с каким там, к дьяволу, почётом, когда всё уже и в России, и в Северной Африке расплозлось по швам с позорным треском! И как можно было отвязаться от заклётого своего почитателя — Гитлера? Да, пожалуй, никак. Тут любая ложь во спасение. А старый Гарибольди был осторожным флегматиком, и фронтовая правда ему, как и самому дуче, была ни к чему. Дуче, запутавшийся в своих высокодержавных противоречиях, морочил голову всему народу. А Гарибольди — самому дуче и всей Восьмой армии. Опять очень скверной получалась диалектика.

И вот однажды стылым зимним утречком, когда героическая дивизия “Торино” занимала правый фланг Восьмой армии, появились русские танки. О! Их было не очень-то и много, но все они казались огромными-преогромными. Это были танки “Т-34”. Папа Карло знал: эти исполинские чудовища вполне могли перемещаться со скоростью приличного автомобиля — шестьдесят километров в час. Тогда как итальянский танк “Р-40” и на хорошей дороге не выжимал и сорока. Но в “Торино” ещё были в качестве тягловой силы какие-то трактора, обитали вечно плохо кормленные лошади и мулы (их ещё не успели пожрать). А вот танков к тому времени раз-два и обчёлся. Правда, их Папа Карло тогда самолично не видел. Часы показывали ровно десять утра. Но смотреть на циферблат было некогда, потому что глаза каждого устремились и прилипли к танковой броне. Там гроздьями висели каким-то чудом красноармейцы и стреляли из своих советских круглодисковых автоматов. Они очень метко стреляли, эти нередко азиатского обличья люди.

С количеством убитых, раненых, пленных итальянцев в СССР у различных армейских воспоминателей, а также профессиональных историков и сейчас приличный разнобой. Но как бы то ни было, счёт никоим образом не напоминал итальянские потери при нападении Муссолини в 1940 году на Францию, Югославию, Грецию.

Только в одном Альпийском корпусе на Воронежском фронте при отступлении от Дона под ударами солдат Голикова и партизан легло костями 30 тысяч стрелков из 57 тысяч.

“Ну уж так и тридцать тысяч?” — усомнился Кунаев, когда позже я поведал ему о своих дрезденских посиделках.

“А какой смысл преувеличивать?” — ответил я вопросом на вопрос.

“Тогда продолжай”, — логично предложил Д. А.

Ещё одна несусветная фигня — итало-германское братство по оружию

“Неприятно говорить, но мы драпали в январскую стужу беспорядочными толпами. Немецкие союзники ничем нам не помогали. И мы и они бросали всё, что только можно было бросить и оставить. Склады. Аэродромы. Винтовки и автоматы, другое вооружение. Боеприпасы. Раненых тоже бросали. В этом кошмарном хаосе ничьим приказам никто не подчинялся. Слова о присяге, о долге, наконец, о милосердии оказывались совершенно лишними. Кто мог, потом напивался до бесчувствия и оставался валяться на снегу. Кто мог, трезвым пускал себе пулю в рот или висок. Стаи воронов сопровождали нас. Многие солдаты сходили с ума. Особенно поздними вечерами или ночью. И вот так, представьте, каждые Божьи сутки. Убеждён, на том свете намного легче. За полбуханки твёрдого, как камень, хлеба люди готовы были убить один другого ножом, палкой или разорвать зубами”, — прокатывал не спеша Папа Карло страшные видения им пережитого.

Конечно, не все теряли человеческий облик. Несли при себе оружие. Пытались помочь обессилевшим. Кто-то даже исправно принимал радиосводки, хотя ещё задолго до отступления германский генерал Типпельскирх (кстати, будущий довольно значительный и правдивый историк) позаботился, чтобы итальянские штабисты не пользовались сводками Верховного Командования Красной Армии, а внимали только сводкам Германского Командования. Только его и слушали, этого Типпельскирха.

С немецкими союзниками на всех уровнях итальянцы почти всегда были на ножах. Итальянцам мало что оставалось после гитлеровцев. Те грабили в Донбассе и везде подчистую.

Папа Карло прекрасно помнил, как Московское радио повторяло для итальянских и немецких войск:

“Слушайте, запоминайте и делайте выводы — каждые семь секунд в России погибает один вражеский солдат”.

Это было сухой ерундой — погибало гораздо больше.

Вот тогда-то, быть может, впервые в эфире прозвучало от стен Кремля:

“Русские ненавидят Гитлера и Муссолини, но не итальянский и германский народы!”.

Но всё-таки советская пропаганда — вольно или невольно — однако в самой значительной степени щадила самолюбие итальянцев. Хотя бы в регулярных сообщениях Информбюро “В последний час”. В них противник назывался только лишь “немецко-фашистскими войсками”, а об итальянцах не упоминалось вообще.

Уже после нашей с ним пикировки насчёт Бухенвальда — ГУЛАГа, Гиммлера — Ежова профессорский спутник с удовольствием вспомнил, как в марте 1942 года фронтовой друг написал ему из Днепропетровска о том, как там итальянские солдаты поддали нацистам жару в драке возле кинотеатра. Немцы не пускали итальянцев на сеанс. А после грандиозного уличного побоища желающих посмотреть новый фильм не обнаружилось.

“Поймите меня правильно. Я не расист. Но, повторяю, очень многие солдаты и офицеры Гитлера смотрели на нас свысока. А его генералитет не считал нас, итальянцев, надёжными союзниками. И, возможно, были на то основания. Вы полагаете, что я не знаю, как русские солдаты презрительно называли нас макаронниками, а румын — мамалыжниками. Мамалыга, и это вы, наверное, знаете, вид кукурузной каши...” — напомнил мне Папа Карло.

“Ещё и как знаю про мамалыгу”, — коротко подтвердил я и не стал распространяться о том, что мамалыга была, наверное, для меня и моих родных в последний военный год и послевоенное время единственным реальным спасением, её я с детства в селе Тургень вместе со ссыльными немцами, чеченцами, поляками наелся до предела на всю оставшуюся жизнь. Правда, там мамалыгу называли саламатой.

“... А японцев ваши окрестили жёлтыми мартышками или очкастыми макаками, — тихохонько продолжил собеседник. — Это я тоже слышал от знающих людей. Это и есть чистопородный расизм советских интернационалистов”, — упорно настаивал Папа Карло.

Не стал я ему говорить о том, что пленных японцев, добротню строивших многие дома, мы, не очень-то сытая алма-атинская ребятня (мы уже с матерью выехали из села Тургень) ни мартышками, ни макаками никогда не называла.

Напротив, была с ними по-своему дружна.

Поражалась их трудолюбию и дисциплинированности.

Нередко таскала им какую-то нехитрую еду, полутайком выменивала на японские перочинные ножички и алюминиевые монетки (с аккуратненькой

дыркой по центру) взятое дома взаймы, но без отдачи отцовское курево. Мой отчим — капитан по званию — получал тогда свои пайковые папиросы. Это были роскошные по тем убогим и несатым временам пачки московских или ленинградских “Казбека” или папирос покороче — под названием “Пушки”. Пленным японцам тоже они перепали и раскуривались с удовольствием.

“Мало ли кто кого как называл”, — примирительно молвил профессор.

Папа Карло отвёл примирение резким жестом:

“Каждый народ — заложник своей истории. И ничего у меня нет против немецкого народа. Наш Данте и немецкий Гёте для меня равновелики. Но что за мания была у нацистов и коммунистов? Нацисты хотели вскрыть во время войны могилу Данте, чтобы увезти его череп в Германию и доказать там, что он был чистокровным арийцем. Пришлось нам, итальянцам, опередить немцев и перепрятать кости Данте в надёжном месте. В самой Германии уже после войны коммунисты потрошили склеп Гёте и Шиллера. Пропитывали скелеты каким-то специальным составом якобы для того, чтобы обеспечить останкам вечную сохранность. Это же — святотатство! Но при чём тут все немцы?.. А когда вы мне сообщаете, что радио изобрёл русский Попов, я возражаю — нет, не Попов! Радио изобрёл итальянец Маркони. Гульельмо Маркони! За это он был удостоен Нобелевской премии. Ещё в 1909 году!”, — Папа Карло в знак незаурядной значимости события и даты, о которых оповестил меня, сильно взмахнул обеими руками, словно собрался взлететь.

Ради, как говорил Ильич Первый, национальной гордости великороссов пришлось парировать:

“Изобретатель радио Александр Степанович Попов не запатентовал своё открытие. Но он был удостоен Золотой медали на Всемирной выставке в Париже уже в 1900 году. Через год его радиосвязь достигала дальности в 150 километров! Однако Попов очень рано умер. 45-ти или 46-ти лет. В самом конце 1905 года”.

“Конечно, конечно. Проклятый царизм душил таланты”, — успел съязвить соотечественник Маркони.

Пришлось игнорировать ехидную ремарку, но продолжить уточнительно и тоже не совсем нейтрально:

“А Маркони прожил до 1937 года. И Нобелевская премия у него была не индивидуальная, а пополам с другим изобретателем. Будто бы с немцем Брауном”, — спокойно оповестил я визави.

Не стал затруднять его подробностями (всегда-то кажется нам — успеется поведать в другой раз!) о том, что сам некогда, ещё в юных пионерах, получал на радиосоревнованиях (по скоростным приёму и передаче на ключе) Почётные грамоты оборонного общества, и вот кое-что узнанное ещё тогда вдруг неожиданно сгодились через два десятка лет и даже больше. Спасибо нашему радио клубу на старой алма-атинской улице Седова, бывшей при жизни Попова, кажется, улицей Церковной.

“Ладно, — вроде как нехотя согласился собеседник. — Итальянец Маркони, немец Браун и этот ваш русский Попов — собратья по изобретению радио. Можно сказать, технические единомышленники. Одного корня. А вот итальянец Муссолини, немец, точнее — австриец Гитлер и условно ваш “русский” Сталин — это же совершенно разновалентные политики! Не буду о Сталине, скажу о Муссолини и Гитлере — это же как небо и земля! И никак непозволительно ставить их на одну доску!” — убеждённо сватал он меня в свою неулетучившуюся с младых ногтей веру.

Продолжение в следующем номере.

Весь мир в себя вобрав...

Весной этого года в столичном музее современного искусства в течение месяца демонстрировалась персональная выставка “Территория цвета” молодой художницы из Алматы Анары Абжановой, вызвавшая пристальный интерес ценителей живописи.

Уже тот факт, что 23-летняя девушка, по сути только начинающая вхождение в большое искусство, удостоилась чести представить свои работы в Астане, свидетельствует о её творческой состоятельности.

Родилась Анара 18 ноября 1986 года в Алма-Ате. Рисовать начала с пяти лет. В 1998-2001 гг. занималась в студии “Центр обучения изобразительному искусству для глухих детей” у художников Галии и Балхии Кусайиновых (ГаБо) (их выставка проходила в музее современного искусства Астаны несколько лет назад) и Алексея Уткина, окончила школу слабослышащих. В 2007 году окончила художественный колледж Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова, а ныне является студенткой этого прославленного учебного заведения.

“Благодарю свою маму Базаркуль Ратовну, которая открыла для меня мир искусства, научила уважать труд, восхищаться природой, человеком и его талантом”, — выразила свою признательность Анара.

Сочетание таланта и трудолюбия приносит свои плоды. Уже пятнадцать лет Анара Абжанова участвует в международных и республиканских выставках. Это международный фестиваль детского рисунка “Тюльпан и человек” (проведённый в Алматы государственным музеем искусств имени А. Кастеева и посольством Королевства Нидерландов в РК); выставка изобразительного и декоративно-прикладного искусства первого республиканского фестиваля творчества детей с ограниченными возможностями “Синяя птица”; фестиваль цветов Голландии; республиканский конкурс детского рисунка “Я — юный гражданин Казахстана”. На них творчество юной художницы отмечено грамотами, дипломами, сертификатами.

Плодотворным был для неё юбилейный 2006 год. В алматинской галерее “Трибуна” прошла её первая персональная выставка “Мир, в котором я творю”; Анара участвовала в IX международном фестивале творческой молодёжи “Шабыт”; III международном биеннале глухих и слабослышащих художников “Leonardo Da Vinci Arte” (Рим, Ватикан); в групповой выставке “Коктем нуры” в галерее “Улар” (Алматы). Она стала лауреатом (Гран-при) первого специального республиканского фестиваля детского творчества “ЖулдызАй”, проходившего в Астане. Кстати, из Италии Анара вернулась не только с международным сертификатом, но и с целой серией архитектурных этюдов, где были запечатлены характерные приметы зданий, улиц и площадей “вечного города”.

Не менее насыщенным и удачным выдался 2007 год. В Алматы прошли персональные выставки “Вдохновение” (в галерее “Ретро”) и “Тонкость души” (в галерее гостиницы “Анкара”). Кроме того, Анара принимала участие в выставках: “Коктем” (преподавателей и студентов КазНАИ им. Т. Жургенова в Центральном выставочном зале), “Город, похожий на мечту” (в дирекции художественных выставок и аукционов); а также в международной обменной выставке в Кванджу (Южная Корея), международном фестивале глухих художников “SINOSZ-ART” в Будапеште (Венгрия).

В 2008 году Анара Абжанова принимала участие в I Азиатской международной выставке художников в Токио (Япония); групповой выставке “Город и предмет” (в галерее Арт-Центр “Алма-Ата”), республиканской выставке творческой молодёжи “Серпер” в номинации “Живопись”; второй городской выставке молодых художников, посвящённой Дню независимости РК (ГМИ им. А. Кастеева), где заняла второе место.

Большой успех пришёл к Анаре Абжановой в Астане в ноябре прошлого года. Она была удостоена самой высшей награды — Гран-при в номинации “Живопись” XI международного фестиваля творческой молодёжи “Шабьт” (“Вдохновение”) — авторитетного форума, который ежегодно проходит под патронатом Президента РК Н. Назарбаева, под эгидой ЮНЕСКО и при поддержке столичного акимата. Если учесть, что в конкурсе участвовало более 150 молодых художников Казахстана, а также ближнего зарубежья, представивших около 400 картин, то лауреатство Анары Абжановой можно расценить как блестящую победу, как признание таланта.

“Её живописные произведения, выполненные в разных жанрах — городской пейзаж, натюрморт, интерьер — отличаются свежестью колорита, нестандартностью мышления и производят светлое впечатление. Анара Абжанова — очень эмоциональный человек, она работает всегда с вдохновением и показывает себя вполне сложившимся человеком, мудрым, как полагается художнику, и нежным, как полагается женщине. У неё большой творческий потенциал, произведения её с каждым разом становятся всё интереснее и значительнее. Она нашла собственный изобразительный язык, который постоянно совершенствуется, стараясь находить всё новые и новые оттенки решения художественного образа”, — отмечает искусствовед Н. А. Полонская.

“Каждое произведение Анары открывает необъятный мир красоты окружающей нас природы. Картины погружают зрителя в глубокие философские раздумья о происходящем, пробуждают национальное самосознание и обращают к духовности”, — подчёркивает директор галереи “Арт-Трибуна” Б. Н. Асербеков.

“Работы Анары выполнены с мастерством и любовью, на высоком профессиональном уровне, в них оптимистический и радостный настрой автора, его желание увидеть весь мир целиком, его умение радоваться жизни”, — дополняет заведующая кафедрой “История и теория изобразительного искусства” КазНАИ им. Т. Жургенова О. В. Батурина.

“Отдавая дань Астане, где её живопись получила первое громкое признание, она создала динамичный и запоминающийся образ столицы — нового крупного центра культуры Евразии XXI века, — подчёркивает президент Академии художеств РК, заслуженный деятель искусства РК Лаура Уразбекова во вступительной статье недавно выпущенного каталога работ Анары Абжановой. И подытоживает: — Она талантлива, целеустремлённа. Ей предстоит ещё пройти большой путь по совершенствованию профессионального мастерства. Фанфары и чудеса удач для истинного художника не затмевают радость настоящего творческого процесса, неожиданных открытий, поисков, живописных откровений, которым и сопутствуют признание, успех”.

Действительно, впереди у Анары Абжановой большой и напряжённый путь в искусстве. Но уже сегодня работы молодой художницы находятся в частных коллекциях Казахстана, Италии, Швейцарии, Франции, Турции и США.

Даметкен БЕКОВА,

**руководитель научно-просветительской группы музея
современного искусства г. Астаны.**

Мария ШВЕЦОВА

Жили-были...

Эти заметки написаны рукой Марии Анатольевны Швецово́й (Бронниковой), родившейся в 1907 году. Тетрадки с её записями сохранили дети Герман и Елена, живущие сейчас в Бийске (им уже за 80 лет), а в нашу редакцию этот удивительный документ целого поколения прислал из села Солонешное Алтайского края Александр Александрович Швецов — внук Марии Анатольевны и Василия Николаевича Швецовых. Столь бережное отношение к памяти своих предков, к истории вообще заслуживает огромного уважения.

При подготовке этой рукописи в печать, в процессе общения с Александром Александровичем Швецовым, выяснилось, что и его дед, муж Марии Анатольевны, тоже оставил свои тетрадки, которые теперь, при содействии внука, стали книгой "Горькая новь". К сожалению, рукопись деда обрывается описанием событий конца 1922 года в алтайской глубинке, когда было подавлено движение бывших красных партизан, восставших против продразвёрстки и ломки векового крестьянского уклада.

А из объёмного материала, оставленного Марией Анатольевной Швецовой, мы выбрали ту часть, которая повествует о житье-бытье этой семьи в наших краях, стараясь сохранить стиль автора.

Село Тележиха Бийского уезда всегда жило богато и зажиточно. Сколькo здесь было искусных умельцев на все руки! Одних только сапожников — полтора десятка, а ещё плотники, шорники, бондари, пимокаты, гончары, пасечники, маслоделы... Но в октябре 1917 года, как говорят, отошла коту масленица. С 1917 по 1924 год вся отлаженная годами экономика Тележихи была парализована. При нэпе она немного воспряла, но потом снова была подрублена под корень коллективизацией, и пошло-поехало всё под откос...

... К весне 1931 года начала входить в колею новая колхозная жизнь. В колхоз пришёл первый трактор — невиданная машина. Но артельная жизнь не приносила ни сытости, ни счастья, и мы решили уехать.

В июне 1931 года мы с мужем Василием Николаевичем Швецовым, с двумя детьми и братом Михаилом уехали из своего района. Недвижимого имущества у нас не имелось, кроме койки, постели, необходимой посуды и ящика с книгами, что и взяли с собой. Ближайшая станция железной дороги (Алейск) — в сотне километров. Ехали на лошадях. Обширную степь я увидела впервые. Поразило, что в сёлах воду брали только из колодцев — не то что у нас в горах, где в каждой ложбине ключ или родничок. После коллективизации все поля были засеяны сплошь, без межей. Видеть это было странно.

Купили билеты до Алма-Аты. В Семипалатинске — пересадка. Там, на вокзале, встретили знакомых. Они рассказали, что в Алма-Ате такой наплыв переселенцев, что люди за городом живут в палатках. Уже в Семипалатинске меня удивило скопление разноязычной публики. Кроме русских и украинцев здесь были казахи, узбеки, туркмены, татары, цыгане, евреи. Здесь мы решили изменить маршрут и поплыли пароходом вверх

по Иртышу, на Зырянский золотоприиск. Я с детства была равнодушна к природе, Иртыш удивил меня своей красотой, быстрым течением. Чистейшая вода среди скал с таинственными названиями. Например, “Семь братьев”, “Семь сестёр”. В Зырянске квартиру мы не нашли, деньги кончились, районо закрыто, все в отпуске. Муж пошёл в райпотребсоюз, и ему там предложили работу счетовода в селе Малокрасноярском. Село это было расположено на берегу Иртыша, часть района раскинулась в горах и тайге по рекам Бухтарме и Тургусуну, а часть — на равнине по Иртышу, где он широко разливался. Квартира была на берегу Иртыша, здесь мы и остановились, а брат уехал в тайгу на лесозаготовки.

В начале августа в одну из ночей случилось землетрясение. Не знаю, сколько баллов, но это был ужас. Мы похватили детей и выскочили в ограду. Казалось, что земля вот-вот разверзнется, река страшно шумела, лошади ржали и срывались с привязи, коровы мычали, домашняя птица галдела на все лады. И продолжалось это, может быть, минут 15. Следующим вечером всё повторилось. Тогда мы решили, что жить здесь не останемся. Да ещё на работе муж разбирался в шкафу с архивом, и вдруг оттуда выпрыгнул огромный паук тарантул. Правда, говорили, что их укусы смертельны только в мае, но было страшно. В саманном помещении, где мы жили, было полно двухвосток и мокруш, у нас на Алтае подобной твари не водится, даже комаров нет.

С лесозаготовок вернулся брат, мы посоветовались, по карте прикинули, откуда доехать вниз по Иртышу хватит наших скудных финансов, и поплыли до неведомого нам Павлодара. Путь неблизок, вниз по течению километров семьсот..

Павлодар в 1931 году был маленьким городком. Приехали как раз к началу учебного года. Сразу же с пристани муж с Михаилом (они оба — учителя, и я тоже) пошли в гороно насчёт работы, им дали направление в село Ямышево, что в семидесяти километрах от города. Там открывалась школа крестьянской молодёжи. Василий Николаевич был назначен на должность заведующего, а Михаил Анатольевич в село Чёрное заведующим начальной школой.

Ещё на пристани мы узнали, что в этом году здесь сильная засуха, ни хлеб, ни овощи не уродились, даже сено было только на пойменных лугах. Ночевали на пристани, а утром наняли пару лошадей, чтобы ехать до места. Километрах в пятнадцати от города увидели на берегу Иртыша село Подстёпное, застроенное добротными домами — видать, по плану, в несколько улиц, чего у нас на Алтае не наблюдалось. Но оказалось, что в селе совершенно никто не живёт. Ямщик-казах рассказал, что село это было построено на казачьей линии, жили здесь казаки. В Подстёпном многих побили в гражданскую войну, оставшихся раскулачили и сослали, многих взяли по ведомству ОГПУ, остальные разбрелись кто куда. Казачьи линии, кстати, были и у нас на Алтае по Чарышу, Бии и Катуню.

Советскую власть казахи приняли от души, но коллективизация им обошлась очень дорого. В полутора десятках километров от Подстёпного подъехали к аулу с лачугами из самана. Здесь тоже никто не живёт.

Ямщик поведал, что скот обобществили, не оставив в личном пользовании ни одной животины. А казахи-кочевники посевов не имели, жить им стало совершенно нечем, и они разбрелись, куда глаза глядят. Некоторые ещё кочуют с остатками скота. А в ауле ни кустика, ни деревца, ни оград, ни огородов. Плинобитки с маленькими окнами как для животных, так и для людей. Пристройки одна к одной. Всё это под сплошной крышей, иногда строение тянется чуть не на полкилометра. Ямщик рассказал, что на пути есть ещё одно селение, в котором живут старик со старухой, нам придётся там ночевать — лошади устали. А завтра часам к двенадцати будем в Ямышево.

Мы узнали, что где-то рядом есть ещё село, там украинский колхоз. А на пристани я слышала, что в окрестностях водятся разбойники, которые грабят и убивают. Ямщик казался нам ненадёжным человеком, но мои мужчины имели оружие. В посёлке возница пошёл разыскивать стариков. У нас был запас сухарей, мы их угостили и стали просить ямщика довести нас до украинского села. С большой неохотой он согласился. Километров через восемь действительно показалось село с белёными хатками с зелёными палисадниками, огородами и даже небольшими садами. Попросились ночевать. Муж попросил для детей молока, но хозяева сказали, что они и рады бы нас покормить, да нечем. Живут плохо, овощи — и те нынче не уродились. Картошка мелкая — в лунках по три-четыре картофелинки с голубиное яйцо. Девочка с огорода принесла детям паслён. Утром часам к одиннадцати мы приехали в Ямышево.

Большая кирпичная красивая церковь стоит при въезде. Село в несколько улиц с большими домами, большинство из них под железными крышами, при каждом доме отдельная кухня, строения огорожены тесовыми воротами, палисадниками, есть огороды и разные надворные постройки, амбары, конюшни и т. д. Людей не видать, как и скота, птицы, даже собак. Необычная тишина. Оказалось, люди в селе живут, но днём их здесь мало. Взрослые на сборе арбузов, дети с ними. Есть магазин, но продавец тоже в поле. В школе есть женщина-сторож, но и она в поле. Встретившаяся нам старушка, выслушав нас, дала ключи от школы, которые ей оставляли на всякий случай.

Мы рассчитались с возницей, зашли в класс и стали обсуждать, куда нас занесло, что делать и как дальше жить. Обошли школу и двор. Здание очень хорошее, четыре классных комнаты, учительская, комната для сторожа, есть баня, сарай для дров, есть и дрова, но немного. Согрели чай, затопили баню, ведь за долгую дорогу покрылись слоем пыли. Миша взял ружьё и пошёл к озеру, через короткое время прозвучал выстрел, и он вернулся с убитой дикой уткой.

Вечером пришла уборщица, ещё не старая женщина. Поговорили. Она сказала, что председатель сельсовета только приехал, живёт недалеко, лучше сейчас его застать дома. Василий Николаевич пошёл к нему. Председатель встретил его хорошо. Рассказал, что учителей не осталось ни одного, все разъехались. Жители из села тоже уезжают. Сейчас в колхоз объединили семь сёл, весь скот согнали в одно место. Власти стараются задерживать людей, не дают им документы, но по ночам люди всё равно уходят. Остались коммунисты и комсомольцы, которые по ночам дежурят. Для школы колхозной молодёжи планируется выделить общежитие. Районо

обещает снабжение для учителей и учащихся. “Духом не падайте, — сказал председатель, — будем надеяться, что государство окажет помощь”. Сам он — большой энтузиаст, коммунист, воевал в первую империалистическую, в гражданскую. Был приговорён колчаковцами к расстрелу, но удалось бежать. Что касается квартиры, то он предложил нам занимать любой свободный дом, желательнее ближе к школе. Что касается продуктов, то кроме арбузов ничего нет, их можно брать сколько угодно.

На следующий день мы пошли присмотреть себе дом. Входишь в квартиру — крыльцо с верандой, всё покрашено, в комнатах хорошая мебель: столы, стулья, диваны, кровати, буфеты с посудой, хорошие часы, дорогие картины, портреты, иногда книги. На Алтае в крестьянских домах мы такого не видели. Но поразила не обстановка, а отсутствие хозяев, казалось, что они на минуту вышли и сейчас вернутся. И становилось жутко, что мы зашли в чужой дом без разрешения. Прошли домов десять, картина одна и та же. Квартиру не выбрали. Совесть не позволяла войти в чужой дом с чужими вещами. Мы были ошеломлены и расстроены. Не знали, как нам быть. Я горько плакала: куда мы попали, дурные головы! Зайдём мы в чужой дом, а вдруг хозяева хоронятся где-нибудь на острове или в степи. Казаки — народ отчаянный, ночью набегут и отрубят нам головы, и правы будут..

Председатель сельсовета сильно удивился, что мы не выбрали себе квартиру: “Да заберите себе эти вещи или отнесите в сарай, под навес...”. У нас в Солонешенском районе, когда раскулачивали, то всё из дома вывозили, вплоть до веников. А здесь всё иначе...

Кое-как нашли дом с одинокой старушкой, у неё и устроились. Она нас приняла с большой радостью, но посетовала, что продуктов у неё никаких. Мы сказали, что питаться будем вместе, дадут ведь нам какой-то паёк, да и зарплату будем получать. На том и решили квартирный вопрос. Оказалось, что в колхозе есть артель рыбаков в семь человек, и рыба есть. На молочной ферме нам стали давать по два литра молока. В сельпо привезли муку, которая даже не была чистой мукой, а какой-то смесью, но мы и этому были рады. О масле не было и речи. Хозяйка кухню взяла на себя и наотрез отказалась от моей помощи.

... Приехали ещё учителя — два паренька лет по восемнадцать. Занятия в школе начались. В начальных классах набралось из окрестных сёл человек двадцать, а в старшие классы съехалось около двадцати пяти человек лет по пятнадцать-семнадцать. В те годы в первый класс приходили в основном десятилетки. Обеспечили их общежитием (отдельно для ребят и девочек) и столовой с трёхразовым питанием и самообслуживанием. Создали комсомольскую организацию и ученический комитет. Сказались организаторские способности мужа. Учителя часто ходили на охоту в поля на рябчиков — и не безуспешно. В школе работа наладилась. А в колхозе дела были плохи. Скота много, а ходить за ним некому. Ребята из ШКМ ежедневно дежурили в колхозе, работали на фермах. Корма не заготовлены в нужном количестве. Скот ещё с засушливого лета был отощавший. Не знаю, чем руководствовались правление и те, кто выше, но было ясно, что кормов на такое стадо не хватит, лишних животных надо было забить

и кормить работающих людей. Мальчишки из ШКМ собирали каждое утро погибший скот. Падаль вывозили за село, закапывать команды не было, да и некому было это делать.

Ямышево расположено на тракте, по которому тянулись измождённые путники. Когда начались морозы, люди, в основном казахи, падали по дороге и замерзали. Утром по всему селу лежали трупы. Была организована специальная подвода, чтобы их убирать. Голодные иногда стучались в дом. Хозяйка закрывала ворота и двери на все запоры и окна на ставни. Запоры, задвижки и болты были прочнейшие. Однажды, когда я шла из школы, ко мне подошёл парнишка лет шести и стал просить есть. Хотя он говорил по-казахски, я понимала, что ни о чём, кроме еды, он не мог говорить. Завела домой, покормила, он обогрелся и ушёл. Такое повторялось много раз. Хозяйка на меня ворчала, просила этого не делать: “Голодных тысячи, всех не накормишь, вы сами умрёте вместе с ними с голоду, подумайте о своих детях, ведь не мы же в ответе за эту беду”. Я умоляла мужа взять хотя бы одного себе в дети, но он не согласился — мол, чужих не спасём, и своих погубим. Когда сядились обедать, я не могла есть, сидела и плакала. Муж и хозяйка ругали меня, сейчас я понимаю, как тогда рвала им душу.

Хотя мы сильно и не голодали, но обстановка была тяжёлая. Много горевали — вот уехали с родины искать чего-то лучшего, так нам и надо. Зимой из обкома приехала комиссия из шести человек — три врача и три начальника. Начальство разместилось у председателя колхоза, а врачей на ночлег позвал к себе муж. Поужинали, распили бутылку, и они стали рассказывать о своей работе: “Проехали много сёл, обошли в каждом по несколько домов, люди больны, обессилены, умирают от голода. Действительно, ничего нет съестного. Нужно писать акт обследования, указывать причины смерти и болезни, а начальство жмёт — пишите, что эпидемия. Говорим, какая? А это уж вы, медики, решайте сами...”.

Из школы дети выбывали, пришлось объединять начальные классы. Муж поехал в гороно вместе с председателем колхоза, у того большой хороший дом в городе, там и ночевали. Возвращение было безрадостным: приказали кого-то из учителей сокращать, поскольку учеников осталось совсем мало. Сократили меня — по моей настоятельной просьбе. И тут муж сказал, что придёт весна, начнёт всё таять, будут разлагаться трупы людей и животных, начнётся эпидемия. “Надо во время зимних каникул договориться с начальством и отвезти вас к родителям хотя бы до Бийска, а может, удастся и до Тележихи”. А ещё он рассказал о своей поездке в город: “Приехали в городе к нашему председателю колхоза, и знаешь, у него в квартире я увидел целый склад вещей, настоящий музей. Много настольных и настенных часов, зеркал разной формы, кругом ковры, несколько швейных машинок и ещё всякая всячина. Я думал, он настоящий коммунист, а он просто хапуга, хуже всяких кулаков, видеть его не могу теперь. Там живут его взрослые дети: сын и дочь”. В Ямышево, кстати, он тоже поселился в лучшем доме, жил вдвоём с женой. Чуть позже председателей дом ночью вспыхнул, как свеча, сам и его жена едва успели выскочить. К счастью, не было ветра, и сгорел только один этот дом.

Ещё хочется написать о церкви. В первые дни, как приехали, пошли к церкви, посмотреть. Ворота не закрыты, двери в храм тоже нараспашку. В детстве мы ходили в нашу тележихинскую церковь и молились. Школьники обязаны были ходить на молитву с учителем, строем, строго дисциплинированно. Как говорили нам: “Со страхом и верою в дар Божий”. И сейчас мы, уже как бы и неверующие, входим тоже со страхом в ямышевскую церковь. Здесь иконы, подсвечники, люстры, аналои, знамёна — вся церковная обстановка на своих местах. Зашли в алтарь, там тоже, как и должно быть, и ризница, и ризы, шитые золотом и шелками, и ещё разные принадлежности. Платы и салфетки тоже дорого расшитые. Зашли в боковую комнату — довольно большая с одним узким окном, стена от пола до потолка уставлена стеллажами, складная удобная лестница, посередине — стол. Огромные книги все пронумерованы и разложены по годам, отдельно книги метрических записей. У нас в Солонешном по указу правительства, когда церковь была отделена от государства, все метрические записи были переданы сельсовету да там и сгинули. Эта же судьба постигла книги, которые мы держали в руках. Книги трёхсотлетней давности. Тогда все государственные указы шли через церковь и там же их зачитывали народу. В Тележихе церковь была новая, построена в 1910 году. Тогда были уже земские управы, и указы шли через них. А здесь старинные указы писаны на старославянском языке, гусиным пером. Бумага такая, как сейчас обёрточная, серая, толстая. Обложки деревянные обклеены такой же бумагой. Читать там у нас не было времени, а взять с собой не решились. Позднее не раз ещё ходили в этот архив, читали указы ещё Екатерины Второй и Павла Первого, о налогах и разных пошлинах, о дорожном строительстве, о рождении царских детей и внуков, чтобы молились за здоровье новорождённых. Читали указы о сословиях — князь, дворянин, купец, крестьянин. Кто имел право носить какую одежду, из каких тканей, с какими украшениями. Указы о ценах на соль, о карантине во время чумы. Особенно внимательно читали указ о вымерших домах и их имуществе, в нём говорились, что кто будет входить в такие дома и что-либо брать там, будет наказан вплоть до смертной казни. Долго и много ещё чего читали о российской жизни. И тогда же нам пришла мысль, что наверняка в этом храме были золотые и серебряные сосуды, кресты, украшенные драгоценностями. И всё это, скорее всего, разграбили такие хапуги, как наш председатель колхоза.

Церковь окружает хорошая чугунная ограда. У входа вместо первой ступени огромный металлический брус метра три в длину и полметра в ширину. В ограде захоронения — тоже с чугунными крестами и плитами. На одном из совещаний сельского совета муж сказал, что церковь открыта, а там много ценного имущества и огромный ценный архив, где есть исторические указы трёхсотлетней давности. Надо это сохранить. На это заявление председатель колхоза сказал, что ризы нужно увезти в клуб, возможно, пригодятся в драмкружке. А архив — что за ценность! “Царские указы следовало сжечь ещё в 1917 году, а вы готовы ещё их хранить вместо того, чтобы собрать школьников, вытащить всё во двор и сжечь”.

Зимой приехали из города люди, чтобы снять с церкви колокола и кресты. Остатки сельчан пришли смотреть на это. Я не пошла. Церковную

утварь и одеяния свезли в клуб и бросили кучей в угол. Что стало с архивом, я не знаю, но тогда же, кроме колоколов и крестов, увезли на металлолом и огромный брус от крыльца, и ограду, и чугунные могильные плиты, и надгробные кресты. Всё пошло прахом...

Осенью мы часто ходили на берег Иртыша, где было много белых камней самой причудливой формы. Это алебастр. Он хорошо резался и полировался. Брат Миша сделал мне из него чернильницу, я налила в неё чернила и поставила на скатерть. Наутро обнаружила, что чернила пропитались насквозь, скатерть промокла. Берег Иртыша напротив церкви был выложен кирпичом километра на два в длину. Кирпич же был примерно на метр в воде, и в этой стене мы обнаружили дверь, окованную железом или чугунную, вероятно, отсюда подземный ход вёл к церкви. Мои мужчины бродили около этой двери, но отпереть её не могли и решили, что она заперта изнутри. Нас очень удивил кирпич, настолько прочный, что не только не размок, но при ударе только звенит и не ломается. Так и стоит в памяти этот храм с прекрасной архитектурой и огромным архивом. Как сказал поэт: "Не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне разрушенных белых церквей".

Стала одолевать только одна мысль: как бы быстрее выбраться отсюда! Мама писала, что на Алтае урожай хороший, сено поставили. Но план хлебосдачи такой, что на трудодни ничего не останется. В то время она работала на зерноскладе весовщиком. У нас зимние каникулы в школах района почему-то отложили на конец января. Приехал брат Михаил и сообщил, что меня срочно вызывают на конференцию в районо, и также рассказал, что бессемейных мужчин-учителей отправляют куда-то под Караганду, там строится новый город. Через день он уехал.

... У нас, в Бийском уезде, кроме Ойротской области, во всех школах преподавали на русском языке. А здесь были немецкие сёла, казахские, украинские, русские, и везде преподавали на своих языках, причём во всех школах был казахский обязательно. Мне интересно было побывать на такой разноязычной конференции. 24 января 1932 года мы выехали из Ямышево в Павлодар на учительскую конференцию. К тому же я с детьми и вещами уезжала совсем. Хозяйка провожала меня со слезами, мы с ней очень сдружились, хотя мне было двадцать три года, а ей за шестьдесят. Она мне много порассказывала о жизни русских казаков, о своём детстве и молодости. Я очень любила дружить с пожилыми и старыми людьми.

Ударили сильные морозы, мели бесконечные бураны, но пережить не было времени. Выехали на трёх парах лошадей, вместе с колхозным начальством. По пути много раз попадались трупы людей — и по одному, и по несколько, вероятно, это были семьи, потому что среди погибших были и дети. Увидели замёрзших плотной кучкой мужчину, женщину и троих детишек.

За день не смогли доехать, пришлось ночевать в украинском селе. На следующий день приехали в Павлодар. Я пошла в гороно забрать удостоверение об увольнении. Гороно занимало две большие комнаты, и в обеих

было полно детей от года и до семи, зачастую плачущих. Мы спросили инспектора, что это, — детдом переселяется, что ли? Оказалось, такое здесь ежедневно. Голодающие матери, в основном казашки, приносят детей сюда и оставляют без всякого оформления и согласия. Вот и приходится заниматься их размещением.

А город забит людьми. Муж купил билеты на поезд, но его предупредили, что это вовсе не главное, надо ещё суметь сесть в поезд. При его отправке никакая милиция не в состоянии навести порядок, такая бывает давка, люди лезут без билетов. С большим трудом нам удалось пробиться в поезд. А буран всё бушевал. Из Павлодара ехали на Новосибирск, а затем пересели на Бийск. Железнодорожные пути были занесены снегом, снегоочистители не успевали, и поезда задерживались. На станции Кривощёково произошло крушение пассажирского поезда, шедшего впереди. Три вагона сошли с рельсов, много было погибших и раненых. Наш поезд надолго задержали.

Множество народа и в Новосибирске. На Дальнем Востоке создали Биробиджанскую автономную область, и туда переселяли еврейские семьи с Украины. На вокзале детский крик и гвалт. В Бийск поезд прибыл в десять часов вечера. Взяли подводу до Дома крестьянина, но мест там не оказалось. Кое-как упростили дежурную, чтобы на полу разместиться до утра. Утром она отвела нам на четверых две койки, мы их сдвинули. Пошли обедать, в столовой хоть на первое, хоть на второе дают баланду в глиняных чашках с деревянными некрашеными ложками, видимо, наспех выструганными ножом. В 1929 году мы были в этой же столовой, тогда подавали хорошо приготовленные блюда в хорошей посуде, куда всё девалось, как быстро дошли до первобытного состояния!

В тот же день нам попался попутчик до Солонешного на порожней паре лошадей. Он ехал до хутора Глиняный, что в семи километрах от Тележихи. По пути от Бийска в сёлах было оживлённо, ходили по улицам люди, пели петухи, бегали собаки, наши детишки в один голос кричали: “Мама, мама, вон телёнок!”. Погода прояснилась, потеплело. Наконец мы дома! Родная Тележиха! При въезде в село увидели большую толпу и услышали громкие крики. Подошли. Из района пришло распоряжение забрать у населения коров, что оставались после коллективизации в личном пользовании. А вдова Елена Тимофеева не отдаёт свою корову. Стоит с топором у сарая и кричит, что зарубит всякого, кто к ней подойдёт. Позднее мы насмотрелись ещё и не такого.

И радостью, и плачем встретила нас мама. У неё ещё было немного хлеба и картошки, и только что отелилась корова. Но зря радовались, корову на второй день со двора увели. В селе ежедневные аресты, в основном — мужчин. Приходят ночью и забирают, неизвестно за что, беспартийных и партийных. Хлеб из колхоза вывезли весь. Начальство считает, что государственный план не выполнен. На трудодни дали только отход. Муж торопился на работу и на второй день уехал.

... Девятого марта я вернулась домой, а десятого поехала в Солонешенское районо и получила назначение на работу в Лютаевскую начальную школу. Квартиру пришлось снять частную. Продуктовый паёк

выдавали на семью, поэтому взяла с собой детей и свекровь. Начиналась весна, подтаивало, а я в зимней одежде и валенках. Мой багаж куда-то заслали по железной дороге. У детей по одной смене белья и нет демисезонной обуви. В магазинах райпо и сельпо ни за какие деньги не купишь ни одежды, ни обуви. Проработав неделю, я тяжело заболела малярией. Завшколой отправил меня в больницу, пролежала двадцать дней, стало лучше, но через неделю снова заболела и снова в больницу. Новый врач, внимательная пожилая женщина, осмотрела меня и сказала, что у меня не только малярия, но и нервы не в порядке. Моя сестра дала мужу телеграмму, что я тяжело больна, что дети без догляда. Свекровь засобиравшись домой в Тележиху, нужно садить огород. Люди доедали остатки овощей со своих огородов, начинали голодать. Уже в апреле, когда стаял снег, пошли по полям собирать прошлогодние колоски. В мае начался сев. Семена были протравлены. Если на гектар полагалось посеять десять пудов, они рассеивали по восемь, остальное приносили домой на еду. И началось повальное отравление, скоропостижные смерти.

Знали ли врачи и начальство причину смерти народа? Людям никто не говорил, что они травятся. Пошли разговоры о чуме. Вымершие дома заколачивали. В двадцать два года умерла сестра Василия Николаевича. Выменяла на какое-то платье муки, состряпала лепёшки, поела, ни на что не жаловалась, оделась, дошла до дверей, упала и умерла, не издав ни стопа. Свекровь ушла из Тележихи в Солонешное, нанялась в домработницы. Мама тоже оставила свой дом и всё, что в нём было, и больше никогда не вернулась. Люди разбредались кто куда. Спихватилось районное начальство, оставшимся стали выдавать молоко из колхоза. Примеров трагедий тех лет можно привести множество. Перечислять фамилии умерших знакомых ни к чему, вряд ли это кому-нибудь интересно. Вымирала вся страна...

Получив телеграмму о состоянии моего здоровья, мой муж с большим трудом уволился, не закончив учебный год, и выехал в Бийск. Узнав о положении в уезде, а в частности, в Солонешенском районе, решил туда не возвращаться. В то время началось строительство военного Чуйского тракта до Монголии. Строить планировалось силами заключённых Сиблага. Но требовалось много и вольных специалистов. Василий Николаевич пошёл в управление Шосдорстроя. Ему предложили ехать в Ойротию в село Онгудай, там намечалось основать дорожный рабкооп с торговыми точками от Бийска до монгольской границы. Его поставили на должность главного бухгалтера. Вскоре выслал посылку с обувью мне и детям. А я всё продолжала страдать тяжёлыми приступами малярии, врачи говорили, что нужна хина, а её не было. Пила акрихин, полынь, но не помогало. Болела не одна я, а очень много людей. В стране с 1917 года свирепствовал брюшной и сыпной тиф. Эта эпидемия длилась до 1923 года и унесла много жизней. Наверное, не меньше чем первая мировая война. И вот новая эпидемия — малярия. От голода, холода и грязи.

... Спустя какое-то время, муж взял командировку до Бийска, а от Бийска нанял пару лошадей и в конце мая приехал за нами. Начался другой этап жизни...

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 12.05.2009 г.

Подписано к печати 12.06.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 2824.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.